

21-й ВЕК

ISSN 1829-0396

2

2005

21-й ВЕК

ЖУРНАЛ ФОНДА «НОРАВАНК»

21-st CENTURY

JOURNAL OF «NORAVANK» FOUNDATION

2

ЕРЕВАН – YEREVAN

2005

21-й ВЕК

информационно-аналитический журнал

2, 2005

РЕДАКТОР

Гагик Арутюнян

ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА

Севак Саруханян

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Лилит Меликсетян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Манасян

Ваагн Агмян

Мушег Лалаян

Рубен Сафрастян

Саргис Арутюнян

Спартак Сейранян

Тамара Варданян

EDITOR

Gagik Harutyunyan

DEPUTY EDITOR

Sevak Sarukhanyan

EXECUTIVE SECRETARY

Lilit Meliksetyan

EDITORIAL COUNCIL

Alexander Manasyan

Mushegh Lalayan

Ruben Safrastyan

Sargis Harutyunyan

Spartak Seyranyan

Tamara Vardanyan

Vahagn Aglyan

ELECTRONIC TYPESETTING GROUP

Lusine Baghramyan

Ashot Karapetyan

СОДЕРЖАНИЕ

Гагик Арутюнян

Переходное состояние 3

Ваагн Агмян

Новые тенденции в глобальной стратегии США и парадигма мировой безопасности 21

Севак Саруханян

«Ядерный» и «революционный» мосты Европы к иранскому газу 38

Рубен Сафрастян

Турция и Кипрская проблема: эпизоды «большой игры» 54

Карен Ханларян

Армянский этнорелигиозный элемент в Западной Армении 67

Михаил Агаджанян

Международное и внутригосударственное измерение защиты прав и свобод национальных меньшинств в Грузии 80

Давид Бабаян

Красный Курдистан: геополитические аспекты создания и упразднения 115

Левон Абрамян

Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча 137

Арман Сагателян

К вопросу о проблемных аспектах информационной политики государства 156

Памятка автору 171

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ Геоидеологический фактор в глобальных развитиях

Гагик Арутюнян

Установившееся между основными конкурирующими геополитическими акторами динамическое равновесие можно представить как этап перехода от квазимонополярности к квазимультиполярности. В этой ситуации точные прогнозы принципиально затруднены вследствие идеологизированности политического пространства. Это обстоятельство наиболее явно заметно в стратегии США, в которой к классическим геополитическим и геоэкономическим положениям прибавились геоидеологические тезисы.

Попытки контролировать новые, важные с геополитической точки зрения территории посредством «революционных» технологий с идеологической формой и более слабо выраженным идеологическим содержанием напоминают политику СССР по «экспорту социализма» и «сохранению чистоты принципов социализма». Подобные действия в стратегической перспективе дискредитируют идеологические установки, вызывают сопротивление у других геополитических акторов. В результате формируются центры силы со своими собственными представлениями о существующем миропорядке. В качестве подобного центра сегодня многие воспринимают Китай, идеологические концепты которого более чем конкурентоспособны. При деятельном участии КНР сформировалась также Шанхайская организация сотрудничества. ШОС значительно активизировала свою деятельность и сумела эффективно прореагировать в условиях известной «революционной» ситуации в Узбекистане. Подобное развитие «Большой игры» в Центральной Азии можно воспринимать как вызов нынешнему квазимонополярному миропорядку.

Введение

Сегодня значительная часть текущих политических процессов продиктована или обусловлена унилатеральной стратегией Соединенных Штатов. Эта политика аргументируется тем, что действующие по сетевому принципу и обладающие широкими возможностями террористические организации и поддерживающие их страны угрожают безопасности США и всему цивилизованному миру в целом. Вместе с тем бесспорен также и антитезис, согласно которому США в своей глобальной стратегии исходят из собственных интересов и борьба с терроризмом – удобный повод для решения своих политических и экономических задач.

Создавшаяся ситуация инспирирует остальных геополитических акто-

ров на противостояние давлению сверхдержавы и разработку собственных подходов, направленных на минимизацию ущерба, наносимого американской политикой. Развития в этой сфере свидетельствуют о том, что последовавшее за биполярностью времен Холодной войны монополярное (тут, скорее, более адекватен термин *квазимонополярное*) мироустройство трансформируется в мультиполярную структуру. Вместе с тем, на нынешнем этапе между конкурирующими силами установилось динамическое равновесие, представляющее собой некий симбиоз многоуровневых моно- и мультиполярной структур. Это положение можно назвать *квазимультиполярным*.

Упомянутое состояние динамического равновесия может сохраняться еще довольно долго. Глобальный и потому очень сложный характер такого переходного состояния принципиально затрудняет корректные прогнозы о тенденциях развития и о будущем. Как следствие предлагаемые разными исследовательскими центрами или экспертами футуристические сценарии (например, относительно 2020г., которому многие придают ключевое значение) зачастую принципиально противоречат друг другу.

Разнообразие сценариев будущего способствует также то, что большинство аналитиков учитывает в глобальных развитиях изменения экономических показателей, однако зачастую игнорирует несколько иррациональные, а потому трудно поддающиеся расчету идеологические и духовные факторы. В контексте вышесказанного актуализируется попытка оценить роль идеологического фактора в политике нынешней «державы номер один» – Соединенных Штатов Америки.

1. От геополитики к геоидеологии

Некоторые положения современной политики США стали заметно отличаться от принятых ранее классических канонов. Не случайно Збигнев Бжезинский ныне фактически выступает как критик стратегии Дж.Буша. Несогласие с нынешним курсом Вашингтона часто выражает также ряд других представителей американского истеблишмента – Генри Киссинджер, Пол Кеннеди и другие.

Основная причина этих разногласий – на наш взгляд – заключается в том, что представители «старой» политической школы пытаются комментировать нынешнюю американскую стратегию в терминах традиционной геополитики и геоэкономики. Между тем в текущей политике США на первый план выдвинулись идеологические задачи, что вовсе не значит, что в реальной политике взятие под контроль выгодных географических позиций или решение политических проблем экономическими методами деактуализировались.

Это всего лишь означает, что наряду с упомянутыми факторами в настоящее время максимальное значение придается идеологическим задачам. Другими словами, **геоидеология** (в литературе это понятие связывают с именем немецкого геополитика Карла Хаусхофера, однако оно не подвергалось тщательному смысловому анализу) является плодом идеологизации геополитики и геоэкономики [1-3]. Характерно, что Генри Киссинджер в одной из своих последних статей, комментируя ближневосточную политику США, также приходит к выводу, что «война в Ираке мало связана с геополитикой, она, скорее, является столкновением идеологий, культур и религий» [4].

В контексте вышесказанного целесообразно принять формулировку, согласно которой «идеологию необходимо рассматривать как инструмент «легитимизации» системы целей» [5]. В глобальной стратегии Соединенных Штатов идеологические положения являются обоснованием для той или иной инициативы, что особенно явно отражается в ближневосточной политике, одним из приоритетных обоснований которой является демократизация региона. Наряду с этим идеологизированные подходы служат аргументом при осуществлении так называемых «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Подобная ситуация обусловлена в частности тем, что США окончательно сформировались как сверхимперия (по терминологии Юбера Ведрина), и политическая элита этой страны, особенно ее неоконсерваторское крыло, понимает, что без создания глобального и однородного идеологического поля невозможно представить ее доминирование в мире. В этом контексте заметим, что хотя глобализация – сравнительно новый термин (считается, что в принятом ныне смысле его применил Дж.Маклин в 1981г.), однако подобные процессы в том или ином виде постоянно имели место в истории человечества, отражая распространение по миру ценностных норм той или иной империи. В недавнем прошлом существовало два вектора глобализации: свои идеологические и экономические системы пытались внедрить во всем мире СССР и США. Победа Соединенных Штатов в Холодной войне фактически ознаменовала победу либерализма над коммунистическим мировоззрением.

Знаменательно, что, согласно американским доктринальным положениям, те страны или регионы, которые пребывают вне процессов глобализации, характеризуются как «неинтегрированные бреши». Они, согласно экспертам Пентагона, самим фактом своего существования представляют угрозу для США и подлежат ликвидации жесткими методами [6]. Такой подход предполагает, что силовому «усмирению» и дальнейшему контролю должны подвергнуться вся Африка, Балканы, Кавказ, Центральная Азия, некоторые

страны Ближнего и Среднего Востока, Северная Корея, Куба, которые не «интегрируются» в глобальное сообщество. Население этих регионов (значительная часть которого исповедует ислам) оценивается примерно в 2 млрд.

В настоящее время прилагаются все новые усилия для легализации и канонизации геоидеологических установок в реальной политике. Сенаторы Джо Либерман и Джон Маккейн представили Конгрессу законопроект «О прогрессе демократии», согласно которому, если какое-либо государство нарушает нормы демократии, то это угрожает национальной безопасности США. Следовательно, Соединенные Штаты обязаны восстановить демократию в этих странах. Сенатор Маккейн отметил, что «поддержку демократии и свободы нельзя отделять от задач национальной безопасности США, и если безопасность Нью-Йорка, Вашингтона или Калифорнии хотя бы частично зависит от свободы Эль-Риада, Багдада или Каира, то мы обязаны способствовать установлению там демократии и усовершенствованию общества. Это не менее важно, чем разработка новой военной техники»¹. Знаменательно, что согласно этому законопроекту при Госдепартаменте США должно быть создано управление «Демократического движения и переходного этапа», у которого в свою очередь будут отделения в американских посольствах. В общей сложности на организационную часть проекта за два года предполагается потратить примерно \$250 млн.

Инициативу сенаторов развил президент Буш. Он заявил о создании «корпуса быстрого реагирования», в задачи которого входит «помощь молодым демократиям в достижении мира и свободы...». Этот корпус будет состоять из сотрудников дипломатических и других служб, которые, по словам американского президента, могут быстро посылаться в «критические точки» в качестве «гражданских спасателей». Последние должны быть готовы в течение считанных дней осуществить программы перехода к демократии. Отметим, что по американским данным за годы президентства Буша на поддержку демократических преобразований было затрачено более \$4,6 млрд, а только на 2006г. Белый дом потребовал у Конгресса \$1,3 млрд².

Все это напоминает так называемую «Брежневскую доктрину» экспорта коммунистической идеологии и сохранения «чистоты принципов социализма». Согласно этой доктрине советские вооруженные силы, в частности, вошли в Прагу и Кабул. В этот период роль «корпуса быстрого реагирования» выполняли соответствующие отделы ЦК и спецслужб. Еще раньше большевистские лидеры Троцкий и Радек стремились организовать революции в Ев-

¹ <http://vip.lenta.ru/news/2005/05/19/democracy/>

² <http://pda.lenta.ru/news/2005/05/19/democracies/>

ропе, синтезировав разработанные Парвусом финансовые технологии с идеологией «перманентных революций» [7]. Эти «коминтерновские революции», как и осуществленная ранее революция в России, сходны по содержанию с нынешними «цветными революциями». Однако нужно учесть, что нынешние «профессиональные революционеры» действуют по более усовершенствованным и технологизированным схемам. В то же время «огосударствление» и формализация идеологии, ее использование в качестве геополитического инструмента всегда чреваты непредвиденными последствиями.

2. Нерешенные проблемы и новые вызовы

Как в прошлом, так и в настоящее время страны, пережившие революцию, стремительно меняют свои геополитические ориентации, то есть «заказчики» революции достаточно быстро достигают своих целей. Однако новые власти «революционизированных» стран вызывают своими действиями серьезные осложнения во внутренней и внешней политике, экономике и других сферах, что может вызвать кризис (как это имеет место в Грузии и Украине). Как следствие неизбежно дискредитируются те идеологические лозунги (в прошлом – коммунизм, ныне – демократия), под которыми осуществлялась революция. Можно заключить, что владение терминологией и методикой реализации геоидеологии способствует тактическим успехам США. Однако в стратегической перспективе результаты могут оказаться отрицательными не только для страны, «подвергшейся» революции, но и для страны, осуществляющей эту революцию. Вспомним, что по этой логике развивались события после советской оккупации Чехословакии и Афганистана.

Существует точка зрения, что неудачи нынешней американской стратегии являются результатом системного кризиса. Согласно американскому социологу и политологу И.Валлерстайну, крушение коммунизма вызвало также крушение либерализма как определяющей нынешний миропорядок геокультуры [8]. Это деформирование системы ценностей американский прозаик Гор Видал метко назвал «эрозией американской мечты». Геокультурное крушение оказывает негативное воздействие на такие показатели социально-экономической сферы, как наука и образование, социальное обеспечение и здравоохранение¹. По мнению некоторых экспертов, «США вступили в эпоху, когда корпоративные связи оказывают сильнейшее влияние на все ветви власти» [9]. В результате этих процессов происходит приватизация функций национального государства и ослабление этого государства, общество отделяется от политики, формируется «легальная коррупция» и другие негативные социальные явления.

¹ <http://www.inosmi.ru/translation/222155html>

Стержневое значение имели события 11 сентября 2001г. и последовавшая за ними «антитеррористическая война» (стоит отметить, что в результате последней количество терактов в мире, по данным ЦРУ, резко возросло). Как отмечает французский исследователь Э.Тодд, «США, присвоив себе статус универсальной антитеррористической силы, институционализировали перманентное состояние войны в масштабе всей планеты» [10]. Подтверждение этого тезиса мы видим в реальных процессах, происходящих на Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Азии, а также в многочисленных американских документах доктринального характера, в текстах которых можно встретить выражения типа «Америка находится в состоянии войны». Очевидно, что сверхдержава стремится контролировать весь мир. Однако реализация подобной сверхзадачи требует идейных и материальных ресурсов, которых нет даже у Соединенных Штатов. Разрыв же между проектами и ресурсами, как правило, приводит к неудаче.

Монопольные устремления Вашингтона и особенно малоперспективная война в Ираке вызвали недовольство мирового сообщества, в результате антиатлантические мотивы ощущаются в политике самых разных стран. В евроцентристской части ЕС формируется политическое осознание того, что на данном этапе нужно пойти на некоторые уступки США, выжидая, пока Соединенные Штаты «сломаются» из-за экономических трудностей. Это в первую очередь касается проблем, связанных со значительным дефицитом бюджета США и ослаблением позиций доллара как международной валюты с особым статусом. Политика «цветных революций» дополнительно осложнила отношения США-Россия. Даже Канада часто отделяет себя от глобальной политики США. Например, эта страна отказалась не только от участия в иракской кампании, но и в американской противоракетной системе. Возможно, это покажется мелочью, но знаменательно, что после переизбрания президента Буша многие американцы в знак протеста покинули США и переселились в Канаду.

Американские проекты наталкиваются на растущее сопротивление и в других регионах и континентах. В результате визита главы Венесуэлы Уго Чавеса в Пекин китайцы не только осуществили около \$500 млн инвестиций в этой латиноамериканской стране (кстати, примерно столько же было выделено Кубе), но и достигли соглашения, по которому венесуэльская нефть будет поставляться Китаю за счет нефти, экспортируемой в США. В свою очередь Москва приняла решение о продаже Венесуэле автоматов и боевых вертолетов. Недавно эта страна заключила с Испанией сделку стоимостью \$2 млрд на покупку оружия. Между Ираном и Венесуэлой зарождается сотруд-

ничество, основу которого составляет антиамериканизм. Прорисовываются также другие, несколько экзотичные политические форматы сотрудничества между арабским миром и латиноамериканскими государствами [11]. Все это всерьез обеспокоило администрацию Буша: Кондолиза Райс выступила с соответствующим заявлением и обвинила власти латиноамериканских стран в «социалистических» тенденциях. Получили «свое» и арабские правители.

Обобщая латиноамериканскую тему, можно заключить, что основную поддержку происходящим на этом материке развитиям оказывают Китай и Россия, причем первый – в экономической, а вторая – в военной сфере. Похоже, та же схема действует и в других регионах. Известно, что Китай на сегодня – один из главных экономических партнеров Ирана. В свою очередь Россия поставляет этой стране ядерные и ракетные технологии.

Из вышеприведенных беглых наблюдений следует, что США начали нести быть может не очень крупные, но многочисленные политические и экономические убытки. Как отмечает один из американских аналитиков, «У США остается меньше друзей и появится больше врагов» [12]. Вместе с тем, очевидно, что стратегическая инициатива США будет доминировать до тех пор, пока не сформируется сила, равноценная США по своим концептуальным и материальным ресурсам. Многие справедливо полагают, что центром подобной силы может стать только Китай.

3. Китай: альтернативная сверхдержава

Американские аналитики часто подчеркивают, что Китай набирает силу не для того, чтобы интегрироваться в глобальную политическую и экономическую систему, а наоборот – чтобы изменить эту систему. Безусловно, подобное изменение в первую очередь повлияет на особый статус США, и американская политическая элита справедливо воспринимает усиление Китая как вызов. В частности, об этом свидетельствует возрастающее число исследовательских и публицистических материалов о Китае, в которых можно встретить самые разнообразные проекты, направленные на ограничение мощи этой страны. Некоторые аналитики считают, что отношения США-КНР можно охарактеризовать как «холодную войну» и что недалек тот день, когда «холодная» война может стать вполне «горячей».

Тот факт, что на сегодня США и КНР – самые конкурентоспособные державы, обусловлен тем, что оба эти государства действуют системно и опираются на собственные идеологические и концептуальные положения. Примечательно, что современные философии глобальной стратегии этих двух стран в некоторых существенных аспектах достаточно близки. Они в

значительной степени опираются на тезисы традиционной, однако обладающей универсальным характером китайской стратегии, разработанной в 5-6 веках до н.э. Сун-Цзы и его последователями [13]. Известно, что эту стратегию спецслужбы США начали применять по инициативе Алена Даллеса, а в дальнейшем «китайские мотивы» были внедрены также в технологии информационных войн. Знаменательно, что в недавно разработанной концепции под названием «Стратегия национальной безопасности США»¹ признается, что современные политические процессы содержат в себе много неопределенности, что затрудняет даже краткосрочные прогнозы и принуждает реализаторов стратегии к большой гибкости. Эти тезисы американских стратегов во многом совпадают с положениями стратегии Сун-Цзы.

Китайские концепции информационной и психологической войн также опираются на традиционные представления, и Китай достиг значительных успехов в данной сфере. Это проявляется, в частности, в широком распространении китайского боевого искусства и кинобоевиков, в которых наилучшим образом представляется положительный образ китайца и пропагандируется китайская система ценностей. Неудивительно, что, несмотря на усилия некоторых СМИ, обладающих международным авторитетом, им не удалось создать Китаю имидж страны, представляющей опасность для международного сообщества. Более того, на сегодня имиджевый рейтинг этой державы выше, чем у США. Например, в Великобритании к Китаю положительно относятся 65% опрошенных, между тем в отношении США эта цифра составляет всего 55%. Во Франции, Испании и Голландии к Китаю положительно относятся примерно 55-60% опрошенных, а к США – всего 40-45%. В исламском мире эта разница еще значительнее. Таким образом, в том сегменте глобального информационного поля, где формируется отношение международного сообщества к той или иной стране, инициатива принадлежит Китаю.

В современном Китае традиционное мировоззрение проявляется не только в политике или военном деле, но практически во всех областях жизнедеятельности. Можно констатировать, что опирающийся на традиции современный Китай напоминает мощные империи своего исторического прошлого, в которых были изобретены бумага, книгопечатанье, порох и ракеты.

КНР – социалистическая страна, однако в ее идеологии коммунистические идеи сочетаются с традиционными представлениями (как говорил Ден Сяопин, «социализм с национальной спецификой»). Таким образом формируется достаточно жизнеспособная система, обладающая элементами, характерными для военно-экономически «мобилизованного» государства, национального общества социальной направленности [14].

¹ National Defense Strategy of the United States of America, http://globalsecurity.org/military/library/policy/dod/nds-usa_mar2005_i.htm

Для нынешней стратегии Китая характерен определенный дуализм: одновременно принимаются тезисы и о революционном отрицании прошлого и о незыблемом сохранении традиций. Подобные концептуальные подходы схожи с англосаксонской политической традицией. В этом контексте также заслуживает внимания тот факт, что в последнее время набирает силу «неоконсервативная» часть китайской элиты, которая видит в Китае сверхдержаву и противовес США [15]. В связи с этим нелишне вспомнить, что согласно принятой в 1993г. Военным советом ЦК Компартии КНР доктрине, к 2019г. Китай победит «три севера», под которыми подразумевались НАТО, Россия и Соединенные Штаты.

Современная китайская система, которую иногда определяют как «красное конфуцианство», фактически представляет собой воплощение идеологии без догматических формулировок – она является некой гибкой методологией, диктующей в разных ситуациях адекватные решения. Это также напоминает англосаксонскую традицию.

В то же время между американским и китайским подходами, как нам кажется, есть принципиальное отличие: китайская политическая философия рассматривает политические процессы и развития в практически неограниченном временном пространстве. Известная поговорка о том, что «если долго сидеть на берегу реки, то вода вынесет к тебе труп твоего врага», наилучшим образом демонстрирует представления китайцев о времени и действиях. Между тем в западной политической культуре временные координаты действия четко определены и ограничены. Более того, принятая в США гиперпревентивная доктрина предполагает «опережать» время и, тем самым, уже сегодня формировать будущее.

Материальным выражением китайской идеологии являются экономические достижения КНР. По данным Всемирного банка, экономическая система этой страны по своим масштабам уступает только США. ВВП КНР, если расчеты проводятся с учетом реальной покупательской способности юаня, уже достигает \$7 триллионов (показатель США – \$10,5 трл, следующие места занимают Япония, Индия и только потом Германия, Франция и на десятом месте, с показателем \$1,3 трл, Россия). Однако население КНР (составляющее не менее 1,3 млрд человек) не очень богато: годовой доход на душу населения составляет примерно \$4 500, между тем в США этот показатель достигает \$34 000. Однако, согласно расчетам¹, через 20 лет демонстрирующая примерно 8-10% ежегодный рост китайская экономика (в США средний рост составляет 3%) будет уступать США по параметру дохода на душу населения

¹ Ольга Власова, Владимир Попов, Алексей Хазбиев, Великий поход, Эксперт, #25, 2005, с. 15.

всего в два раза, а ее абсолютный ВВП превысит американский показатель. По объему прямых инвестиций – \$53 млрд – Китай уже теперь занимает первое место, обойдя США и Германию. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), крупнейшим инвестором в Китае являются США, а третье место (со стороны это может показаться странным) принадлежит Тайваню.

В Китае стремительно развиваются передовые технологии и наукоемкие производства. Еще в начале 80-х стартовали 10 крупных научно-технических целевых программ, и в настоящее время в КНР действует 23 000 институтов, работают 1,5 млн научных сотрудников и инженеров, что в абсолютных цифрах является высшим показателем в мире. За последние 20 лет финансирование науки увеличилось более чем в 8 раз, а затраты в сфере информационных и коммуникационных технологий составляют 5% ВВП.

В настоящее время значительный сегмент экономики Юго-Восточной Азии (ЮВА) контролируется крупными китайскими компаниями, а экономическая элита этих стран учит китайский язык (например, в Южной Корее почти все образованные люди читают китайские иероглифы). Не случайно в информационном поле появились сведения о том, что в ЮВА может быть принята единая валюта – юань.

Основной проблемой китайской экономики является энергетический фактор. Ежедневно производя 3,6 млн баррелей собственной нефти, Китай потребляет более 6,5 млн баррелей (для сравнения: те же показатели в США составляют соответственно 8,7 и 20,5 млн баррелей). По данным *International Energy Agency*, для обеспечения роста производства в 2010г. импорт нефти должен удвоиться, а в 2030г. Китай будет ежедневно потреблять до 10 млн баррелей нефти, то есть примерно столько, сколько сегодня импортируют США. В этом контексте чрезвычайно важное значение приобретают отношения с Россией, Казахстаном и Ираном. С последним в 2004г. были заключены договора, по которым КНР в течение 30 лет должна закупить у Ирана 2502 млн т жидкого газа, а импорт нефти довести до 150 тысяч баррелей в день. Сегодня Китай по показателю товарооборота стал одним из важнейших экономических партнеров Ирана.

Динамично развивается военная сфера, где расходы ежегодно увеличиваются на 12-15%, и военный бюджет 2005г., согласно произведенным по определенной методике расчетам, уже может составить \$90 млрд¹. Оценки ядерного потенциала Китая чрезвычайно разноречивы (упоминаются, в частности, баллистические ракеты, обладающие от 400 до 600 ядерных боеголо-

¹ The Military Power of the People's Republic of China, (Annual Report to Congress), 2005, p. 22.

вок). Подобный разброс данных, касающихся военной сферы, обусловлен китайской системой защиты информации, согласно которой «тайна сама по себе является угрозой» [16]. Характерно, что если в прошлом китайцы закупали слегка устаревшие модели российского оружия, то сегодня они требуют самые современные системы. В настоящее время китайцы стремятся снять вето России и ЕС о продаже современных вооружений Китаю и преодолеть противодействие США в этом вопросе¹.

С начала 2000г. в дипломатических кругах и исследовательских центрах стран ЮВА обсуждается возможность создания «Азиатского НАТО», участниками которого могут стать КНР, Япония, Северная и Южная Кореи. В соответствии с политическими традициями этого региона и сегодняшними реалиями, в качестве «старшего брата» в этой системе должен выступить Китай [17]. Такое, пока теоретически возможное развитие, может демонтировать созданную США нынешнюю региональную структуру безопасности, в которой баланс сил сохраняется за счет противоречий между странами.

Между тем геополитические проекты Китая выходят за пределы региона ЮВА и в этом контексте важное значение приобретают его отношения с Россией.

4. Новый «Новый миропорядок» и ШОС

Известно, что между Россией и Китаем существует много нерешенных проблем. Еще по Пекинскому договору 1860г. Россия, пользуясь поражением, нанесенным Китаю англичанами в «опиумной» войне, присоединила к своей империи Уссурийский край и другие территории, общая площадь которых оценивается китайцами примерно в 1,5 млн кв. м. В свое время эту проблему реанимировал Мао Цзэдун, что и стало в конце 60-х годов причиной вооруженных столкновений СССР-КНР вокруг острова Даманска. В дальнейшем Ден Сяопинь уговорил китайцев забыть проблему утраченных территорий.

В ходе состоявшегося в этом году визита президента Путина в Пекин стороны заявили об урегулировании всех территориальных споров, хотя территориальные проблемы, как известно, долго остаются в народной памяти. Однако создается впечатление, что стороны понимают, что современные проблемы, особенно известная политика США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, актуальнее исторического прошлого. Реалии напрямую диктуют и подталкивают КНР и Россию к тесному сотрудничеству [18]. Эта тенденция особенно наглядно представлена в подписанном 1 июля с.г. документе под названием «Совместная декларация РФ и КНР о международном

¹ Китайские колокольчики в головах европейских политиков, Vip.lenta.ru, 09.03.2005

миропорядке в 21 веке»¹. Впервые после окончания Холодной войны появился прецедент, когда две крупные державы совместно и прямо заявляют о своем несогласии с политической идеологией США. Появление Декларации может иметь важное значение для дальнейшего развития глобальных политических процессов и, в частности, свидетельствует о том, что:

- Политика США в Евразии вошла в фазу, когда она стала представлять реальный вызов РФ и КНР. Данное обстоятельство вынуждает русских и китайцев объединить свои ресурсы.
- Отношения между РФ и КНР вступили в новый этап, для которого характерны высокая степень взаимного доверия и стратегическое партнерство: об этом свидетельствует нарастающий объем сотрудничества двух стран в экономической и военно-технической областях.
- Главы двух стран считают, что уже обладают достаточным стратегическим и экономическим потенциалом, чтобы суметь противостоять монополии США.

Анализ содержания Декларации позволяет понять те принципы, которыми собираются руководствоваться стороны для достижения своих целей:

1. Согласно документу, современная глобализация должна привести к интеграции экономических и информационных плоскостей, однако эти процессы не должны мешать формированию многополярного мира. Таким образом, фиксируется принципиальное несогласие с американской концепцией однополярного мира.
2. Стороны выступают как сторонники соблюдения международного права и подтверждают право народов на выбор собственного пути развития. То есть они выступают против того американского принципа, согласно которому у всех стран должен быть универсальный, однотипный путь развития.
3. Подчеркивается важность ООН и ее незаменимость в международных делах, тем самым отвергается американская стратегия, направленная на девальвацию роли ООН. Выражается особое отношение к американской концепции «конфликта цивилизаций».
4. Отмечается необходимость предотвращения применения и распространения оружия массового поражения. Этот тезис косвенно направлен против существующего положения вещей, когда США до сих пор не подписали конвенции, запрещающие применение химического и биологического оружия, и разрабатывают программы «локального» использования ядерного оружия.

¹ http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/968AE14D450C2FEFC3257032003B3AE1

5. В Декларации уделяется особое внимание проблемам «региональных блоков» и региональной интеграции в целом, как бы фиксируя известную политику США, направленную на предотвращение возникновения союзнических отношений между другими державами. Тем самым подчеркивается важность нынешних процессов по налаживанию стратегического партнерства между Китаем и Россией.
6. Проблема защиты прав человека представляется в контексте признания суверенитета государств. Этот тезис, очевидно, также содержит в себя критику Соединенных Штатов. Уместно отметить, что ежегодно КНР (так же, как это делает Госдепартамент США) публикует специальный бюллетень, где приводятся и комментируются факты нарушения прав человека в США.

Несомненно, что вся логика Декларации направлена против американских подходов. Знаменательно, что документ обобщает вывод, согласно которому подписанная Декларация отражает представления сторон о «Новом миропорядке».

За подписанием Декларации последовал саммит ШОС в Астане, где было объявлено о том, что Иран, Индия и Пакистан получили статус наблюдателя в этой организации. Отметим, что вопрос участия Индии и Пакистана обсуждался еще с 2002г. Тогда экспертное сообщество (учитывая их напряженные, подчас на грани войны отношения) довольно скептически отнеслось к возможному участию этих стран в ШОС, однако позднее наметилась тенденция к смягчению позиций сторон по Кашмиру. Безусловно, Пакистан тесно связан с США, однако эта страна также активно сотрудничает с КНР (как минимум в прошлом они сотрудничали в сфере ядерных технологий).

Китай установил активные политико-экономические связи со всеми странами-членами ШОС. Особого внимания заслуживают ее отношения с Казахстаном – страной, претендующей на превращение в региональную державу. В преддверии саммита ШОС Назарбаев и Ху Цзинтао подписали договор о строительстве связывающей Казахстан с Китаем железной дороги протяженностью примерно 3000 км и стоимостью \$2,5 млрд.

Таким образом можно констатировать, что в ШОС с тем или иным статусом сосредоточены 5 ядерных держав (возможности ядерного потенциала Ирана на сегодня не вызывают сомнения). Расширение ШОС, кроме всего прочего, свидетельствует об определенном разочаровании в США со стороны крупных евразийских держав. Они пытаются решать региональные проблемы без посредников, самостоятельно или совместно с соседями. Именно в

этом контексте нужно воспринимать вошедший в резолюцию саммита в Астане пункт, согласно которому территория стран-членов ШОС до 2020г. должна стать зоной свободной транспортировки товаров и услуг. В дополнение к этому было решено, что члены ШОС в чрезвычайных ситуациях должны будут открывать друг для друга свои государственные границы.

Подобная активность ШОС в значительной мере обусловлена тем «посланием», которое получили страны-члены этой организации от «революционной» смуты в узбекском Андижане. Они убедились, что пассивная позиция может поставить под серьезную угрозу национальную безопасность и даже суверенитет их стран. Очевидно также, что в случае реализации программ по установлению власти радикальных исламистов, тот же Узбекистан может резко скатиться со своего нынешнего уровня. Возможно, поэтому события в Узбекистане и отличались от прежних «революционных» сценариев.

Президент Каримов после жестокого подавления андижанского мятежа незамедлительно отбыл в Пекин, а затем и в Москву. В этих столицах ему пообещали экономическую и политическую поддержку. Полученные гарантии позволили президенту Узбекистана изменить свою позицию в отношениях с американцами. Каримов более чем жестко отреагировал на угрозу США представить расследование андижанских событий в ООН. Для начала были существенно ограничены летные возможности американской авиации на авиабазе в Карши-Ханабаде. Затем США было предложено в сжатые сроки вообще покинуть Карши-Ханабад. Было подчеркнуто, что правительство Узбекистана возместит американцам убытки. В настоящее время в информационном поле то и дело появляются сведения и опровержения о том, что уже покинувших авиабазу американцев может заменить некая антитеррористическая структура, подчиненная ШОС¹. В любом случае, решительные шаги Каримова связаны с позицией России и Китая и свидетельствуют о том, что эти страны готовы предпринимать и предпринимают адекватные меры для противодействия политике США. Все перечисленные обстоятельства в той или иной степени сказались на позициях по отношению к США и других стран региона – в первую очередь Киргизии и Таджикистана.

Таким образом, можно констатировать, что впервые на постсоветском пространстве Китай и Россия совместно вступили в явное соперничество с Соединенными Штатами, и это соперничество завершилось не в пользу США. В Центральной Азии наступила очередная, в известном смысле переходная фаза продолжающейся с 19 века «Большой игры», исход которой на

¹ В.Иванов, И.Плутарев, Бросок Москвы в Ханабад, НВО, 09.09.2005, http://nvo.ng.ru/primted/forces/2005-09-09/1_brosok.html

данном этапе корректно прогнозировать пока рано (см., например, [19]). Вместе с тем, сам формат ШОС и взаимоотношения между ее лидерами – Китаем и Россией, стремительно развиваются. Об этом свидетельствуют, в частности, российско-китайские и российско-индийские военные учения. Эти учения, как и предшествующие им многоэтапные и многоцелевые маневры вооруженных сил России, представляют собой некое послание США в ответ их глобальным геополитическим проектам в Евразии¹.

Некоторые выводы

Мы не ставили перед собой задачу детально сопоставить ресурсы США и КНР, а попытались вкратце представить те реалии и возможные тенденции развития, в том числе в сфере идеологии, которые характеризуют этих геополитических гигантов на нынешнем конкурентном пространстве. В случае сохранения отмеченных тенденций, нынешнее несколько аморфное, «квази-монополярное» переходное состояние завершится ситуацией, в которой будут присутствовать по меньшей мере два близких по своему совокупному потенциалу центра силы. Есть все основания полагать, что в подобной биполярной системе, контуры которой уже просматриваются, не повторятся «черно-белые» отношения СССР-США, но будут присутствовать многие другие конкуренты со своими идеологическими, геополитическими и экономическими интересами. Подобная «многоцентровая игра» увеличивает вероятность процессов нелинейного характера, что делает бесполезной экстраполяцию тенденций в перспективе [20].

Возвращаясь же к нынешнему «переходному состоянию», попытаемся вкратце просуммировать те факторы, которые могут оказать воздействие на дальнейшие развития.

Сегодня в глобальном политическом поле на первый план выходят идеологические составляющие. Их конкурентоспособность и жизнеспособность существенно определяют статус того или иного геополитического актора. Формализация установок американского либерализма, как свидетельствует опыт СССР, заметно дискредитирует эту идеологическую систему. Китайская идеология, где революционно-коммунистические идеи совмещены с традиционными национальными представлениями, в настоящее время видится более гибкой и конкурентоспособной. Пока эта идеология не «экспортируется» и не навязывается их партнерам и конкурентам, что является дополнительной защитой ее конкурентоспособности. Упомянутые факторы должны иметь решающее значение в процессе формирования – согласно терминологии российско-китайской Декларации – Нового миропорядка.

¹ Виктор Мясников, Сергей Иванов опробует свою доктрину, Независимая газета, 17.08.2005, http://www.ng.ru/printed/politics/2005-08-17/3_ivanov.html

Между тем следует учесть, что:

- Нынешнее переходное состояние характеризуется отсутствием четких геополитических осей и союзов. При переходе к мультиполярной системе можно ожидать не тотальной, но определенной кристаллизации в этой сфере. К этому стремится КНР, активизирующая формат ШОС в Евразии и теоретически стремящаяся сформировать «Азиатское НАТО» в ЮВА. К этому же стремятся адекватно оценивающие ограниченность своих ресурсов США, пытаясь восстановить полноценное сотрудничество с европейскими странами и НАТО¹. Подобные развития могут поставить перед сложной дилеммой те небольшие государства (например, Республику Армения), которые в настоящее время пытаются, исходя из своих национальных интересов, вести комплементарную политику.
- Существует пусть небольшая, но конечная вероятность того, что неблагоприятные для США тенденции могут спровоцировать их на применение жестких, силовых акций (например, в отношении Ирана) ради сохранения своих доминирующих позиций. При таком сценарии США постараются сделать это в то время, пока конкуренты не достигли той точки невозврата увеличения своей мощи, после которой силовое пресечение нежелательных развитий станет неприемлемым. Возможность такого теоретического сценария укладывается в «гиперпревентивную» доктрину Соединенных Штатов [3, 21].

Ноябрь, 2005г.

Источники и литература

1. Гагик Тер-Арутюнянц, Холодная война – 2 (с геоидеологической перспективой), Голос Армении, 05.12.2003, *Գաղիկ Տեր-Հարությունյան, Աշխարհաքաղաքականությունից դեպի աշխարհագրափարախոսություն, Հանրապետական, #3 (23), 2005, էջ 28, (Гагик Тер-Арутюнян, От геополитики к геоидеологии, Республиканец, #3 (23), 2005, с. 28).*
2. Тихонравов Ю.В., Геополитика. М., 2000, с. 267.
3. *Գաղիկ Հարությունյան, ԱՄՆ ռազմավարության որոշ դրույթներ Իրաքյան հիմնախնդրի համատեքստում, 21 Դար, #3 (5), 2004, էջ 105, (Гагик Арутюнян, Некоторые положения американской стратегии в контексте иракской проблемы, 21-й Век, #3 (5), 2005, с. 28).*
4. Генри Киссинджер, Уроки для стратегии ухода США из Ирака, The Washington Post, 12.05.2005, (ИноСМИ.Ru).

¹ Владимир Иванов, Пентагон вырабатывает матрицу угроз, НВО, 03.06.2005; http://nvo.ng.ru/wars/2005-06-03/2_pentagon.html, Владимир Ванин, Удобное прикрытие для Пентагона, НВО, 16.09.2005; http://www.ng.ru/printed/nvo/2005-09-16/9_prikrytie.html

5. Куликова Н.В., Моделирование идеологий как инструмент геополитического управления, Труды Первой Всероссийской конференции «Геополитическое будущее России», М., 2003, с. 151.
6. Сергей Гриняев, Поле битвы – киберпространство, Минск, 2004.
7. Элизабет Хереш, Купленная революция. Тайное дело Парвуса, М., 2004.
8. Иммануэль Валлерстайн, После либерализма, М., 2003, с. 6.
9. Олег Храбрый, Американский ревизор, Эксперт, #14, 2005, с. 86.
10. Эмманюэль Тодд, После империи, М., 2004, с. 9.
11. Михаил Чернов, Латиноамериканцы бросают вызов США, RBC daily, 09.03. 2005; Михаил Зыгарь, Объединенные американские эмираты, Власть, #19, 2005, с. 50.
12. Роберт Кеннеди, У США остается меньше друзей и появится больше врагов, Международная жизнь, #7-8, 2005, с. 129; Херд Грейм, Причины и последствия стратегического поражения в Афганистане и Ираке, Исследовательский центр конфликтологии, г. Сандхерст, 2004.
13. Китайская военная стратегия, М., 2002, с. 118.
14. Малявин В.В., Китайская цивилизация, М., 2003, с. 608.
15. Китай: угрозы, риски, вызовы развития, Московский центр Карнеги, 2005, с. 363, (электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>).
16. Девятов А., Мартиросян М., Китайский прорыв и уроки для России, М., 2002, с. 187.
17. Генри Киссинджер, Нужна ли Америке внешняя политика: к дипломатии для XXI века, М., 2002.
18. Гагик Тер-Арутюнянц, Алеет Восток?, Византийское наследство, #6, 2005, с. 23; см. также <http://www.noravank.am/?l=2&d=19&f=149>
19. Винсен де Китслоттер, Большая игра в Центральной Азии, Ядерный контроль, #1, 2005, с. 81.
20. Рачья Арзуманян, Нелинейная природа войны, 21-й Век, #1, 2005, с. 109.
21. Владимир Иванов, Игорь Плутарев, Вашингтон всех достанет, НВО, 20.09.2005, http://nvo.ng.ru/printed/forces/2005-09-16/3_washington.html

TRANSITIONAL CONDITION Geopolitical factor in global developments

Gagik Harutyunyan

Resume

A certain dynamic balance has been established among indisputable military-political leader – the United States and the other geopolitical actors resisting their unilateral strategy. Thus, we may characterize this period as transitional. The US

current policy analysis denotes that the now dominant geo-ideological vector is steadily taking a higher profile as opposed to traditional geopolitical and geo-economic approaches. This kind of geo-ideological proclivity becomes especially apparent in realization of “color revolutions project”. This “revolutionary” geopolitics recalls what was happening during the Soviet period and generally known as a “Brezhnev doctrine”, and even earlier, in the era of realization of international communist movement to export permanent revolutions. Yet, the US is in period of formalization and *governmentalisation* of the ideological patterns, as it used to be in the case of former USSR. Such an analogy, along with the outcomes of “color revolutions” in post Soviet space and the growth of Anti-Americanism in the world, obviously points to the crisis trends in the US global policy.

It is supposed that China is a possible rival to the American superpower today. Chinese development dynamics is very impetuous, and, which is essentially much more important, the algorithm of Chinese ideological patterns still looks more flexible and viable. The formation of Russia-China strategic partnership in the context of Shanghai cooperation organization (SCO), joint declaration of alternative principles in global policy is a claim to construct a world order based on bipolar system, at minimum. Besides, it is supposed that such a system will not duplicate the Cold War’s “black and white” bipolar world. It’s more likely that here will be represented different vectors of ideological, political and economic character. Anyway, such a world-order will imply a more polarized system of interstate relationships. At the same time, today’s transitional condition, together with the general ideologized political setting, raises the possibility of non-linear developments taking the form of military conflicts. The probability of such a scenario particularly corresponds to the USA hyper-preventive doctrine.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ США И ПАРАДИГМА МИРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ваагн Аглян

Наряду с ускоряющимися темпами глобализации за последний период произошли существенные изменения в стратегической парадигме США. В данной статье предпринята попытка проанализировать и обозначить провозглашенные действующей американской администрацией концептуальные и практические аспекты внешней и оборонной политики, главные постулаты «доктрины Буша», общие параметры стратегического присутствия и влияния США на мировые процессы, а также воздействие протекающих трансформаций на сферы международной и региональной безопасности в среднесрочной перспективе.

В начале 21 века в господствующей на протяжении десятилетий парадигме международных отношений наблюдаются значительные сдвиги. Ускоряющиеся темпы развития на региональном уровне, искажение традиционных отношений лояльности и авторитетности в иерархии межгосударственных отношений, как и содержательное изменение восприятия государственного суверенитета, непосредственно взаимосвязаны со стремительно развивающимися процессами глобализации. Увеличение числа и влияния новых негосударственных акторов на международной арене, распоряжающиеся огромными ресурсами сетевые организации, а также превалирующая ныне тенденция непризнания государственных границ существенно изменили понимание «классических» постулатов реалистической школы (анархичный мир, государственный/национальный интерес, государственная безопасность и др.). Устоявшаяся на протяжении нескольких веков логика рационального прагматизма и сама концепция «рационального актора» в нынешней ситуации переосмысляются. Разумеется, стимулирование наднациональных процессов действительно отражается на «традиционном формате» межгосударственных отношений. Государственный суверенитет больше не воспринимается как абсолютная ценность: тенденция, принципиально обусловленная комплексным характером глобализации.

Тем не менее, глобализация достаточно разнообразно отражается на крупных державах, материально-силовые и организационные ресурсы кото-

рых позволяют им оказывать довольно сильное воздействие на векторы международного развития. С этой точки зрения в разных частях мира национальное государство все еще продолжает оставаться основным субъектом и носителем политической ответственности [1].

С исчезновением двухполюсной макросистемы безопасности, обеспечивавшей в свое время основу относительной (контролируемой) международной стабильности, обозначились определенные тенденции формирования многополюсного мира. Однако последние не приняли долговременного характера: выдвинутая бывшим генсеком ООН Б.Гали «Повестка мира» провалилась в результате реального противодействия США, посчитавших неприемлемым предоставление этой организации наднациональных функций. Более того, в некоторых случаях количественное сокращение военных расходов и вооруженных сил вскоре трансформировалось, по сути, в качественное перевооружение современных армий: разработка стратегии ведения «сетцентричных» войн, создание и усовершенствование сил быстрого реагирования, внедрение передовых научных разработок в военной сфере стали важнейшими задачами военного развития технологически продвинутых стран.

1. Новые тенденции в мировой политике и основные векторы «доктрины Буша»

Новые тенденции нашли наиболее предметное воплощение в политике США: в конце 1990-х годов Вашингтон значительно увеличил дотации на обеспечение национальной безопасности, объявив основной задачей широкомасштабной программы перевооружения сохранение в среднесрочной перспективе американского военно-технологического превосходства в мире. Сохраняя на концептуальном уровне верность положениям «реалистической школы», американская стратегическая мысль отнюдь не исключила вероятность возникновения новых войн в будущем: поступательное увеличение военной мощи все так же рассматривается в качестве основной предпосылки обладания статусом единственной сверхдержавы. Именно это измерение мощи государства было принято за основу, гарантирующую долговременность однополярного мироустройства. Еще в 1997г. З.Бжезинский указал те четыре сферы, которые призваны обеспечить базу американской глобальной мощи: американское военное присутствие во всем мире, экономическое и технологическое лидерство и культурная гегемония [2].

В этом контексте не удивительно, что экспертное сообщество отмечает три уровня оценки государственной мощи:

- ресурсы или возможности,

- то, как эти возможности трансформируются в действие в горниле внутринациональных процессов,
- «результаты мощи», подразумевающие способность каждого государства превалировать в различных стратегических ситуациях.

Согласно прогнозам Группы стратегических оценок (SAG), включающих совокупность макроэкономических, военных, технологических и демографических факторов в рамках государственноцентричного подхода, по положению на 2015г. США сохраняют «20% мировой мощи», Китай и Евросоюз – по 14%, Индия – 9%, Бразилия, Южная Корея и Россия – по 2% [3]. Из этого прогноза очевидно, что США, опираясь как на свою материальную мощь, так и на институциональные и организационные возможности, смогут наиболее эффективно воздействовать на мировые процессы, в том числе в областях, относящихся к так называемому «неправительственному сектору».

Вместе с тем внешняя, а в какой-то мере и внутренняя политика США на данном этапе вынужденно сталкивается с качественно новыми, «нетрадиционными» вызовами. Во-первых, в отличие от эпохи Холодной войны, суть нынешних международных отношений теряет свою былую рациональность (логичность). В среднесрочной перспективе сверхзадачи американской внешней политики будут включать в себя контроль над развивающимися в разных частях мира хаотичными («внесистемными») процессами, или, как минимум, прогнозирование и «направление» этих процессов в соответствующее интересам США русло. Иными словами, очевидно стремление Вашингтона, с одной стороны, использовать возможности «неопределенного периода» для собственного усиления, а с другой – избежать «необратимых» отрицательных последствий, которые в дальнейшем в той или иной степени затронут интересы США.

Во-вторых, наличие «асимметричных» угроз национальной безопасности вынуждает американское руководство пересмотреть превалирующие в прошлом некоторые стратегические положения внешнеполитической парадигмы в пользу принятия более гибкого *modus operandi*-и. Примечательно, что действующая американская администрация рассматривает новые вызовы в контексте глобализации, в условиях которой потенциал влияния США существенно превосходит степень влияния других государств и их объединений.

В-третьих, несмотря на то, что традиционные геополитические реалии пребывают на стадии трансформации, однако классические «аксиомы» геополитики, в том числе принцип силового баланса, пока еще никто не отменял. В этом смысле рост любой державы, способной бросить вызов глобаль-

ному преобладанию США, несомненно, натолкнется на достаточно явное противодействие.

Основные сдвиги в доктринальной и оперативной плоскостях современной американской стратегии получили свое отражение в так называемой «доктрине Буша», в целом выразившей всю палитру основополагающих нововведений в сфере внешнеполитического планирования. Последняя, не будучи официальным документом американской внешней политики, в действительности отражает «матрицу» идеологических позиций преобладающей в нынешней администрации (с некоторыми оговорками) неоконсервативной элиты. Причем наблюдаемая в последнее время доктринальная бескомпромиссность свидетельствует о том, что ужесточение внешней политики республиканского правительства приобретает все более несдерживаемый характер с целеустремленной готовностью в одностороннем порядке «идти до конца». В принятой в 2002г. Концепции национальной безопасности США четко зафиксировано, что беспрецедентное превалирование американского государства в современном мире создает подходящую возможность для «распространения плодов свободы во всем мире», и «США будут активно работать над тем, чтобы донести надежду на демократию, развитие, свободный рынок и либеральную торговлю во все уголки планеты».

Одновременно администрация Дж.Буша рассматривает распространение демократии как ключевой элемент не только в борьбе с терроризмом, но и в рамках более широкой парадигмы реализации американской стратегии. Опираясь на озвученный американским президентом тезис о том, что распространение демократии и либеральных ценностей соответствует долгосрочным интересам США, администрация Дж.Буша выразила твердую решимость применять военную силу для достижения упомянутых целей в ключевых регионах планеты [4]. Более того, в стратегической парадигме США официально закреплена доктрина превентивных действий. Актуальность задействия данной доктрины в практической стратегии США аргументируется тезисом о том, что концепция сдерживания и «отбрасывания» на данном этапе утратила свое былое назначение ввиду своей неадекватности текущим проблемам безопасности.

Характерно, что, признавая «системный» характер существующих разногласий с исламским миром, терроризм воспринимается больше как результат политического давления и несовершенства политической системы, нежели как явление, обусловленное экономическими и социальными факторами [5]. В отличие от сторонников реалистического подхода (и к их неудовлетворению), неоконсерваторы склонны рассматривать моральные аспекты поли-

тики в плоскости идеологического противоборства, с соответствующими практическими импликациями. Ярким примером этому может служить существование списка стран, включенных в так называемую «ось зла» (Иран, Ирак, Сирия, Ливия, Северная Корея), побудительные мотивы к борьбе с которыми несут, скорее, смысловую нагрузку моральных обязательств, но в меньшей степени связаны с выдвинутым Клаузевицем постулатом о продолжении политики военными средствами. В этом смысле частые обращения Дж.Буша и других высокопоставленных представителей американской администрации к Господу и Провидению отражают мессианский постулат о «великой миссии», для мотивационной актуализации которого нынешняя администрация США не жалеет усилий. По мнению некоторых специалистов, «мессианство политики США выражается как стремление к превалированию американской политической модели» [6].

Хотя в предметной плоскости актуализацию геоидеологии как *универсального* и принципиального явления трудно однозначно оценить и определить в качестве таковой в реальной внешней политике США, однако существующие тенденции дают основания полагать, что информационно-идеологическая подоплека политических действий будет возрастать. На это в своем недавнем заявлении косвенно намекнула также госсекретарь США К.Райс, отметив, что Америка ничего не предприняла для развития демократии на Ближнем Востоке: «Мы не получили ни демократии, ни свободы».

2. Приоритетные сферы стратегических трансформаций

Еще в 1999г. было заявлено, что «ядерное оружие – единственное и важнейшее средство удержания преступных режимов от использования оружия массового поражения против США» [7].

Опубликованная в декабре 2001г. Концепция ядерной стратегии США указывает пять основных поводов для возможного использования ядерного оружия:

- сдерживание региональных держав от использования оружия массового поражения (ОМП),
- сдерживание наступательных действий, осуществляемых соперничающими на мировой арене державами с использованием ОМП или обычных вооружений,
- усиление мощи США в кризисных ситуациях,
- предотвращение катастрофических потерь американской стороны в ходе обычной войны,
- обеспечение особых возможностей, позволяющих уничтожить глубокие подземные цели [8].

Важный вывод Ядерной стратегии заключается в том, что одного ядерного оружия недостаточно для обеспечения соответствующей защиты от возникающих современных угроз. И поскольку прежние положения о прямолинейных ответных действиях американских СЯС неадекватны современным «асимметричным» угрозам, выдвигается концепт планирования «новой триады», включающей в себя ядерные и неядерные наступательные системы, активную и пассивную оборону, а также жизнеспособную оборонную инфраструктуру, в целях обеспечения готовности к «широкомасштабным стратегическим изменениям». В этом контексте фактически распадается доминирующая в эпоху Холодной войны логика оборонительного союза (конкретная угроза – единый ответ). Вместо этого на первый план выводится концепция, основанная на возможностях [9]. При этом важнейшее место уделено гибкости оборонительной и наступательной систем за счет усиления «стратегического резерва».

Проявлением нынешнего американского концепта оборонительной достаточности является наличие в парадигме оперативного планирования стратегических сил (согласно Концепции ядерной стратегии) списка целей возможного поражения, куда входят Северная Корея, Иран, Сирия, Ливия, Китай и Россия. Этот вектор проявляется в целом ряде важных шагов администрации США, напрямую относящихся к ядерной сфере: выход из Договора о противоракетной обороне (1972г.), снижение порога применения ядерного оружия, проведение новых ядерных испытаний, исследование способов военного применения обогащенного урана в обычных вооружениях, выявление новых областей использования ядерных технологий. Лежащая в основе ускоряющихся в ядерной сфере трансформаций идея заключается в том, что США вступили в довольно рискованный период, когда неизбежны угрозы национальной безопасности страны, между тем само ядерное оружие в руках террористов и «преступных режимов» имеет всего лишь значение «обычного», но сверхэффективного оружия.

Летом 2005г. стали известны некоторые важные положения «Обзора оборонных возможностей» Пентагона с традиционным представлением перечня основных угроз национальной безопасности США. Более конкретно, в документе сформулирована так называемая «матрица угроз», которым вооруженные силы США должны будут противостоять в ближайшей перспективе. Спектр угроз безопасности, включающий четыре их вида, более подробно был представлен министром обороны Д.Рамсфельдом. По оценке Пентагона, в настоящее время и в ближайшем будущем США прежде всего будут иметь дело с пресечением *нерегулярных угроз*: атаки террористов, мятежи, граж-

данские войны, вспышки агрессивного национализма и т.д. Второе место занимают так называемые «катастрофические угрозы», включающие приобретение и скрытый контроль со стороны террористов или государствами-изгоями над оружием массового уничтожения либо получение доступа к технологиям производства средств нападения, по поражающему эффекту сопоставимых с ОМП.

Угрозы третьего уровня носят «традиционный» характер и относятся к вероятному широкомасштабному военному столкновению с другими регулярными армиями мира.

На последнем месте «подрывные угрозы», которые могут пошатнуть или свести на нет превалирование США в отдельных сферах. Эти угрозы включают «будущие вызовы со стороны конкурентов, разрабатывающих и использующих технологические прорывы» с целью нейтрализации превосходства США в «специфических областях деятельности». По всей видимости, в ряду данных типов угроз подразумевается разработка и производство конкурирующими странами таких технологий, которые могут опередить США в инновационной области [10].

По замыслу стратегов Пентагона, новые непредсказуемые угрозы определяют также принципы и направления развития американских ВС, которые все в большей степени будут ориентированы на ведение новых типов войн. На этом фоне примечательна «ссылка» Д.Рамсфелда на обязательность военных интервенций в целях поддержания стран, пострадавших от рук международного терроризма. Согласно Д.Рамсфелду, они «будут носить избирательный характер и станут предметом политических дискуссий».

Проблемы этого спектра рассматриваются во взаимосвязи с обеспечением внутренней безопасности США и, очевидно, предполагают цепочку превентивных мер. По существу, речь идет об реанимировании неновой концепции «ограниченных войн», разумеется, учитывающей современную обстановку в мире. В 1990-ые гг. сторонники ведения войн «с ограниченными целями» прогнозировали, что наряду с минимизацией вероятности возникновения «большой войны» открывается новая область для решения определенных политических проблем военно-силовыми методами. Правда, следует отметить, что в свое время профессиональные армейские круги США выражали явное недовольство возложением на плечи армии решения подобных нетипичных проблем. Сторонники концепции «подавляющей силы» («доктрины Пауэлла») среди условий для широкомасштабного военного вмешательства указывали прежде всего ясность поставленных задач и непосредственную угрозу стратегическим интересам США [11].

Тем не менее, в действительности доктрина «подавляющей силы», предполагающая ведение широкомасштабных боевых действий, вовсе не утратила своей актуальности в «стратегическом арсенале» внешнеполитической повестки США. По сути, лишенные условностей антитеррористической борьбы глобальные геополитические интересы США требуют серьезной макроресурсной централизации, при которой «стратегические переменные» вполне могут служить государственным целям иного качества. Так, в ряду обозначенных тем же Пентагоном в 2005г. задач национальной безопасности указывается, среди прочего, необходимость влияния на формирование «стратегических выборов крупных стран» мира [10].

3. Проблема ресурсной самодостаточности и приоритетные макрорегионы геостратегического влияния США

По мнению группы влиятельных американских экспертов, основные направления военной стратегии США кристаллизуются в области осуществления двух сверхзадач. Это политическое преобразование Ближневосточного региона и его трансформация в Большой Ближний Восток при одновременной подготовке к решению другой стратегической задачи – более жесткого пресечения/сдерживания глобальных геополитических амбиций Китая, с использованием возможностей проецирования силы на большие расстояния. В целом, новые аспекты американского миропонимания, а также результаты стратегического прогнозирования констатируют, что США находятся на этапе серьезного пересмотра традиционных геополитических интересов. Новые подходы сходны в том, что в среднесрочной перспективе «эпицентр» основных угроз переместился в Евразию и развивающиеся страны мира. Вместе с тем признается, что успех американских стратегических планов по переустройству данного макрорегиона может предопределить сохранение глобального преобладания США на долгую перспективу. Нынешняя американская военная передислокация из Европы на Восток обусловлена именно этими замыслами.

На данный момент наиболее важной задачей является достижение качественных успехов в Ближневосточном регионе. Несмотря на предпринятые дипломатические шаги, направленные на смягчение жесткой нацеленности США «цивилизовать» Ближний Восток по американским рецептам и уменьшение негативного резонанса международной общественности, в Вашингтоне четко осознают, что стратегические «ставки» в этой борьбе слишком высоки. Неудача на Ближнем Востоке и его «потеря» для США могут обернуться крайне неблагоприятными последствиями – пошатнется основа

энергетической безопасности страны, станет невозможным транспортно-энергетический контроль над крупными странами (в том числе над Китаем и ЕС), зависящими от импорта ближневосточной нефти, «сплав» политизированного ислама и терроризма станет еще большей головной болью для американской внешней политики [12].

Задействованная на практике доктрина широкомасштабного вовлечения, требующая непрерывного наращивания степени вовлеченности и активности, по мнению американских экспертов, в ближайшей перспективе делает невозможной «стратегию выхода» из Ирака и Афганистана по вьетнамскому варианту. С другой стороны, по целому ряду причин практически невыполнима стратегия «замораживания» региональной ситуации. Заявленная в июле 2005г. президентом Ирана готовность и дальше развивать собственную ядерную программу принципиально меняет военно-политическую ситуацию в регионе, делая проблематичным разрешение политических и стратегических противоречий невоенными средствами [13].

С другой стороны, в складывающейся обстановке весьма затруднительным становится также применение войск на двух принципиально различных театрах военных действий (ТВД). Безусловно, война в Ираке во многом сковывает концентрацию силовых ресурсов (военная операция в Ираке поглощает около 80% мощи американской армии и 20% военного бюджета) для противодействия «странам исламского ядра» (Иран, Ирак, Пакистан, Афганистан) и затрудняет сохранение стратегической инициативы в руках у США. В любом случае, обостряющаяся военно-политическая ситуация на Ближнем Востоке резко снижает вероятность того, что США удастся достичь своих целей путем мирных преобразований.

Ясно, что решение подобных широкомасштабных задач требует серьезной ресурсной базы. В 2005г. военный бюджет США превысил отметку в \$500 млрд, что составляет примерно 50% мировых военных расходов. В результате ускоренного увеличения финансовых расходов, дефицит бюджета США составляет 3,5% ВВП страны (порядка \$427 млрд). Постоянное финансовое перенапряжение, вероятно, вскоре поставит американское руководство перед политическим выбором: сократить либо социальные, либо военные расходы. Ощущается также нехватка в живой силе: в настоящее время регулярная армия США насчитывает 33 бригады (1,4 млн военнослужащих), однако для обеспечения собственного периметра безопасности и осуществления поставленных стратегических целей за рубежом США требуется сформировать как минимум еще 11 дополнительных бригад. С другой стороны, объявленная 4 года назад программа по обеспечению американской армии

новейшим вооружением пятого поколения существенно сокращает квоту на приобретение уже существующих обычных типов вооружений. Сегодня примерно 17% военного бюджета используется на научно-исследовательские работы в оборонной области. На приобретение новой техники и вооружений предусмотрено примерно 19% бюджета, в то время как значительные средства направляются на модернизацию имеющихся вооружений. Администрация Дж.Буша уже заявила, что планирует в ближайшие пять лет сократить расходы на приобретение новой техники и вооружений на \$85 млрд [14].

Несмотря на огромное военно-техническое и технологическое преимущество США, американские ресурсы не бесконечны: необходимы как финансово-материальные, так и политические средства для продолжения борьбы теми методами, которые приняты на вооружение действующей администрацией. Стратегическая дилемма заключается в том, что фискальные возможности США ограничены во времени и пространстве, а политическая воля правящей американской элиты и ее сторонников – непреклонна. В подобных условиях необходимо либо добывание все новых и новых ресурсов для увеличения оперативного резерва, либо адекватно новым вызовам предпринимать ответные «асимметричные» шаги. Судя по всему, вашингтонские стратеги склонны «синтезировать» эти два подхода. Так, в концептуальных разработках поддерживающего республиканскую администрацию влиятельного Американского института предпринимательства (*American Enterprise Institute*) подтверждается, что военно-воздушные и военно-морские силы США продолжают осуществлять «стратегию маятника» в целях обеспечения мобильности военной силы между двумя ТВД – силового прикрытия боевых действий на Ближнем Востоке и сдерживания Китая – лишь в последний момент принимая решение о массированном «подавляющем» использовании военного потенциала США [13].

Сегодня США не только сохраняют, но и последовательно усиливают свое и без того значительное военное присутствие в Восточной Азии и азиатско-тихоокеанском регионе, отчасти дополняя его за счет перебрасываемых из Европы сил. Только в 2002-2004гг. США передислоцировали на расположенный сравнительно недалеко от китайского побережья остров Гуам 3 субмарины класса *Los Angeles*. А вдоль морской оборонительной линии Китая постоянно несут патрульную службу модернизированные подводные лодки «Трайдент», каждая из которых имеет на вооружении 154 крылатые ракеты «Томагавк» и держит на прицеле важнейшие объекты китайской военной инфраструктуры. В случае обычного вооруженного столкновения, ВМС США в состоянии заблокировать внешнюю морскую торговлю Китая и пре-

сечь выход китайских военных судов из портов их постоянной дислокации [15]. Военно-воздушная составляющая американского присутствия в регионе также нацелена на сдерживание и предотвращение каких-либо наступательных акций со стороны Китая.

В среднесрочной перспективе Вашингтон рассчитывает также использовать в качестве стратегического рычага воздействия на Китай исключение какой-либо серьезной роли последнего в ближневосточных процессах. Прекрасно осознавая, что возрастание зависимости Китая от импорта ближневосточной нефти естественно способствует «фокусировке китайских интересов в этом регионе», США предпринимают и продолжают предпринимать в будущем последовательные шаги по удержанию в своих руках стратегической инициативы в ближневосточных делах.

Одновременно, на сдерживание нарастающего влияния Китая в макро-региональных процессах, среди прочих текущих задач базирования ВС в этом регионе, направлено и американское военное присутствие в центральноазиатских республиках. Официально, появление американских военных баз в Кыргызстане (аэродром в Манасе), Узбекистане (Ханабад)¹ и Таджикистане обосновывается необходимостью тыловой поддержки антитеррористической операции на территории Афганистана. Однако факт в том, что разведывательный потенциал американских военных баз и высокая готовность к оперативному реагированию/развертыванию (военно-воздушная составляющая) вполне могут служить целям силового давления на Китай с севера.

Вместе с тем, размещение американских контингентов на постсоветском пространстве – это не только «производная» большой политики противодействия Китаю. Наличие англо-американских войск в центральных районах Евразии, несомненно, выражает собственную, геополитически «самодостаточную» тенденцию, которую необходимо рассматривать также в плоскости российскоцентричной парадигмы региональной безопасности. По мнению некоторых специалистов, сдвиг американской геополитической активности в центральную Евразию обусловлен как неуклонным внутренним ростом Китая, так и завершением периода временного ослабления России. С другой стороны, признается, что принципиальные разногласия между США и исламским миром превращаются в постоянный фактор международных отношений, что делает императивным сохранение военного присутствия США в регионе [16].

Не секрет, что США преследуют на постсоветском пространстве серьез-

¹Скорее всего, американские войска будут выведены с территории Узбекистана к началу 2006г. В июле 2005г. официальный Ташкент уведомил американское военное руководство о дальнейшей нецелесообразности функционирования базы США в Узбекистане. «Американцы уйдут из Узбекистана «без разговоров», 28.09.2005, www.lenta.ru.

ные стратегические и транспортно-энергетические интересы, зафиксированные не только в официальных «программных» документах, но находящие свое отражение в логике практических действий США в регионе. Поддержка независимости постсоветских республик и пресечение возможных гегемонистических амбиций России в отношении этих стран также наполнено реальным содержанием и укладывается в канву принципиальных положений американской внешнеполитической линии. В реальности, однако, маловероятно, чтобы американские стратеги предприняли предметные усилия по созданию системы внешнего балансирования против России в Евразии, через создание и поддержку антироссийского блока постсоветских государств.

Во-первых, существует объективная реальность: со времен распада СССР между Россией с одной стороны и всеми остальными республиками (включая Прибалтийские) – с другой, не произошло существенного изменения соотношения военных расходов, совокупной мощи армий и показателей ВВП. По положению на 2000г., на долю России приходилась примерно половина населения бывшего Союза, 88,5% ВВП, 93% военных расходов, 58,25% вооруженных сил [17]. С учетом этих реалий становится очевидным, что жесткая политика внешнего балансирования по отношению к России может привести к обратным результатам. Трудной задачей является также *реальное* сплочение сопредельных с РФ стран вокруг антироссийской идеи, учитывая сильную структурную зависимость последних от России.

Во-вторых, неприкрытая американская поддержка, оказываемая осуществлению и реализации ряда «революционных» переворотов в странах СНГ по смене власти – результат того, что еще в 1990гг. Москве не удалось трансформировать свою функциональную роль гаранта стабильности на территории СНГ в организованное доминирование. Тем не менее очевидно, что импульсы к проведению институциональных преобразований пока еще не носят характера «необратимых перемен» в плане отстранения или исключения РФ из процессов на постсоветском пространстве, хотя и смахивают на попытку организации так называемого внутреннего балансирования.

В-третьих, не исключается, что в перспективе Вашингтон попытается именно Россию вовлечь в сферу приложения своих интересов, предложив ей некий формат «особого партнерства», возможно, с учетом существования зоны особых интересов и ответственности РФ [16].

4. Перспективы

Маловероятно, чтобы в ближайшем будущем какая-либо отдельная держава была бы в состоянии составить серьезную конкуренцию США в военно-технологической сфере. Слишком велико американское лидерование в облас-

ти высоких и инновационных технологий (включая военные), что вкупе с мощнейшей ресурсной базой обеспечит качественный отрыв США от других конкурентов в этих областях. Видимо исходя из понимания ныне существующей огромной асимметрии возможностей и целого ряда соображений политического характера, администрация Дж.Буша достаточно скептически относится к вопросам получения поддержки и реального «соучастия» своих политических и военных союзников в односторонних действиях США. Тем не менее, наблюдаемая сейчас тенденция консолидации других силовых центров мировой политики, имеющая подспудную направленность как-то уравновесить глобальное или региональное превалирование США, уже вынуждает администрацию пойти на некоторый пересмотр былой жесткости в утверждении собственных интересов. Этот сдвиг наиболее актуален в Ираке, где за этапом силового «внедрения» демократии должен последовать длительный период строительства государственных институтов и обеспечения стабильности.

В этом контексте роль наиболее приемлимой и удобной военно-политической структуры для реактивации коалиционного взаимодействия продолжает играть НАТО. Так, созданный в сентябре 2005г. в стенах Пентагона документ «Условия компромисса» прямо подтверждает факт возникновения у США проблем в области военной безопасности. По словам Д.Рамсфельда, «современные проблемы обеспечения безопасности имеют такой характер, что США не в состоянии добиться успеха, решая их в одностороннем порядке. Поэтому в данном документе предлагается формирование новых партнерских отношений в противодействии нетрадиционным угрозам» [18]. Как отмечалось выше, стратегическая концепция Пентагона предполагает возможность ведения двух обычных (конвенциональных) войн на двух различных ТВД. Однако помимо этого американская армия должна быть готова к континентальной обороне территории самих США, а также к подготовке плацдармов для последующей высадки воинских контингентов в четырех районах мира за пределами континентальной части Соединенных Штатов. Ясно, что без опоры на воинский и военно-технический потенциал НАТО реализация проектов американских стратегов станет чрезвычайно сложной, а возможно и вовсе неосуществимой.

С другой стороны, очевидно, что подобные развития вряд ли приведут к отступлению от заявленных императивных положений «доктрины Буша». Действующая администрация, несомненно, предпримет практические шаги для предотвращения хотя бы частичной потери стратегической инициативы США на Ближнем Востоке. В этом контексте серьезного внимания заслуживают намечающиеся в сфере применения ядерного оружия принципиальные

изменения, которые, по всей видимости, скоро вступят в этап оперативно-практического планирования и реализации.

В марте 2005г. объединенное командование штабов ОВС США представило пересмотренный и отредактированный план-проект доктрины «совместных ядерных операций». Этот касающийся ядерной сферы документ представляет собой совокупность ряда пересмотренных положений Ядерной стратегии (доктрины) США 2002г., включая учет и оценки возможности, эффективности и последствий применения ядерного оружия. По мнению вашингтонских стратегов, «сочетание ударов обычного и ядерного оружия позволяет наиболее эффективно использовать мощь вооруженных сил и предоставляет лидерам США более широкие возможности по принятию мгновенных решений по уничтожению противника» [19]. За последние десять лет это первое серьезное изменение в ядерной стратегии США. Из имеющейся информации можно сделать некоторые предположения о том, какой в ближайшем будущем будет американская политика в этой ключевой сфере.

Важнейшими нововведениями в оперативный план объединенных ядерных операций ОВС США считаются:

1. Задействование принципиального положения, согласно которому региональным командующим группировками ОВС США на ТВ/ТВД предоставляется право запрашивать «одобрение» президента на нанесение «превентивного» ядерного удара в условиях доказанной угрозы применения потенциальным противником ОМУ против США, американских военных объектов и их союзников;
2. Документ выдвинет требование создать новые виды ядерных вооружений, способные поражать скрытые или глубинные цели;
3. Тактические и оперативно-тактические ядерные вооружения будут возвращены в различные армейские подразделения, в частности, будут размещены на надводных военных кораблях [19].

Примечательный исторический факт: в начале 1960-ых гг., когда обострился один из опаснейших кризисов новейшего времени – Карибский, президент Дж.Кеннеди отверг предложение военных о передаче последним части своих «ядерных полномочий», что предполагало в определенных случаях «автономное» принятие решений о применении ЯО [20]. Несмотря на напряженность момента, американский военно-политический истеблишмент тогда все же пришел к выводу о недопустимости какого-либо пересмотра исключительных прерогатив президента в этой области, поскольку это могло привести к «непредсказуемым катастрофическим последствиям». А в 1991г.

было принято решение о демонтаже тактических ядерных вооружений с кораблей надводного военного флота США.

Интересно, что новый концепт ядерной политики США, базирующийся на принципе «возможности определяют цель», умышленно не определяет и не уточняет порог и условия применения ядерного оружия, поскольку «сохранение двусмысленности способствует созданию чувства неуверенности у вероятного противника, что удержит его от враждебных действий» [21].

Опираясь на этот проект пересмотренной ядерной концепции, можно прийти к выводу, что даже в условиях ресурсной недостаточности маловероятно, чтобы США отказались от своих сверхзадач, требующих, с одной стороны, «всеобъемлющих решений», а с другой – быстроты и эффективности действий. Не требующий в этом смысле значительных расходов предполагаемый ввод ядерных вооружений в сферу оперативно-практического планирования может ознаменовать начало нового этапа осуществления силовой политики другими средствами.

Ноябрь, 2005г.

Источники и литература

1. *Генри Киссинджер*, Нужна ли Америке внешняя политика: к дипломатии для XXI века, М., 2002.
2. *Global Trends and Global Governance*, Pluto Press, 2002.
3. *Measuring National Power*, Gregory F. Treverton, Seth G. Jones, RAND Corporation, 2005.
4. *Jonathan Monten*, The Roots of the Bush Doctrine: Power, Nationalism, and Democracy Promotion in U.S. Strategy, *International Security*, vol. 29, N4 (Spring 2005), p. 112-156.
5. *Elena Ananieva*, Foreign Policy Polemics in the United States, *International Affairs* (Moscow), 2005, p. 23-33.
6. *Գազիկ Հարությունյան*, ԱՄՆ ռազմավարության որոշ դրույթները իրաքյան հիմնախնդիրների համատեքստում, 21 Դար, # 4, 2004, էջ 112:
7. *Andrew Newman*, Arms Control, Proliferation and Terrorism: The Bush Administration's Post-September 11 Security Strategy, *The Journal of Strategic Studies*, vol.27, N1, March 2004, p. 59-88.
8. *US Nuclear Posture Review*, 2001. (<http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/npr.htm>).
9. *John Davis*, Implications of Preventive Wars for Collective Security, *Mediterranean Quarterly*, Winter 2004, p. 105-118.

10. *Владимир Иванов*, Пентагон вырабатывает матрицу гроз, Независимое военное обозрение, #22 (431), 17 июня 2005г.
11. *Екатерина Степанова*, Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа, Права человека, М., 2001, с. 51-53.
12. *Zbigniew Brzezinski*, Hegemonic Quicksand, The National Interest, Winter 2003/2004, p. 5-16.
13. *Сергей Гриняев*, Приоритеты американской военной стратегии на 2005 год, Независимое военное обозрение, # 6(415), 18.02.2005.
14. См. интервью с Сергеем Роговым, директором Института США и Канады: Вадим Соловьев, Россия и США: чем закончится сюрпряс?, Независимое военное обозрение, #5(414), 11.02.2005.
15. *Robert Ross*, Bipolarity and Balancing in East Asia, Balance of Power. Theory and Practice in the 21st Century, Stanford University, 2004, p. 267-304.
16. *Alexander Bogoturov*, The Time of Central Eurasia, International Affairs (Moscow), vol.51, issue 3, 2005, p.76-84.
17. *William Wohlforth*, Revisiting Balance of Power Theory in Central Eurasia, Balance of Power. Theory and Practice in the 21st Century, Stanford University 2004, p. 214-238.
18. *Владимир Ванин*, Удобное прикрытие для Пентагона, Независимое военное обозрение, #35(444), 16.09.2005.
19. *Александр Федоров*, Америка готовится к ядерным ударам: проводится важная корректировка оперативного плана в отношении стран-изгоев, Независимое военное обозрение, #25(435), 8.07.2005; *Владимир Иванов, Игорь Плутатарев*, Вашингтон всех достанет, Независимое военное обозрение, # 35(444), 16.09.2005.
20. *Graham Allison, Philip Zelikow*, Essence of Decision. Explaining Cuban Missile Crisis, Second Edition, Logman, 1999.
21. Doctrine for Joint Nuclear Operations, US Joint Chiefs of Staffs, March 15, 2005, JP3-12, www.rand.org.

NEW TRENDS IN US GLOBAL STRATEGY AND THE FORMING PARADIGM OF INTERNATIONAL SECURITY STRUCTURE

Vahagn Aglyan

Resume

The article reviews the contemporary trends in the US global strategy, the mainstreams of "Bush doctrine" in a close conjuncture with the processes of globalization and the ongoing struggle against international terrorism, certain aspects

of the revised geopolitical priorities of the incumbent administration as well as some doctrinal issues of the US Nuclear Posture Review to be operational in coming war plans of the US Army. Specifically, within the context of prevailing ideological biases in the US foreign policy concept and recently elaborated by Pentagon the new security “matrix”, the article analyzes the leading aspects of reassessment of the ways and means to provide the US national security, recently adopted strategic principles aimed to deflect the new “asymmetrical” threats and the reasons that stipulated the Administration’s departure from the deterrent doctrine toward more practical postulation of “preventive actions” by all directions. Given the Washington’s tough and, to a certain degree, uncompromised posture to preserve its status as a leading superpower in the world affairs, a thesis is put forward that in the short-term perspective the US policy-makers will do their best to uphold American primacy and strategic initiatives above the key, most dynamically changing regions, while simultaneously checking China’s global ambitions.

At the same time, the resource constraint along with mounting international opposition against the unilateral force projection, potentially, can bring to serious reconsideration in the US one-sided approaches. The evidence of fact is the recent reactivation of military-political relations with NATO’s allies implying their closer hook-up to the US operative “projects”.

On the other hand, the tactical nuclear weapon’s planed return to the Army’s regular units (with “uncertain” threshold of its usage) in the near future may have hardly predictable consequences. Yet, although it is obvious that the coming transformations concerning the nuclear domain is directed to reduce/overcome the resource scarcity in bolstering the US global aims, the character of the expected counter steps by the other power centers may easily “break the rules” of the international struggle against terrorism.

«ЯДЕРНЫЙ» И «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ» МОСТЫ ЕВРОПЫ К ИРАНСКОМУ ГАЗУ

Севак Саруханян

Начало переговоров по ядерной проблематике между Ираном и так называемой «евротройкой» в составе Франции, Великобритании и Германии открыло новую возможность для разрешения проблемы иранской ядерной программы. Нахождение компромисса между ЕС и Ираном по ядерной проблематике по представленным «евротройкой» предложениям станет основой для налаживания широких торгово-экономических отношений между Ираном и европейскими странами, что предполагает среди прочего и «превращение Ирана в основного поставщика нефти и газа в Европу». В статье рассматриваются перспективы газового сотрудничества между ЕС и Ираном, а также проблемы газового транзита.

Введение

В 2003г. инспекторы МАГАТЭ обнаружили засекреченную от МАГАТЭ часть иранской ядерной программы, включающей налаживание технологий и производств обогащения урана. Обнаружение засекреченной части иранской ядерной программы стало неожиданностью для большинства тех государств мира, которые на протяжении последнего десятилетия не разделяли опасения США по поводу военного характера ядерных разработок Исламской Республики Иран (ИРИ). В результате проведенных представителями МАГАТЭ инспекций в Иране оказалось, что ИРИ достаточно близко подошла к той технологической черте, за которой уже маячила перспектива появления второй «исламской бомбы».

Последняя, как справедливо заметил президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока Е.В.Сатановский, «превратилась в своего рода «святой Грааль», произвольно перемещающийся по Ближнему Востоку вслед за вектором интересов Вашингтона: в Сирию, Иран...» [4, с. 89]. В то же время США не оказывают почти никакого давления на своего союзника – ядерный Пакистан, бывший премьер-министр которого З.А.Бхутто и является автором термина «исламская бомба». Террористические акты, совершенные в июле 2005г. в Лондоне в том числе и выходцами из Пакистана, со всей очевидностью демонстрируют, насколько опасна двойная игра с «исламской бомбой»: нельзя исключать возможности попадания пакистанского ядерного

оружия в руки террористов. К тому же внутривосточная ситуация в Пакистане чревата тем, что в результате очередного переворота к власти могут прийти радикальные исламисты, которых в большом количестве возвращают медресе и университеты южно-азиатского союзника США – Пакистана.

1. ЕС и ядерная программа Ирана

После сделанных инспекторами МАГАТЭ открытий в Иране стало ясно, что появилась реальная необходимость выработки общих усилий ведущих стран мира, направленных на недопущение превращения Ирана в ядерную державу. Трансформация ИРИ в ядерную державу может не просто изменить весь геополитический расклад в регионе так называемого Большого Ближнего Востока, но и стать стимулом к развертыванию соответствующих программ Турции и Саудовской Аравии – конкурентов Ирана за региональное доминирование. Так как ни США, с которыми Иран отказывается вести прямые переговоры, ни Россия, обвиняемая в недобросовестном отношении к проблеме соблюдения Ираном своих обязательств перед Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), не оказались подходящими переговорщиками, функции посредника мирового сообщества были возложены на ЕС. Позицию ЕС по иранской проблематике обязалась представлять так называемая «евротройка» в составе Великобритании, Германии и Франции. Европа в лице «евротройки» начала переговоры с Ираном не только по ядерной проблематике, но по широкому кругу вопросов, которые условно можно разделить на проблемы, волнующие мировое сообщество: это, прежде всего, проблемы нераспространения ядерного оружия, соблюдения прав и свобод человека, свободы СМИ и т.д.; и вопросы, имеющие важнейшее стратегическое значение для самой Европы, а также для ИРИ: налаживание торгово-экономического сотрудничества между ЕС и Ираном как механизм компенсации за отказ Ирана разрабатывать ядерное оружие.

Интенсивное вовлечение ЕС в переговорный процесс по ядерной проблематике у многих создало впечатление о безусловной обеспокоенности ЕС перспективой превращения ИРИ в ядерную державу. Так ли это? Анализ сложившейся ситуации говорит о том, что Европе если и должна волновать иранская бомба, то не так сильно, как это представляют европейские лидеры.

Несмотря на заверения американских политиков и специалистов по вопросам международной и региональной безопасности, Иран все-таки не является страной, готовой прибегнуть к ядерному шантажу, тем более к использованию ядерного оружия. Загнанная американской политикой в тупик страна, стоящая перед угрозой американского вторжения, если и стре-

мится создать ядерное оружие, то делает это в первую очередь для предотвращения возможной агрессии США или какого-либо своего регионального соседа, скажем, того же ядерного Пакистана и Израиля. В сложившихся геополитических условиях, как справедливо отмечает профессор Йельского университета И.Валлерстайн, «только сумасшедший не стал бы разрабатывать ядерное оружие на месте иранского лидера» [3, с. 89].

Страны «евротройки», прежде всего Германия и Франция, безусловно признают, что ИРИ необходимо создать ядерное сдерживающее средство, так как нависшая над этой страной угроза американского вторжения обретает в последнее время довольно реальные очертания. Удастся такая агрессия, США установят контроль над большей частью ближневосточной нефти и газа, а также над важнейшей территорией, не только по своим ресурсам, но и географическому положению – ключевому для многих регионов: Ближнего Востока, Южного Кавказа, Каспийского региона, Южной Азии и всего Персидского залива. В то же время и Германия, и Франция отчетливо понимают, что США приложат максимальные усилия, чтобы не допустить реализации ядерных амбиций Ирана.

Не откажись Иран от этих амбиций, США могут пойти на рискованную военную акцию против ИРИ, на которую они сегодня – в свете осложнений в Ираке – идти не готовы. В более оптимистичном для Ирана сценарии страна подпадет под международные санкции и станет изгоем в мировой политике. ЕС не заинтересован ни в военной акции против ИРИ, ни в дальнейшей блокаде этой страны. Иран – ключевая региональная держава, с имперской политической культурой и соответствующими амбициями. Наличие такого государства, безусловно, поставленного в определенные рамки, достаточно выгодно для Европы, так как оно сдерживает полномасштабную гегемонию США в регионе, прикрывает тыл стремящегося к членству в ЕС Южного Кавказа от полномасштабного американского или исламского вторжения и, как это ни странно, сдерживает исламскую экспансию в регионе в целом. Однако не только политические соображения составляют основной интерес Европы в Иране.

Пакет предложений, представленный ЕС ИРИ взамен отказа последней от создания ядерного топливного цикла, по словам Секретаря Совета безопасности Ирана Х.Роухани, включает в себя признание и гарантирование территориальной целостности и независимости Ирана, включение последнего в ближневосточную региональную систему безопасности, подписание торгового соглашения между ИРИ и ЕС, а также превращение ИРИ в основного поставщика нефти и газа в Европу [8].

Рассматривая проблемы достижения соглашения между ИРИ и ЕС по ядерной проблематике, многие российские авторы – при анализе их влияния на интересы России – исходят из перспектив вытеснения российских ядерных энергетиков с иранского рынка ядерных технологий. И действительно, Иран и Европа более чем положительно смотрят на возможность сотрудничества в области строительства ядерных энергетических реакторов в Иране. С европейской стороны особую заинтересованность проявляет Франция, которая имеет надежды на возвращение в Иран, где до революции 1979г. французы уже успели расчистить и подготовить площадку под строительство АЭС «Ахваз». Иранские власти, в том числе и Секретарь Высшего совета национальной безопасности и главный переговорщик по ядерной проблематике Х.Роухани, неоднократно заявляли о заинтересованности в сотрудничестве с европейскими странами в области строительства ядерных энергетических реакторов. Нельзя сказать, что после революции ИРИ впервые стала призывать европейцев на свой ядерный энергетический рынок. С 1985г. Иран предпринял целый ряд неудавшихся попыток наладить сотрудничество в ядерной области с такими странами, как Германия, Италия, Швейцария, Испания и т.д., – все эти страны под нажимом США отказались от возможных сделок с ИРИ.

Сейчас ситуация радикально изменилась, прежде всего благодаря тому, что США не в состоянии давить на европейцев так же сильно, как они это делали 10-20 лет тому назад. И причина этого не только в усилении ЕС и европейской солидарности. США отчетливо понимают, что Европа сегодня – та единственная сила, которая может убедить ИРИ в прекращении работ по созданию ядерной инфраструктуры, могущей стать основой для создания иранской ядерной бомбы. Европа свое иное, нежели 20 лет тому назад, положение тоже сознает и поэтому целенаправленно «проталкивает» своих ядерных энергетиков в ИРИ. Реализация амбиций Ирана построить 20 энергетических ядерных реакторов может дать европейцам многомиллиардные контракты.

Однако было бы ошибочным считать, что защита корпоративных интересов европейских высокотехнологичных компаний для ЕС в переговорах с ИРИ представляет наибольшую важность. Для ЕС важнейшим является другой вопрос – газовый. Вопрос этот крайне важен и для России.

В своем недавнем интервью российскому журналу «Эксперт» аналитик фонда «Наследие» (*Heritage Foundation*) А.Коэн говорит: «Евросоюз принял стратегическое решение о том, что Европе нужно снижать зависимость от российского газа за счет использования газа иранского, как говорится – из огня да в полымя. Почему лучше зависеть от Тегерана, чем от Москвы, я не по-

нимаю» [1, с. 96]. В Европе все-таки решили, что газовая зависимость от Тегерана не так уж страшна. Безусловно, иранский газ не заменит российский, который уже несколько десятилетий поставляется в Европу. И вопрос тут скорее не в замещении российского газа, а в поиске новых источников, другими словами – речь идет о диверсификации газовых поставок. В течение второй половины 1990-х годов разного рода обсуждения проблем энергетической безопасности Европы привели к заключению, что газовый фактор в обеспечении энергетической безопасности ЕС в первой половине XXI века будет играть решающую роль. Для обоснования этого заключения приведем некоторые цифры.

Сегодня Европа импортирует чуть менее 200 млрд куб. газа в год. Согласно данным ЕС, этот показатель к 2030г. может возрасти в 2,5 раза, а согласно данным Международного Агентства Энергетики (МАЭ) – в три раза [9, р. 67]. Соответственно к 2030г., согласно данным МАЭ, доля африканского газа в потреблении ЕС снизится по сравнению с 2000г. с 33,5% до 28%, норвежского – с 25% до 17%, доля поступающего из России газа может составить не более 33%. Высокий уровень роста потребления газа делает Европу крупнейшим рынком для мировых производителей газа. И рынок этот будет непрерывно расти, в том числе и потому, что газ постепенно будет замещать нефть, запасы которой по сравнению с запасами газа исчерпаемы в недалекой перспективе. В этом свете для ЕС особое значение приобретают два вопроса: откуда и как должно поставляться в Европу необходимое количество энергоносителей, прежде всего газа?

Предполагается, что к 2030г. Россия останется крупнейшим поставщиком газа в Европу. Наряду с Россией газ в Европу будет поставляться из Северной Африки и Норвегии. По данным МАЭ, доля ближневосточного газа, который сегодня в Европу не поставляется, в европейском потреблении к 2030г. должна составить около 17%: данный процентный уровень необходим для покрытия всего потребления. Однако и в случае с Россией, и в случае с Ближним Востоком, прежде всего арабскими монархиями, Европа может столкнуться с некоторыми проблемами, имеющими в первую очередь политический характер. Постараемся обозначить главные из них.

1. **Россия.** – Несмотря на имеющее место в течение последних лет значительное улучшение российско-европейских отношений, Европа не склонна допустить, чтобы Россия стала основным поставщиком газа в ЕС, усматривая в этом для себя определенную политико-экономическую опасность. Кроме того, свободных запасов российского газа явно недостаточно для того, чтобы – даже в случае готовности Европы – покрыть

большую часть европейского потребления. Данный фактор осложняется тем, что в ближайшие годы Россия намерена освоить восточные маршруты экспорта своего газа, в том числе и в Китай, рост потребления в котором будет непрерывно расти, даже более быстрыми темпами, нежели в Европе. Не менее сложной является также ситуация с транзитом газа из России в Европу, так как основные газопроводы проходят по территории Украины и Белоруссии, с которыми у России сложились непростые отношения. «Газовые войны» – сначала между Россией и Белоруссией, а затем между Россией и послереволюционной Украиной – свидетельствуют о ненадежности маршрутов поставок российского газа, их зависимости от политических отношений в регионе. Во многом именно политическими соображениями вызвано достигнутое между РФ и Германией соглашение о строительстве газопровода по дну Балтийского моря.

2. **Ближний Восток.** – Война в Ираке показала: у США и ведущих стран Европы разное видение актуальных проблем мировой политики, в том числе и политики энергетической. Взятый США курс на решение любыми средствами своих задач, в число которых входит закрепление США на Ближнем Востоке, предполагает дальнейшее одностороннее усиление позиций США в регионе. Установление на Ближнем Востоке американского нефтегазового диктата представляет угрозу для европейской энергетической безопасности, так как США будут использовать свой контроль над ближневосточными нефтью и газом в целях сохранения господствующего положения в мире и достижения иных политических целей. Кроме того, арабский Восток, и прежде всего Саудовская Аравия, имеют тенденцию к дальнейшей исламизации, которая может еще больше дестабилизировать регион и отрицательно сказаться на экономиках импортеров ближневосточной нефти и газа (сжиженного). И это еще одна явная проблема для ЕС в ее планах по импорту арабского газа.

По-иному обстоит дело с Ираном. Главные преимущества Ирана, по сравнению с его арабскими соседями, – политическая стабильность и самостоятельность, наличие огромных свободных запасов газа, аналогичное европейскому стремление к независимой глобальной энергетической политике. Иран для Европы является уникальной страной-поставщиком хотя бы потому, что эта страна, обладая вторыми по объемам запасами газа в мире, пока этот газ никуда не экспортирует. Газопровод Иран-Армения еще не сдан в эксплуатацию, а газопровод Иран-Пакистан-Индия имеет определенные шансы не реализоваться, в свете особо сильного давления на Пакистан со

стороны его стратегического партнера – США, а также начавшегося в июле 2005г. потепления в американо-индийских¹ отношениях. Кроме того, иранские газовые месторождения, содержащие около 62% всех запасов иранского газа, по сегодняшний день еще не начали осваиваться [11], во многом по причине отсутствия у ИРИ необходимых инвестиционных и технологических возможностей. Для дальнейшего развития газовой отрасли Иран нуждается в огромных иностранных инвестициях и технологиях, которые могут быть предоставлены только западными странами. Политическая обстановка вокруг Ирана для Европы можно сказать подходящая, так как доступ американских конкурентов на иранский рынок априори закрыт, а Россия не имеет столько средств и технологий, чтобы наладить полномасштабную добычу иранского газа. Кроме того, сами иранцы не склонны допускать российские газовые компании на свой рынок, о чем можно судить по неудавшимся попыткам «Газпрома» прийти к конструктивному соглашению с Ираном по месторождению Южный Парс.

Нельзя сказать, что Европа только недавно начала принимать активное участие в проектах освоения иранского газа. Еще в 2002г. в Тегеране был создан Центр энергетического сотрудничества, курирующий совместные проекты иранских и европейских энергетиков, впрочем, не имеющий номинально никакого отношения к принятию стратегических решений со стороны иранского руководства. Сегодня в освоении иранских газовых месторождений принимает активное участие ряд европейских компаний: *Total* и *Petronas* – в освоении 2-й и 3-й, *ENI* – в освоении 4-й и 5-й, *Statoil* – 6-й, 7-й, 8-й очередей месторождения Южный Парс. Однако все совместные ирано-европейские проекты не могут сравниться с тем, сколько инвестиций и технологий сможет вложить в Иран Европа при улучшении ирано-европейских торгово-экономических отношений.

ЕС, вне всякого сомнения, хочет с Ираном договориться как по проблеме ядерной программы, так и по проблемам торгово-экономического сотрудничества. В отличие от США, которые взяли курс на свержение нынешнего иранского режима, ЕС договорится с любым ведущим независимую энергетическую и внешнюю политику Ираном – теократическим, диктаторским или демократическим. Опыт достижения договоренностей с «вражескими» странами у Европы есть. Стоит вспомнить хотя бы то, как ФРГ в свое время договорилась с СССР по вопросам импорта советского газа. А СССР для Западной Европы был реальной, а не как ИРИ, мнимой угрозой.

¹ Примечательно, что в сентябре 2005г. в Совете управляющих МАГАТЭ Индия проголосовала за анти-иранскую резолюцию, чем, по мнению многих индийских политиков, например, бывшего министра иностранных дел и лидера «Бханатия джаната партии» Яшванта Синха, полностью перешла в американский лагерь [5].

Абстрагируясь от стереотипов, созданных в основном антииранской пропагандой США, можно констатировать, что из ближневосточных мусульманских стран именно Иран наиболее близок к нормальному неагрессивному восприятию европейских ценностей. И это относится не только к прогрессивной части иранской интеллигенции, но и к высокопоставленным иранским клерикалам, часто по политическим соображениям использующим в своих проповедях и выступлениях антизападные лозунги. Ресурс дальнейшего укрепления прозападных ценностей в Иране огромен, так как эти ценности распространены в основном среди иранской молодежи, которая составляет около 2/3 населения страны. Наряду с этим, Иран, в отличие от его арабских соседей, уже 26 лет тому назад пережил исламскую революцию и установление теократического режима. Как показала история, радикализма в политике исламского Ирана было не больше, чем в политике его арабских соседей – прежде всего светских саддамовского Ирака и Саудовской Аравии, а также Пакистана. Иранский шиизм был и останется серьезным противовесом, препятствующим полномасштабному распространению суннитского исламского фундаментализма в регионе. Сдерживающая и контролирующая роль шиитского Ирана со временем – с дальнейшим усилением позиций исламского фундаментализма и арабского национализма – будет возрастать. Иранский светский национализм и религиозный радикализм в идеологическом плане исходят из схожего принципа: избранности и особенности Ирана и его веры. Если в случае с национализмом основой утверждения избранности является великое персидское культурное наследие, то в случае с религиозным радикализмом – особый иранский шиитский ислам. Так или иначе, и националистам, и клерикалам Иран видится в сообществе ведущих государств мира, с которыми иранский народ имеет все права и основания сотрудничать. Эти государства – ведущие страны Запада, а не отсталое и в иранском представлении лишенное исторического и культурного наследия (в представлении клерикалов – исповедующее неправильный ислам) арабское и иное мусульманское окружение Ирана. Данное обстоятельство делает еще более аргументированным и оправданным стремление европейцев наладить более дружественные отношения с иранской региональной миниимперией. Представляется, что Европа в чем-то должна быть заинтересована в сохранении нынешнего иранского режима, так как режим этот продемонстрировал достойную уважения политическую жизнестойкость, а также способность более или менее стабильного развития в тяжелых внешнеэкономических и внешнеполитических условиях. А чем стабильнее режим, тем стабильнее пойдет ход реализации энергетических проектов в данной стране. На это, в частности, указывают и американские эксперты [9, р. 4].

Как бы парадоксально это ни звучало, но ядерные амбиции Тегерана могут решить для Европы вопрос о том, откуда получить необходимое количество углеводородов. Уговорив Иран отказаться от военных ядерных разработок, ЕС выторгует себе моральное право на предоставление Ирану компенсаций в виде налаживания торгово-экономического и политического сотрудничества. Не случайна, безусловно, довольно спокойная реакция европейских столиц на избрание в Иране нового президента-консерватора. При нем позиция Ирана по переговорам с «евротройкой» станет более жесткой: Иран будет требовать больших уступок от европейской стороны взамен отказа от реализации проектов по созданию замкнутого ядерного топливного цикла. Эти уступки, вкупе с определенными гарантиями безопасности, ЕС будет предоставлять Ирану с полной готовностью, так как они будут непосредственно касаться проектов сотрудничества в энергетической и политической сферах. Более того, договоренности, достигнутые с новым президентом ИРИ Ахмади Нежадом, пользующимся доверием духовных властей Ирана, будут иметь больше шансов на реализацию: не останутся на бумаге. В случае с Хатами, имевшим разногласия с духовным лидером Ирана аятоллой А.Хаменеи, любые договоренности могли не получить одобрения как Хаменеи, так и надпарламентского и надправительственного Наблюдательского совета, состоящего из 12 аятолл.

Очень важной в свете достижения договоренности ЕС с иранским правительством по газовому вопросу является проблема транзита этого газа. Вопрос этот имеет также важнейшее геополитическое значение.

2. Транзит иранского газа: турецкий маршрут и членство Турции в ЕС

Одной из важнейших проблем геополитики энергоносителей является проблема организации их транзита в страны потребления. Данная проблема весьма актуальна для Европы, потому как основная часть нефти сегодня на европейский рынок поступает с территории нестабильного Ближнего Востока. Закрепление США в данном регионе с помощью военной интервенции в Ирак еще больше осложнило положение Европы, потому что начавшиеся процессы в Ираке непосредственно грозят стабильности Ближнего Востока и Персидского залива.

Однако не менее сложно обстоят дела и с проблемой транспортировки иранского газа в Европу. События последних двух лет могут внести серьезные корректировки в проекты газопроводов из Ирана в Европу. Речь идет о «бархатных революциях» в Грузии и Украине, смене внешнеполитического

курса Молдовы, а также провале референдумов по принятию европейской конституции во Франции и Нидерландах.

Неутверждение Евроконституции во Франции и Нидерландах поставило под сомнение перспективы дальнейшего расширения Европейского союза. Сегодня под вопросом вступление в ЕС государств, членство которых в ЕС казалось довольно реальным на ближайшую перспективу. Однако более всего от «нет» Евроконституции может пострадать Турция, с которой уже год назад начались переговоры об условиях вступления в ЕС. Многие в Европе, в особенности широкие слои общества, выражают непонимание относительно необходимости принятия Турции в ЕС. И действительно, 70-миллионная Турция ни по экономическим, а главное, ни по политико-правовым и культурным критериям не подходит для членства в ЕС. Огромное мусульманское население страны никак не ощущает на себе общеевропейские тенденции сокращения рождаемости и дальнейшей либерализации общественной жизни. По некоторым оценкам, Турция уже через 10 лет может стать самой густонаселенной страной Европы, оставив далеко позади Германию, где количество местных турок тоже растет за счет потоков эмигрантов и высокой рождаемости в местных турецких семьях. Вступление Турции в ЕС откроет ворота Европы для нового потока турецких мигрантов, большая часть которых нахлынет из отсталых и исламизированных окраин страны, что не может отрицательно не сказаться на демографическом и политическом положении Европы. С другой стороны, периодические кризисы, охватывающие экономику Турции, могут и будут влиять на экономическое положение в Европе, на курс европейской валюты, на состояние фондовых рынков и т.д. Совокупность возможных отрицательных последствий евроинтеграции Турции поистине велика, так в чем же целесообразность вступления Турции в сообщество европейских государств? Ответ на данный вопрос постараемся найти именно в русле изучения проблем энергетической безопасности Европы.

Турция соседствует со странами, которые обладают 71,8% мировых запасов газа и 72,2% мировых запасов нефти [10, р. 18]. Нестабильность в Ираке, курдский вопрос, напряженные отношения с Сирией существенно омрачают преимущество географического расположения Турции. Однако с точки зрения Ирана это преимущество все же кажется неоспоримым. Турция является самыми оптимальными воротами для транзита иранского и туркменского (через Иран) газа в Европу. Более того, Турция обладает огромными возможностями для прокачки каспийской нефти (в том числе и казахской) и газа на средиземноморское побережье, доказательством чего могут служить пуск дорогого нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, а также быстрые тем-

пы строительства газопровода Баку-Эрзерум. Положение Турции — в плане ее транзитных возможностей — уникальное, и, прежде всего, с точки зрения интересов Европы, а не США, для которых по большому счету нет разницы: загружать нефтяные танкеры в средиземноморском порту или же в каком-нибудь ближневосточном. С другой стороны, Европа, в отличие от США, рассматривает Турцию не только с позиций нефтяного транзита, но и транзита газового, для которого маршрут пролегания трубопровода имеет важнейшее значение. Именно уникальное географическое расположение Турции, наряду с необходимостью установления «контроля» над достаточно своеобразной региональной политикой этой страны, а также распространения на эту страну системы общеевропейских «правил игры», делает необходимым, по представлению европейских стратегов, интегрирование Турции в европейские политические структуры, в том числе и ЕС.

Вступление Турции в ЕС не только приблизит границы Европы к иранским границам, но и укрепит позиции самого Ирана в вопросе продажи газа Европе. Иран не склонен рассматривать Турцию в качестве своего независимого посредника в деле продажи газа в Европу, что было продемонстрировано им неоднократно. Стоит вспомнить, например, довольно критичную позицию Ирана относительно проекта «Набугоданоср», предполагающего организацию перепродажи иранского и туркменского газа Турцией в Европу. Давняя конкуренция между Турцией и Ираном за региональное влияние и иные исторические особенности ирано-турецких отношений склоняют Иран к тому, чтобы он имел дело непосредственно с ЕС. Приближение ЕС к иранским границам сулит ИРИ и другие выгоды, касающиеся широких аспектов торгово-экономического сотрудничества.

Неудачи Евроконституции, решение многих европейских столиц вынести вопрос вступления Турции в ЕС на референдум делают перспективы евроинтеграции Турции достаточно сомнительными, что непосредственно бьет по планам ЕС установить прямой энергетический диалог с Ираном. Дальнейшая маргинализация турецкого общества, находящегося вне европейской цивилизации и с каждым годом все более подверженного тенденциям исламизации, может отрицательно сказаться на транзитных перспективах Турции.

3. «Бархатные революции» и новый транзитный маршрут

Однако наряду с уменьшением перспектив вступления Турции в ЕС на протяжении последних двух лет произошло несколько событий, имеющих важнейшее значение для будущего энергетической безопасности Европы, так как они в совокупности могут открыть новый европейский путь к иранским и туркменским энергоносителям. Перечислим эти события:

1. Революция в Грузии и приход к власти прозападного президента;
2. Революция на Украине, приведшая к власти прозападного президента и поставившая под вопрос преобразование трубопроводных систем Украины в совместную российско-украинскую собственность;
3. Смена политического курса молдавского руководства, по своему значению сравнимая с революциями в Грузии и на Украине.

Революции в Грузии и на Украине, резкая смена внешнеполитического курса, проводимого правительством Молдовы, основательным образом изменили политический расклад сил на территории бывшего Советского Союза. Данные революции имеют кроме геополитического еще и важнейшее геоэкономическое значение и непосредственно влияют и на проблемы, затронутые в нашей статье. Изучение географии имевших место на территории постсоветских государств «революций» приводит к интересным заключениям: благодаря им прорезывается новая европейская нетурецкая магистраль к иранской границе. Магистраль эта состоит из следующих звеньев: Молдова-Украина-Грузия. Недостающими звеньями остаются Армения и/или Азербайджан. Долгожданное соглашение по строительству газопровода Иран-Армения, кажется, дает ответ на вопрос, какое именно звено будет использовано для завершения европейско-иранской магистрали. На это, в частности, указывает и выказанная ЕС готовность участвовать в строительстве газопровода Иран-Армения, в особенности, если стороны согласятся удлинить газопровод – пока что до Грузии. Нельзя сказать, что Иран и ЕС только сейчас оценили возможности нового маршрута экспорта иранского газа в Европу. Однако именно сейчас в свете установления в Грузии и на Украине прозападных и антироссийских режимов стала возможной реализация проекта газопровода Иран-Европа, и Россия в новых региональных политических условиях не вполне состоятельна повлиять на позиции Грузии и Украины по данному вопросу.

Особенно интересна политика новых грузинских и украинских властей по вопросам, касающимся транспортировки и покупки иранского газа. В данном вопросе и грузинский лидер М.Саакашвили, и украинский президент В.Ющенко склонны играть скорее проевропейскую игру, заключающуюся в обосновании целесообразности улучшения отношений с Ираном, нежели игру проамериканскую, направленную на дальнейшую блокаду ИРИ. Иран был одной из первых стран, которую посетил новый грузинский президент, хотя с этой страной у Грузии нет ни сухопутной, ни морской границы, ни сколько-нибудь значимых торгово-экономических отношений.

Укажем, что Э.Шеварднадзе ни разу Иран не посетил, несмотря на неоднократные приглашения М.Хатами.

6 июля 2004г. М.Саакашвили прибыл в Тегеран, где провел переговоры с президентом ИРИ М.Хатами и с духовным лидером Ирана А.Хаменеи. Стороны договорились создать ирано-грузинскую комиссию по торгово-экономическому сотрудничеству. По итогам визита президента Грузии в Тегеран грузинский министр энергетики Н.Гилаури заявил, что стороны договорились об условиях транзита иранского газа в Грузию. Министр иностранных дел Грузии С.Зурабишвили в сентябре 2004г. отметила, что Грузии нравится идея строительства газопровода Иран-Армения-Грузия, с перспективой его дальнейшего удлинения [12].

Особенно интенсивно «окно в Иран» прорубает Украина. 24 февраля 2005г. президент Украины В.Ющенко на встрече со спецпредставителем Ирана по вопросам Каспия М.Сафари заявляет о своем скором визите в Иран, во время которого будут обсуждаться вопросы, касающиеся проблем нефтегазового сотрудничества между двумя странами, а также перспектив организации транзита иранского газа [2]. Вся вторая половина 2005г. была отмечена частыми встречами иранских и украинских руководителей, а также заявлениями тогдашнего премьер-министра Украины Ю.Тимошенко о необходимости замещения российского газа иранским. И, наконец, в сентябре 2005г. Ющенко на своей встрече с иранским лидером М.А. Нежадом подтвердил желание своей страны начать газовый диалог с Ираном, а также обсудить перспективы транзита этого газа в Европу через Украину.

Итак, пришедшие к власти – в том числе благодаря финансовой и иной поддержке США – новые власти Грузии и Украины в газовом вопросе проводят далеко не проамериканскую политику, очевидно рассчитывая на финансовую и политическую поддержку ЕС. Такую политику Грузия и Украина ведут, по всей вероятности, не без подсказок из ведущих европейских столиц, неформально закрепленных в качестве требований для интеграции этих постсоветских государств в ЕС.

Европу, скорее всего, проблема диверсификации поставщиков газа в Грузию и Украину мало волнует. Она рассматривает стремление Грузии и Украины сократить газовую зависимость от России в качестве основы для превращения этих стран в газотранзитные. Примечательно, что ЕС, на протяжении последних 10 лет твердящий о необходимости закрытия АЭС в Армении и налаживания производства электроэнергии на ТЭС и ГЭС, в течение последнего года через свои аналитические и иные структуры высказывает мнение о целесообразности строительства в Армении новой АЭС, в 3

раза мощнее уже действующей (речь идет об установлении французского реактора PRW-1300) и способной покрыть значительную часть потребности Армении и Грузии в электроэнергии. Такая позиция ЕС, скорее всего, обусловлена стремлением прокладки газопровода Иран-Европа с минимальным количеством «дырок» в Армении и Грузии.

Выводы

1. Используя проблему ядерной программы Ирана, Европа в лице «евротройки» вступила в переговоры с Ираном по широкому кругу вопросов, из которых для Европы важнейшим является вопрос сотрудничества с Ираном в области газа.
2. Одной из основных причин, подталкивающих ведущие европейские столицы принять Турцию в ЕС, является близкая расположенность этой мусульманской республики к источникам нефти и газа.
3. Провал Евроконституции отдаляет перспективу расширения ЕС, в том числе и перспективу вступления в него Турции. Данное обстоятельство грозит Европе проблемами, связанными с обеспечением ее энергетической безопасности.
4. «Бархатные революции» на постсоветском пространстве открывают для Европы новые возможности по налаживанию поставок иранского газа.

Странным образом в газовом вопросе сегодня интересы США и России совпадают. Реализация проекта газопровода Иран-Армения-Грузия-Украина-Европа может свести на нет политический вес лоббируемых США трубопроводов Баку-Джейхан и Баку-Эрзерум, стать основой усиления позиций Ирана на постсоветском пространстве и в европейской экономике.

Положение России не менее сложное. Было бы ошибкой считать, что газопровод Иран-Европа ударит прежде всего по экономическим интересам России. Урон от газопровода будет в первую очередь политическим, заключающимся, в частности, в окончательной дезинтеграции Грузии и Украины из постсоветского политического пространства, где они вынуждены оставаться ввиду газовой зависимости от России. Но это не означает, что Россия должна встать в жесткую оппозицию проекту газопровода. Политика России по данному вопросу должна быть выстроена грамотно и тонко и исходить из реальности, согласно которой Россия ни политическим, ни иным путем не в состоянии сколь-либо помешать реализации газопроводного проекта, хотя такие попытки и делаются. Речь идет о давлении на Армению, направленном на отказ последней от участия в данном проекте, которое, благодаря

американскому информационному сопровождению в армянских СМИ и выступлениям армянской прозападной оппозиции, становится причиной всплеска антироссийских настроений в обществе.

25 июля 2005г. министр нефти Ирана заявил о том, что Иран и Украина приглашают Россию, Армению и Грузию сформировать ирано-армяно-грузино-российско-украинскую рабочую группу по обсуждению проекта газопровода Иран-Украина [6]. Вариант участия в строительстве и эксплуатации газопровода для России на сегодняшний день самый оптимальный и сможет переориентировать трубу от прохождения по дну Черного моря к прохождению по территории Южного федерального округа России.

Итак, проект газопровода надо рассматривать как реальность и исходить из выстраивания политики согласно этой реальности, а не вопреки ей. Последним более удачно могут заняться США, но тактическое сотрудничество с ними по данному вопросу отрицательно скажется на российско-европейских и российско-иранских отношениях.

Безусловно, существует вероятность того, что строительство газопровода не состоится. Это произойдет в случае, если ИРИ и ЕС не придут к согласию по ядерной проблематике и ряду проблем торгово-экономического сотрудничества. Однако, учитывая взаимную заинтересованность ИРИ и ЕС друг в друге, этот вариант имеет все шансы не реализоваться.

Октябрь, 2005г.

Источники и литература

1. Америка – это национальное государство (Интервью с А.Коэном). Эксперт, №15, 2005.
2. ИА Новости-Украина, 2005.
3. Результат, обратный желаемому (Интервью с И.Валлерстайном). Эксперт, №19, 2005.
4. Сатановский Е.В., Мир после иракской войны. Ядерный контроль, №3 (69), т. 9, 2003.
5. Ядерная Индия: газ Ирана или реакторы Запада? // <http://www.iranatom.ru/news/aeoi/year05/september/contr.htm>
6. Azg Daily. 27 August, 2005.
7. Hartely P., Medlock K., Political and Economic Influences on the Future World Market for Natural Gas. CESP Stanford IIS & Baker Institute, 2005.
8. Iran-Daily. 1 August, 2005.
9. Muller F., Why Iran is Key for Europe's Security of Energy Supply. Iran and Its Neighbors, 2003.

10. *Roberts J.*, The Turkish Gate: Energy Transit And Security Issues. "Turkish Policy Quarterly", Vol. 3, #4, 2004.
11. US International Energy Administration. Iran Country Analysis Brief, 2005// <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/iran.html>.
12. *Whetton C.*, Global perspectives: Iran back in Europe, 2004//<http://www.isa.org/InTechTemplate.cfm?Section=InTech&template=/ContentManagement/ContentDisplay.cfm&ContentID=38660>.

EUROPE'S «NUCLEAR» AND «REVOLUTIONARY» BRIDGES ACROSS THE IRANIAN GAS

Sevak Sarukhanyan

Resume

The disclosure of secret parts of Iranian nuclear programs in 2003 by IAEA inspectors was the beginning of the negotiations between EU and Iran on nuclear problems aiming to persuade Iran to refuse of further elaboration of nuclear program, which may also have a military character.

It is supposed that the compromises made between IRI and the EU on nuclear problems will make a ground for fence-mending in trade and economic and political cooperation between these two countries. The article is devoted to the perspectives of such cooperation, in particular in the gas field. Special attention is paid to political problems of gas export to Europe as well as the study of the perspective of carrying out two projects of Iranian gas transit through Turkey and the territory of CIS.

One of the main conclusions of the work is that exceptional opportunities are offered for Armenia, Georgia and Ukraine to organize gas transit from IRI to the EU.

ТУРЦИЯ И КИПРСКАЯ ПРОБЛЕМА: ЭПИЗОДЫ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ»

Рубен Сафрастян

Турция активно участвовала в различных попытках найти мирное решение Кипрской проблемы, при этом не только сохраняя свой воинский контингент на острове, но и методично наращивая его боеспособность. Этот стратегический курс турецкой политики характеризуется в статье как «большая игра». Которая позволит Турции начать переговоры с ЕС о членстве, оккупируя при этом часть территории государства, которое само является членом этой организации. В ходе переговорного процесса по мирному урегулированию Кипрской проблемы Турция последовательно добивалась все большего усиления своих позиций. Турецкие войска до сих пор остаются на Кипре, обеспечивая контроль за этим «непотопляемым авианосцем» в Восточном Средиземноморье. Это позволяет предположить, что возможности Турции и в дальнейшем вести успешную «кипрскую игру» еще не исчерпаны.

Проблема воссоединения Кипра находится в центре внимания международного сообщества с 1974г., когда северная часть острова была оккупирована турецкой армией, и Кипр оказался разделен на две части – греческую и турецкую. Первая попытка мирного урегулирования проблемы имела место непосредственно после оккупации части острова Турцией и установления режима прекращения огня в конце июля – начале августа 1974г., когда в Женеве встретились министры иностранных дел Великобритании, Греции и Турции, к которым впоследствии присоединились представители греческой и турецкой сторон Кипра. Симптоматичным следует считать тот факт, что вслед за провалом Женевской конференции последовала вторая вооруженная интервенция со стороны Турции, в результате которой зона ее оккупации значительно расширилась: турки, численность которых до оккупации составляла 18% всего населения страны, оказались хозяевами 38% ее территории. Предпринимаемые после этого в течение тридцати лет попытки по мирному разрешению Кипрской проблемы ни к чему не привели. Остров остается фактически разделенным на два сектора – греческий и турецкий, между которыми проходит т.н. «зеленая линия» и расположены миротворческие силы ООН. В 1983г. турки создали на оккупированной территории

т.н. «Турецкую Республику Северного Кипра», которую признала только Турция. Международное сообщество признает только легитимные власти Республики Кипр. В мае 2004г. эта республика стала полноправным членом Европейского Союза (ЕС).

Турция, которая своим вторжением и оккупацией части Кипра фактически сама породила Кипрскую проблему в нынешнем ее виде, активно участвовала в различных попытках найти мирное решение этой проблемы, при этом не только сохраняя свой воинский контингент на острове, но и методично наращивая его боеспособность. Проводилось также заселение оккупированной территории переселенцами из Турции, число которых достигает 120-130 тысяч. Таким образом, можно констатировать наличие двух процессов, имеющих противоположные цели: направленного на воссоединение Кипра переговорного процесса и закрепления результатов фактического раздела острова на две части. Если в первом процессе Турция была одной из участниц, то второй процесс был инициирован ею, и она же является его главным «мотором».

1. Геополитический аспект проблемы

У Кипра уникальное географическое положение – остров находится всего в 65 км от турецкого морского порта Джейхан и приблизительно в 150 км от ключевых государств Ближнего Востока. Он также позволяет контролировать морские пути, ведущие к Суэцкому каналу. Расположение Кипра объясняет важность происходящих вокруг него событий.

Еще в период британского правления остров был впервые использован в качестве «непотопляемого авианосца». В свое время британский премьер-министр Энтони Иден подчеркивал исключительную важность Кипра в обеспечении безопасности нефтяных поставок в его страну. В настоящее время на острове расположены две британские военные базы (с четырьмя тысячами военнослужащих), которые активно использовались в течение иракских войн; одна из них, по некоторым сообщениям, используется в американо-британской системе радиоэлектронной разведки «ЭШЕЛОН».

В рамках той же системы на острове имеется также небольшая американская станция электронной разведки. Американцы, по некоторым сообщениям, планируют расширить и модифицировать ее в центр, входящий в систему «ЭШЕЛОН», для борьбы с угрозами международного терроризма, исходящими из государств Ближнего Востока. Кроме того, как утверждают американские военные аналитики, США обсуждают вопрос дислокации большой военной базы для решения, помимо «традиционных», двух новых задач:

обеспечения безопасной доставки иракской и азербайджанской нефти, транспортируемой из турецкого порта Джейхан, и использования ее в будущем в качестве инструмента давления в процессе моделирования Большого Ближнего Востока.

Турецкие военные также проявляют большой интерес к проблемам Кипра. В настоящее время в северной части острова дислоцированы около 40 тысяч турецких солдат, в задачи которых, помимо широко манифестируемой необходимости обеспечения безопасности турецкой общины, согласно выкладкам турецких военных аналитиков, входит также обеспечение турецкого доминирования в восточной части Средиземноморья.

С недавних пор Европейский Союз, в котором рассматривается возможность, а также намечается тенденция начала процесса трансформации в один из «центров силы» современного мира, также начал проявлять интерес к стратегическому расположению Кипра. В частности, этим обстоятельством – конечно, наряду с другими – объясняется стремление ЕС видеть Кипр в своем составе. Высокопоставленный представитель Европейского Союза по вопросам внешней политики и безопасности Хавьер Солана в одном из своих недавних заявлений впервые осторожно обозначил интерес ЕС к Кипру с точки зрения его значения для обеспечения «безопасности» ЕС. Очевидно, что для ЕС в контексте его трансформации в один из общемировых центров силы альтернативы единому Кипру просто не существует.

Греческая дипломатия, основываясь на ограниченном потенциале страны, в вопросе Кипра не ставит перед собой задач геополитического плана. В последние годы она успешно реализует политический курс на интеграцию формально единого, однако фактически разделенного кипрского государства в ЕС, а впоследствии – и в НАТО, получая тем самым в этих структурах места для двух государств – Греции и Кипра.

Таким образом, можно констатировать, что в геополитическом отношении Кипрская проблема интересует в первую очередь США (и Великобританию) и Турцию, а также начинает интересовать ЕС. При этом интересы США и Турции в этом вопросе в целом совпадают.

2. Кипр в геостратегии и дипломатии Турции

Оккупировав под предлогом защиты прав турецкой общины Кипра более одной трети страны и разместив там свои вооруженные силы, Турция обеспечила себе значительное стратегическое превосходство над своим давним соперником Грецией. Пользуясь поддержкой ТР и подстрекаемый ею лидер турецкой общины Кипра Р.Денкташ успешно торпедировал все по-

пытки греческой стороны добиться мирного воссоединения страны и восстановления действия ее конституции на всей территории, выдвигая заведомо неприемлемые требования. Эта политика Турции находила фактическую, однако латентную поддержку со стороны США, которые в своем стремлении противодействовать усиливавшемуся влиянию СССР в Восточном Средиземноморье рассматривали присутствие турецких войск на Кипре в качестве средства давления на СССР и его союзников. Сами США были лишены возможности создать свою собственную военную базу на Кипре, так как, согласно конституции Республики Кипр, создание баз иностранных государств на ее территории запрещалось. Таким образом, турецкая оккупация северного Кипра помимо того, что явилась фактором, обеспечивающим стратегическое превосходство Турции над Грецией, служила также геостратегическим интересам США. Пользуясь этим обстоятельством, Турция в 1983г., в ответ на обращение греков в ООН, сделала следующий шаг в закреплении результатов оккупации – она инициировала провозглашение т.н. «Турецкой Республики Северного Кипра». США обеспечили фактическую дипломатическую поддержку этого шага, в значительной степени нейтрализовав результаты негативной реакции греческой стороны и мирового сообщества.

После крушения СССР Турция оказалась в новой геополитической ситуации. С одной стороны, она потеряла свое значение для Запада и в первую очередь США как наиболее значительная часть «защитного вала» против СССР, а с другой стороны, для нее открылись новые возможности в связи с появлением на карте мира новых тюркоязычных государств. Турецкая элита, которая еще не забыла великодержавные установки времен Османской империи, сначала ответила на этот вызов чисто рефлексивной попыткой сформулировать новое видение роли страны в мире в качестве лидера «тюркского мира от Балкан до Китая». На концептуальном уровне это означало фактическое возрождение идейно-политической доктрины пантюркизма эпохи распада Османской империи, оформленное в виде концепции «распространения турецкой модели государственного устройства» среди новых тюркоязычных государств, а на уровне внешней политики – проведение т.н. курса «активизма» президента Т.Озала, что на практике означало стремление вытеснить Россию с Кавказа и из Центральной Азии. Вместе с тем, сохранялись в прежнем статусе государственная доктрина Турецкой Республики – кемализм, а также основная стратегическая внешнеполитическая цель страны – возможно более полная интеграция страны с Западом, в частности членство в ЕС.

Эта новая роль Турции так же, как и прежняя, рассматривалась США в качестве фактора, благоприятствовавшего осуществлению их глобальной и

региональной политики. Опираясь на это обстоятельство, турецкая сторона, применив тактику нарастающего давления, успешно нейтрализовала предпринятую в 1992г. тогдашним Генеральным секретарем ООН Б.Гали энергичную попытку найти компромиссное решение проблемы. Хотя при выдвижении своего плана Б.Гали максимально учел требования турецкой стороны и, по оценке экспертов, его подход, известный как «Комплекс идей», был по сравнению с предыдущими наиболее благоприятен для турок, они выдвинули еще более радикальные требования, что завело переговоры в тупик.

Вторая половина 1990-х явилась периодом осмысления новых реалий турецкой политической и духовной элитой. Появилась турецкая школа геополитики, пытающаяся обосновать доминирующую роль Турции в Евразии; на ее основе была сформулирована и быстро получила широкое распространение концепция «турецкого евразийства», которая отвоевывает все больше пространства у кемализма. В результате постепенно усилились позиции тех группировок политического и даже военного истеблишмента, которые в принципе допускают возможность альтернативы прозападному стратегическому курсу кемализма.

В области реальной политики все это привело к выработке на стыке веков более самостоятельного и более дифференцированного политического курса, сторонниками и проводниками которого были и коалиционное правительство премьер-министра Б.Эджевита (1999-2002), состоящее из представителей кемалистских партий и ультранационалистов, и нынешнее однопартийное правительство исламистской Партии справедливости и развития, возглавляемое Р.Т.Эрдоганом.

В вопросе кипрского урегулирования отмеченные выше новые тенденции проявились, с одной стороны, в диффузии прежде единой турецкой (Турция плюс турецкая община Кипра) позиции, а с другой – в расширении масштабов маневров турецкой дипломатии, которые окончательно трансформировались в то, что можно назвать «большой игрой». Качественно новый уровень, достигнутый турецкой дипломатией в ходе активного участия в многолетнем процессе кипрского урегулирования, заявил о себе в борьбе, развернувшейся между заинтересованными сторонами вокруг т.н. плана Аннана, представленного впервые в 2002г.

3. План Аннана

Последней по времени попыткой найти всеобъемлющее решение кипрской проблемы был план Генерального секретаря ООН Кофи Аннана – единственный, который, пройдя чисто переговорную фазу, дошел до предва-

рительной фазы реализации. Было принято решение провести два отдельных референдума для обеих частей острова, которые и состоялись 24 апреля 2004г. Относительный успех плана К.Аннана был обусловлен тем, что уже было принято решение о вступлении Кипра в Европейский Союз с 1 мая 2004г. и давление на обе стороны – кипрскую и турецкую – было чрезвычайно мощным.

Окончательная версия плана, которую после длительных обсуждений стороны согласились вынести на референдум, явилась итогом трех существенных переработок, и, в итоге, в ней были учтены требования турецкой стороны. Солидный 9.000-страничный документ предусматривал образование конфедеративной «Объединенной Республики Кипр», состоящей из двух равноправных государств – Греческого и Турецкого. Не вдаваясь в подробности плана, отметим, что как сам план, так и все его последовательно предложенные пять вариантов явственно продемонстрировали возросшие возможности турецкой дипломатии. План Аннана, в отличие от предыдущих, формально сохранял верность принципу единого кипрского государства, принятому международным сообществом. Но на самом деле под эгидой федеральных органов правления предусматривалось создание двух государств со значительной долей суверенитета. Это была явная победа турецкой дипломатии в многолетнем процессе мирного урегулирования.

24 апреля 2004 года греческое население на референдуме отвергло план К.Аннана 76% голосов, в то время как турецкая община его приняла – 67% респондентов сказали «да». Таким образом, план был отвергнут, и, как и планировалось заранее, греческая часть в качестве международно-признанной Республики Кипр стала полноправным членом Европейского Союза. Статус же турецкой части остался неопределенным.

4. Позиции сторон

Турецкая община Кипра разделилась в своем отношении к плану Кофи Аннана. «Президент» Р.Денкташ, будучи сторонником независимого турецкого государства на севере острова, был против плана, считая его невыгодным, в то время как его основной оппонент – «премьер-министр» М.Талат, высказался «за». Он и его сторонники считали, что улучшить тяжелую экономическую ситуацию в турецкой части Кипра можно только благодаря определенным компромиссам и в рамках плана.

Президент Кипра и лидер греческой общины Т.Пападополос выступал против плана Аннана, считая, что он узаконивает турецкую оккупацию и в действительности способствует разделению Кипра. Он призвал население голосовать «против». Его оппоненты, в частности имеющая 30% мест в парла-

менте Коммунистическая партия АКЕЛ, сначала поддержали план, однако позднее изменили мнение, посчитав, что греческая сторона не получит ожидаемых гарантий безопасности. Влиятельное греческое духовенство также было против него.

Армянская община Кипра сначала поддержала план, надеясь, что объединение страны приведет к подъему экономики, что было также в интересах армян. Однако после призыва президента Пападопоса община резко изменила свой подход.

Правительство турецкого премьер-министра Р.Т.Эрдогана сделало все от него зависящее для того, чтобы добиться внесения определенных, выгодных для турок-киприотов изменений в первые версии этого проекта, и оно считало последнюю версию наиболее приемлемой, рассматривая процесс урегулирования с точки зрения членства в Европейском Союзе. Практически все оппозиционные силы Турции считали, что план Кофи Аннана аннулирует результаты победы турецкой армии в 1974г. и решение правительства является предательством национальных интересов.

Высшие военные круги Турции, еще в январе 2004 назвавшие план Аннана пораженческим, фактически так и не изменили своего мнения, хотя формально и заявили о своем нейтральном отношении. Неприемлемым для них было то, что Турция, в случае принятия плана урегулирования, обязана была бы вывести войска с острова, тогда как их целью было сохранение контроля над северной частью для ее использования в качестве военного плацдарма.

Консервативное правительство Греции официально высказалось за план Аннана, однако в реальности поддержало отрицательную позицию президента Пападопоса, поскольку членство греческой части острова в Европейском Союзе усиливало греческие позиции в этой организации. Основная оппозиционная левая партия, следуя логике политической борьбы, поддержала план Аннана, отметив, что это наилучший вариант для объединения Кипра.

Европейский Союз и страны-члены ЕС неоднократно заявляли, что они поддерживают план и приветствуют вхождение объединенного Кипра в эту организацию. Однако некоторые круги, приближенные к руководству ЕС, указывали на то, что они предпочли бы видеть в рядах этой структуры лишь греческую часть. Их подход основывался на следующем:

- реализация плана Аннана требовала очень больших денег – десятки миллиардов долларов США (по некоторым источникам, эта сумма оценивалась в 27 млрд долларов, из них только на беженцев должно быть потрачено 10 млрд), большая часть которых должна была быть предос-

- тавлена ЕС (другие основные спонсоры – США и Япония);
- членство объединенного Кипра в ЕС означало и членство турецкого островного государства, что не приветствовалось бы консервативными силами в ЕС;
 - в случае объединения Кипра это также означало бы, что турецкий язык стал бы 21 официальным языком ЕС, что могло привести к финансовым, организационным и психологическим трудностям.

Оказывая давление на греков и Кофи Аннана, поддерживая позицию турецкой стороны, США сыграли важную закулисную роль в переговорном процессе. План был одобрен также Великобританией. Оба государства являются ярыми сторонниками членства Турции в ЕС и считают, что урегулирование проблемы в соответствии с планом Аннана явится важным шагом в этом направлении. В то же время определенная информация дает возможность предположить, что на деле США рассматривали вариант разделенного Кипра как соответствующий их интересам, поскольку в этом случае, благодаря сотрудничеству с турками, было бы легче использовать Северный Кипр в качестве важной военной базы.

Организация Объединенных Наций и лично Кофи Аннан были очень заинтересованы в реализации плана, поскольку считали его важным шагом на пути к восстановлению престижа ООН, пошатнувшегося в результате иракского кризиса и односторонних действий США. Несомненно, присутствовал и личный интерес Генерального секретаря ООН, поскольку он мог бы быть номинирован на получение Нобелевской премии мира. В последние дни, когда стало ясно, что греческая сторона собирается проголосовать против, Кофи Аннан активизировал свои усилия по спасению плана, носящего его имя. В частности, он предложил отложить референдум, однако не получил поддержки заинтересованных сторон, в том числе США. Ему лишь удалось побудить США и Великобританию представить в Совет Безопасности ООН совместный проект предложения, которое, в случае одобрения, могло бы оказать дополнительное давление на греческую сторону. Однако российское вето сорвало эту последнюю попытку спасти план.

Вето России, первое за последние 10 лет, было всего лишь попыткой напомнить всему международному сообществу о ее прошлом статусе сверхдержавы. В отличие от предыдущих фаз обсуждения кипрской проблемы, Россия была полностью вытеснена из переговорного процесса по плану Аннана и даже не была заранее проинформирована о том, что США и Великобритания готовят свой проект резолюции.

5. Причины провала плана Аннана

Принимая во внимание вышеуказанные политические, военные и стратегические обстоятельства, мы можем сделать вывод, что в целях сохранения контроля над северной частью острова Турция на деле была заинтересована в разделенном Кипре. Таким образом, очевидно, что поддержка плана Аннана правительством Эрдогана имела целью ввести в заблуждение международное сообщество, прежде всего европейцев, и увеличить шансы Турции на вступление в ЕС под маской «миролюбивого» государства. С другой стороны, наличие столь благоприятного для турецкой стороны документа, каким был план Аннана, дает ей возможность в ходе последующих переговоров требовать еще более благоприятных для себя условий урегулирования.

США также не были заинтересованы в реализации плана Аннана. На нынешнем этапе своей глобальной политики единственная супердержава нашего времени предпочитает видеть Кипр разделенным.

Для Европейского Союза как единой структуры на современном этапе наиболее важны экономические и политические проблемы, а не военные или стратегические цели. Вот почему, как нам кажется, ЕС не использовал все свои рычаги давления на греков-киприотов, и фактически эта структура уже свыклась с провалом плана Аннана.

Таким образом, в действительности только ООН в лице автора плана и большинство турок-киприотов твердо поддерживали план. Однако противоположная сторона была намного сильнее. План и с ним очередную фазу кипрского урегулирования постигла неудача.

6. После провала плана Аннана

В результате провала референдума в кипрском урегулировании сформировалась новая ситуация. Греческая часть уже является полноправным членом ЕС со всеми преимуществами членства; открываются новые возможности для ее экономического развития. В то же время весьма тяжелая экономическая ситуация турецкой части острова остается без изменений, а ее правовой статус – неопределенным. Фактически, это оккупированная территория страны – члена ЕС, что чревато сложностями, прежде всего для Турции. Европейский союз также оказался в новой ситуации, поскольку впервые часть территории одного из его членов оккупирована другим государством.

Хотя для осознания всех особенностей новой ситуации требуется время, тем не менее, некоторые вовлеченные в нее стороны уже начали предпринимать определенные политические действия, что доказывает нашу ги-

потезу о том, что они не только предсказывали эту новую ситуацию, но и тщательно готовили ее появление.

К примеру, провозглашая новую ситуацию своей самой крупной дипломатической победой, Турция осуществляет широкомасштабную дипломатическую «атаку» в следующих направлениях:

- поскольку большинство турок-киприотов проголосовало за план Аннана и Турция официально поддержала его, правительство А.Эрдогана в ходе всех официальных и неофициальных встреч с представителями иностранных государств поднимает вопрос о признании так называемой «Турецкой Республики Северного Кипра» (за 22 года ее существования эту «республику» признала только Турция);
- в качестве первого шага в этом направлении Турция стремится добиться начала широкомасштабной помощи оккупированной части Кипра со стороны ЕС, чтобы тем самым скинуть с себя бремя поддержки ее экономики, находящейся на грани коллапса;
- те же аргументы используются Турцией для смягчения негативного отношения ЕС и международного сообщества к ее политике, направленной на окончательное разделение Кипра, а также для устранения нового препятствия на пути ее вступления в Европейский Союз.

Необходимо отметить, что политика турецкого правительства основывается на очевидных нелогичных доводах, поскольку община турок-киприотов проголосовала за план Аннана, то есть за формальное воссоединение страны, а турецкая дипломатия пытается использовать это для легитимизации осуществленного Турцией же насильственного раздела Кипра.

Указывая на совпадение интересов США и Турции в милитаризации Кипра, турецкие военные со своей стороны после провала плана Аннана выражают надежду на продолжение поддержки со стороны США. Для ее обеспечения они начали обсуждение программы увеличения численности турецкого контингента на севере острова до 70 тысяч человек, с передачей их под командование НАТО, а фактически – США.

Политика Европейского Союза и греческой стороны тоже уже вырисовывается. Они поспешили пообещать экономическую помощь турецкой части Кипра: соответствующие переговоры с «премьер-министром» М.Талатом, сторонником объединения, уже проведены. Можно сделать вывод о том, что интересы ЕС и греков начинают совпадать – они являются сторонниками объединенного кипрского государства.

Можно предсказать, что посредством экономических рычагов они по-

пытаются усилить позиции тех турок, которые были за объединенное государство, в надежде, что, придя к власти и устранив сторонников Денкташа, те потребуют вывода турецких войск с северной части острова, проложив реальный путь к объединению страны.

ЕС проявил также стремление перехватить инициативу в процессе мирного урегулирования. Появились сообщения, что готовится план ЕС, который будет представлен сторонам вместо плана Аннана. Однако резко негативная реакция с турецкой стороны пресекла эту попытку на корню. Начав переговоры с Турцией о членстве, ЕС фактически сам предоставил последней возможность оказывать на себя давление, используя «кипрскую карту».

Таким образом, остается неизменным не только разделенный статус Кипра, но и основные стороны продолжают придерживаться противоположных взглядов на будущее страны. В этих условиях возможность последующей милитаризации острова можно оценить как реальную.

На нынешнем этапе Турция находится в явном выигрыше в затеянной ею же «большой игре» вокруг Кипра. Используя «кипрскую карту», она добилась, казалось бы, немыслимого: начала переговоры с ЕС о членстве, оккупируя при этом часть территории государства, которое само является членом этой организации. В ходе переговорного процесса по мирному урегулированию кипрской проблемы она последовательно добивалась все большего усиления своих позиций. И самое главное: турецкие войска остаются на Кипре, обеспечивая Турции контроль за этим «непотопляемым авианосцем» в Восточном Средиземноморье. Последнее обстоятельство заставляет думать, что возможности Турции и в дальнейшем вести успешную политику еще не исчерпаны.

Декабрь, 2005г.

Источники и литература

1. *Eberhard Rhein*, The Mediterranean Dimmension of Enlargement. Insight Turkey, 2000, Volume 2, Number 4, p. 105 – 108.
2. *Graham E. Fuller and Jan O. Lesser, with Paul B. Henze and J. F. Brown*, Turkey's New Geopolitics: From the Balkans the Western China: A RAND Study. Boulder – San Francisco – Oxford: Westview Press, 1993.
3. *Gülnur Aybet*, Turkey's Foreign Policy and Its Implications for the West: A Turkish Perspective. London: Royal United Services Institute for Defence Studies, 1994.
4. *Ian O. Lesser*, Ethnic and Religious Strains in Turkey: Internal and External Implications. RAND, 1997.

5. *Kemal Kirişçi*, New Patterns of Turkish Foreign Policy Behavior. Turkey: Political, Social and Economic Challenges in the 1990s. Brill, 1995, p. 1–21.
6. *Necip Torumtay*, Orgeneral Torumtay'ın Anıları. İstanbul: Milliyet Yayınları, 1993.
7. *Robert I. Rotberg*, Cyprus after Annan: Next Steps Toward a Solution. Cambridge, Massachusetts: WPF, 2003.
8. *Ruben Safrastyan*, Next Stage in Cyprus Problem Settlement. The NT Highlights, 2004, #20-21, 24, 31 May.
9. *Ruben Safrastyan*, Turkey and Eurasia in the Aftermath of the September 11 Tragedy: Some Observations on Geopolitics and Foreign Policy. Caucasus and Central Asia Newsletter: The Caucasus and Central Asia Program at the University of California, Berkeley, Issue 1, Winter 2001-2, p. 3-8.
10. Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. Cilt II: 1980 – 2001. Editör: *Baskın Oran*. 3. Baskı. İstanbul: İletişim, 2002.
11. Turkey's New World: Changing Dynamics in Turkish Foreign Policy. Edited by: *Alan Makovsky and Sabri Sayari*. Washington: Washington Institute for Near East Policy, 2000.
12. *Ramazan Ozey*, Jeopolitik ve Jeostratejik Acidan Turkiye. İstanbul: Marifet Yayinlari, 1998.
13. *Mustafa Yilmaz*, Turkiyenin Jeo-Stratejisi Acısından Gunumuz Olaylarının Degerlendirilmesi. – Ucuncu 1000'E Girerken Turkiye: Kutlu Dogum Sempozyumu – 1999. Yayina Hazirlayan: Omer Turan. Ankara, 2000.
14. *Dogu Perincek*, Avrasya Secenegi: Turkiye Icin Bagimsiz Dis Politika. İstanbul: Kaynak Yayinlari, 1996.
15. *Sadi Erguvenc*, Turkey's Strategic Importance in Military Dimension: A Regional Balance Holder. Turkey at the Threshold of the 21st Century: Global Encounters and/vs Regional Alternatives. Ankara, 1998.
16. Documents And Agreements About Cyprus. Anadolu Agency, 3/31/2004.
17. Changes And Annexes To Final Annan Plan. Anadolu Agency: 4/6/2004.
18. Turkey's Diplomatic Victory. zaman online 04.02.2004.
19. Comparison Of 1960 Order In Cyprus With The Order To Be Formed By Annan Plan. Turkish Daily News from Turkey, July 15, 2004.
20. April 15, 2004: Preparatory Donors' Conference to support the comprehensive settlement of the Cyprus Problem – Speech by Günter Verheugen, Member of the European Commission responsible for Enlargement. <http://europa-eu-un.org>.
21. 31 March 2004: The Comprehensive Settlement of the Cyprus Problem. www.moi.gov.cy

TURKEY AND CYPRIAN PROBLEMS: THE EPISODES OF «GREAT GAME»

Ruben Safrastyan

Resume

Beginning from 1974, when the Turkish army invaded the Northern part of Cyprus and paving the way for the island's division into the Greek and Turkish parts, the problem of the country's reunification has been in focus of the international community major concern. Over the past three decades there have been made a number of attempts to solve this problem, yet all of them have appeared fruitless.

Together with taking active part in negotiations for Cyprus's reunification, Turkey, at the same time, still upholds and strengthens its large military units in the northern Cyprus actually fostering its further division. In the article this strategy of Turkish diplomacy is described as "big game". Analyzing this "game" of Turkish diplomacy the author comes to the conclusion that it gave Turkey a chance to gain a number of diplomatic achievements.

АРМЯНСКИЙ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ

Карен Ханларян

В статье обсуждается вопрос существования армянского этнического элемента в контексте мозаичной этнорелигиозной палитры Турции. Отмечаются сложные проблемы, связанные с существованием в этой стране исламизированного в разные исторические периоды армянства, с самобытностью и численностью армян.

В статье представляется типологическое деление армянства «Анатолии», его нынешнее положение и перспективы развития.

Введение

Этнорелигиозная картина современной Турции представляет сложную мозаику. Вопреки заявлениям чиновников и представленным статистическим данным, сегодня в Турции проживают 50 этнорелигиозных групп (см. Приложение).

По отношению к существующим этническим группам применялась повсеместная и варварская политика ассимиляции. Надо сказать, что по Лозанскому договору официально признавались «нацменьшинствами» лишь константинопольские армяне, греки и евреи. О других этнорелигиозных группах даже по закону запрещено разговаривать. Однако, в суматохе процесса вступления в Евросоюз Совет по правам человека при правительстве Турции в октябре 2004г. издал бюллетень, в котором подчеркивалось существование разных наций и этнических групп. Отправленный в правительство бюллетень не был утвержден и не стал официальным, но, несмотря на это, остался важным документом, отражающим реальное положение в Турции. В нем, в частности, указывалось: «Уже прошел период государственности, основанной на приоритете турецкой самобытности и одной культуры и языка» [1]. Предлагалось под «приоритетной турецкой самобытностью» понимать и многие другие культурно-языковые самобытности.

В смысле содержания данного бюллетеня примечательны следующие строки обозревателя газеты «Радикал» Аднана Кескина: «Нынешняя конституция, одна из первых статей которой запрещает даже предлагать изменения принципа целостности и неделимости, сегодня стала *анахронизмом*, т.к. го-

ворить о такой целостности – значит настаивать на «монолитности» страны, т.е. на *беспроблемности и сплоченности*, и отрицать существование других меньшинств» [1].

Ни одна из политических партий и сил Турции (за исключением редких леворадикальных течений и курдской парламентской партии *DeHaP*) не принимает факт существования какой-либо этнорелигиозной группы вне общего круга понятий Лозаннского договора. Некоторые из них, например «Серые волки», отрицают даже это. Но находятся и трезвомыслящие организации (*СеНеРе* и *ANAP*), которые при выборах в мэрию Константинополя включают в свои списки нескольких армян [2].

Армянство Турции, с точки зрения внутренних общественно-бытовых отношений и степени ассимилированности, чрезвычайно разнородно и делится на разные характерные типы.

Выступая в 1980г. с докладом в Иерусалиме, армянский патриарх Турции архиепископ Шнорк Галустян заявил о «провинциальном армянстве»: «Я представляю вам четыре слоя армянства, живущего в провинциях Турции:

1. Сознательно и добровольно исламизировавшиеся армяне, оторванные от армянства и живущие среди турок. Число таковых достигает миллиона.
2. Армяне, исламизированные еще три поколения назад и живущие по канонам курдских аширетов – изолированно и не смешиваясь с другими.
3. Вольно или невольно исламизированные армяне, сохранившие осознание своего армянства, которые сразу после переезда в Константинополь через суд меняют надпись на паспорте: вместо слова «ислам» пишется «эрмени».
4. Собственно провинциальные армяне, которые, к их чести, вопреки всем явным и латентным трудностям остались армянами и на сегодня составляют подавляющее большинство стамбульского армянства» [3].

Хотя, согласно информации архиепископа Шнорка, в настоящее время ситуацию можно считать изменившейся, тем не менее, это служит достаточным основанием для типологического разделения армянства «Анатолии» на три этнорелигиозных вида.

«Официальное» армянство. – Этот вид сохранился в разных областях и населенных пунктах в форме общин, группирующихся вокруг Армянской Апостольской, Католической или Евангелической церкви. Связь «официального» армянства с организованной общиной Константинополя более или менее сохранилась, особенно это касается исторической Киликии.

«Исламизированное» армянство. – Этот вид состоит в основном из мелких и крупных родовых групп понтийских и амшенских армян, которые исламизировались в 17-18вв. и селятся на черноморском побережье, на территориях от исторического Джаника (Самсуна) до армяно-грузинской границы. «Исламизированный» тип в свои сравнительно широкие пределы включает также группы, называемые «кес-кес» и «ай-лаз».

«Крипто-армянство». – Этот вид принял ислам насильно и под угрозой физического уничтожения в ходе армянских погромов и, в частности, Геноцида 1915г. Представители этого вида живут в многочисленных изолированных, курдских или турецких деревнях. Этот вид отличается от вышеупомянутого «исламизированного» армянства периодом и ходом своей исламизации. Иначе – общее закономерное явление и результат остаются теми же.

Нынешнее положение

Характерным поворотом для данного исторического отрезка является развал СССР со всеми своими побочными следствиями. В основном, многие политические обозреватели видят причины развала Советского Союза в экономической несостоятельности, неконкурентоспособности и слабости в военной и космической сферах. Однако, по нашим оценкам, главными и первичными причинами развала стали наличие и пробуждение национально-этнических конфликтов с одной стороны, и стремительные развития в информационном мире – с другой. Эти два фактора, кроме того, что явились причиной развала, еще и создали революционную ситуацию для бесправных наций и этнических групп в плане определения их национальной самобытности и нерешенных проблем.

Будучи такой же многонациональной страной, как СССР, Турция избегла этой участи. Однако развал Советского Союза и как следствие независимость советских республик стали политическим и правовым прецедентом для других многонациональных стран. Таким образом, Турция находилась и до сих пор находится под угрозой развала.

Любой путь вероятного развала и краха территориальной целостности Турции, по нашему убеждению, будет проходить через Армянский вопрос. «Для Турции, – писал Рубен Тер-Минасян, – Армянский вопрос считался столь же, если не более, опасным, чем курдская проблема. Национальное самосознание, высокая культура армянского народа и международный характер Армянского вопроса делали более вероятным создание Армении, нежели Курдистана» [5]. Если к перечисленным факторам прибавить и существование сегодняшней независимой Армении, то не окажется случайным ситуационный анализ BBC от октября 2004г., согласно которому «в Турции нет более чувствительного вопроса, чем судьба армян в последние годы Османской империи» [6].

Представим нынешнее положение армянства в Турции:

1. «Официальное» армянство. – По сравнению с другими видами армянства сведения о нынешнем положении «официального» армянства наиболее полны. За некоторыми исключениями его положение и сегодня остается неутешительным. В 1994г. газета «Таймс» заявила, что против Турции необходимо начать новую кампанию в связи с давлением, оказываемым на христиан. Информация «Таймс» касалась, в частности, *христиан восточных областей Турции* [7].

Изданная в 1995г. краткая энциклопедия «Армяне в мире» оценила количество «официального» армянства примерно в 10 тысяч [8].

2. Исламизированное армянство. – Известный в лингвистических кругах Гарвардского и Колумбийского университетов специалист Берт Ваукс подразделяет амшенских армян на три основные группы [8]:

- западные амшенские армяне – рассеянные по Орду, Трапезунду и Ризе туркоязычные и исповедующие ислам,
- восточные амшенские армяне – преимущественно населяющие Ардвин, говорящие на амшенском диалекте армянского и исповедующие ислам,
- северные амшенские армяне – живущие в Грузии и России, говорящие на амшенском диалекте армянского и исповедующие христианство.

Проживающие в Турции и исповедующие ислам первые две группы количественно превосходят третью группу, проживающую вне Турции.

В интернет-энциклопедии *Wikipedia* в статье об амшенцах или «емшинлинцах» это различие учитывается: западная группа называется «Баш-эмшинцы», а восточная – «Гопа-эмшинцы» [9].

Кандидат политических наук университета Южной Каролины Ован Симонян оценивает количество проживающих в Ризе западных амшенцев (или баш-амшенцев) в 15-23 тысяч. По утверждению того же источника, количество восточных амшенцев, проживающих в исторической Хопе, составляет 25 тысяч [10].

Это значит, что на сегодня амшенские армяне в лице населения Хопы составляют там абсолютное большинство. Это важное обстоятельство подтверждается также авторами интернет-энциклопедии *Armeniapedia* [11].

Свидетельства о количестве амшенцев в Турции достаточно разноречивы. По оценке доктора Тесы Хофман, «там есть 20 тысяч мусульман-амшенцев, родина которых находится между Трапезундом и Эрзерумом» [12, с. 11].

Трудно уточнить, в чем причина недооценки количества амшенцев. В условиях отсутствия точных статистических данных мы считаем, что в пра-

вяхщих кругах Турции существует тенденция представлять понтийских армян в качестве понтийских греков, баш-амшенцев – в качестве лазов, а часть восточных амшенцев – в качестве грузин. Основу этой тенденции, безусловно, составляет арменофобия.

На сайте Института секуляризации исламского общества один «исламизированный» армянин в своем электронном письме от 16 сентября 2002г. пишет: «Существуют деревни, населенные армяноязычными мусульманами. Некоторые источники оценивают их население в 2 млн» [13].

По данным Григора Авагяна, «в Турции, а частично и в других странах, проживают около 4 млн амшенских армян» [14].

Согласно исконной амшенке, научной сотруднице университета «Гете», родственнице экс-премьера Турции Месута Йылмаза Алие-Алис Алты (Костанян), «на сегодня более миллиона ее соотечественников находятся в процессе пробуждения национального самосознания» [15].

Сын Алие Алты, живущий в Германии Дениз Алты, в одном интервью описывает положение амшенских армян и прямо говорит о полуторамиллионном амшенском армянстве Турции [16].

Хотя вероотступничество – нежеланная реальность для амшенцев, однако, согласно некоторым сведениям, их вера в ислам далека от присущей суннитам истовости. «Амшенцы не очень религиозны, – разъясняет Ован Симонян в одной из своих лекций. – У них чрезвычайно мало мечетей, и очень немногие обращают внимание на них. Амшенцы также употребляют алкогольные напитки» [17].

Амшенцы Турции в последние годы проявляют значительную активность в процессе пробуждения их национального самосознания. В этом смысле знаменательны их выступления и статьи о самопровозглашении в ряде электронных форумов и сайтов [18].

3. «Крипто-армянство». – Населяющее нынешнюю «Анатолию» армянство со своими трансформировавшимися этническими типами продолжает оставаться таинственным и практически не признанным. При этом по сравнению с остальными типами «крипто-армян» нужно считать самыми трудными для изучения.

Из фактов и доказательств явствует, что на сегодня «крипто-армянство» проживает в многочисленных областях центральной и восточной Турции, особенно в Западной и Юго-Западной Армении.

Начиная с правления военного правительства Кенана Эврена и особенно в 90-е годы, турецкая армия разрушила или сожгла многочисленные деревни и села в восточных провинциях Турции и выселила население, достигающее трех миллионов.

Этот массовый вандализм не мог не отразиться на армянстве. Нам пока неизвестна точная оценка человеческих и материальных потерь армянских деревень. На одном из сайтов по защите прав человека говорится: «729 деревень (и курдские, и христианские) были опустошены силами безопасности» [19].

У нас слишком мало данных для определения общего количества «крипто-армян».

Теса Хофман оценивает количество «*crypto-armenians*», или «крипто-армян», в 30-40 тысяч [12, с. 11-12]. Мы убеждены, что это количество чрезвычайно занижено.

В документах парламента Курдистана в изгнании есть свои данные по количеству армян. Согласно этим сведениям, общее число проживающих на территории так называемого «Великого Курдистана» армян и ассирийцев оценивается в 10% от общего населения [20].

Если учесть, что общее количество курдского населения Турции достигает 15 млн [21], то армянское и ассирийское население, согласно вышеупомянутым доводам, нужно будет оценить в 1,5 млн. Декабрьский номер курдской электронной газеты «*Ozgur politik*» за 1997г. также свидетельствует о подобном количестве, заявляя, что на «курдских территориях» проживают почти 2 млн «курдов» армянского и сирийского происхождения [22].

Хотя цифра в 1,5 млн для оценки ассирийского и армянского населения пока что не обоснована и не поддается проверке, однако она заслуживает серьезного внимания. Тем не менее, учитывая естественный прирост оставшегося в Турции армянского населения, количество «крипто-армянства» должно достигать хотя бы нескольких сотен тысяч.

Прогрессивный турецкий интеллектуал Кемаль Ялчин в одном из своих интервью так характеризует сегодняшних «крипто-армян»: «Такие семьи живут как курдские или турецкие мусульмане, и их дети не учат родного языка. Большинству «крипто-армян», с которыми я встречался, 15-17 лет, и их родители предупреждали, чтобы они не говорили о своем происхождении» [23].

Для составления полного представления о политическом образе и направленности «крипто-армян» стоит также коснуться сведений, касающихся армянского происхождения некоторых членов курдских организаций.

В своем номере от 11 июля 1993г. «Джумхуриет» писала о созданной под председательством премьера Тансу Чиллер комиссии для инициирования «психологического движения» против *РКК* и обеспечения регулярной информацией о ней политических кругов Турции. По данным газеты, комиссия, с помощью фотографий и иных сведений, стремилась определить рядовых *РКК* и задать им вопрос: знают ли они, что стали орудием в руках армян и т.д. «Для рядовых *РКК*, – пишет «Джумхуриет», – станет ясно *армянское происхождение* террористов, действующих в организации» [24].

Авторы исследования «Серые волки» С.Брам и М.Ульгер говорят, что в Турции *РКК* часто представляется как структура, состоящая из «армянских рабов». Бывший некогда лидером «*МеНеРе*» Алпарслан Тюркеш даже как-то заявил, что Абдула Оджалан – не курд, а армянин, и его настоящее имя Акоп Артинян» [25].

Правая газета «Мейдан» не погнушалась даже опубликовать окончательные выводы по этому поводу. «В Турции, – заявляла «Мейдан», – нет курдского вопроса. Есть вопрос Армянский» [26].

Об армянском происхождении Оджалана впервые высказалось МВД Турции еще в 1990-х гг. Об этом намекалось в отдельной докладной ООН [27].

Ряд турецких СМИ, представляя известного в торговых кругах Бехчета Джантурка в качестве ответственного за финансовые операции *РКК* и за связь с армянскими террористическими группировками, подчеркивает, что «он родился в 1950г. в Диарбекире от отца-курда и матери-армянки» [28].

Другой факт касается впервые выявленного в ноябре 2002г. газетой «Туркие» армянского происхождения члена правления *РКК* Нурие Геспири и членов центрального комитета *РКК* Пекира Пакрчяна и Мусы Хачеви [29].

Во влиятельной газете «Миллиет» управляющий чрезвычайным военным положением в Турции Ивнил Эркан заявил: «В наших компьютерах мы зафиксировали 800 членов *РКК*, имеющих армянское происхождение» [12, с. 35].

Командующий танковым подразделением Битлиса, генерал Тагман в своем заявлении для прессы утверждал, что «каждый седьмой член *РКК* – армянин. Эти члены *РКК* – потомки тех армян, которые ударили в спину Османской империи в ходе Первой мировой войны» [12, с. 36].

Тот же генерал Тагман в 1995г. по другому поводу сообщает, что в произошедших тогда же тяжелых сражениях «курдов не было. Отступившие в результате атак наших подразделений в горы были *армянами*» [31].

Из интервью с некоторыми «крипто-армянами», в настоящее время обосновавшимися в Европе, выясняется, как некоторые из них работали и боролись в рядах *РКК*, но, разочаровавшись после захвата Оджалана, решили репатриировать или уехать в Голландию, Германию и т.д. [32].

В одном из электронных бюллетеней *РКК* читаем об армянском юноше, родившемся в 1970г. в армянонаселенном историческом селе Сайлаккая (Джбин), Хусейне Саричиеке, который погиб в боях против турецкой армии в 1988г. [33]

На интернет-сайте одной из радикальных левых организаций Турции ТИККО можно увидеть имя родившегося в 1946г. в Амасии Карписа Алтиноглы, ознакомиться с его биографией и теоретическими политическими статьями, причем часто упоминается его армянское происхождение [34].

В списке погибших членов организации *ТИККО*, которая действует преимущественно среди заза-алевийцев и сражается в Дерсимских горах, приводятся биографии трех армянских юношей [35]:

Арменак Бакрчян, родился в Тигранакерте в 1953г., погиб в Харберде – в 1980г.; Нубар Ялим, родился в Мардине в 1957г., погиб в Амстердаме – в 1982г.; Мануел Демир, родился в кесарийском городе Буниан в 1963г., погиб в Стамбуле – в 1988г. Любопытно, что во славу подвигов и героического образа Мануела Демира сочинена песня на турецком языке, которую исполняют в курдских кругах.

Выводы

Таким образом, многочисленные статьи, сообщения и путевые заметки служат достаточным основанием для вывода о том, что в настоящее время минимум в 80-90 анатолийских городах, деревнях и селах сохранились следы разных типов армян.

Наряду с типологической характеристикой непросто дать окончательное заключение о предмете нашего исследования – количестве армянского населения. Тем не менее, приведем несколько свидетельств.

Исламская электронная газета «*Jihadwatch*» в своем номере от 17 февраля 2005г. пишет: «До сих пор в Турции живет около миллиона армян» [36].

«По осторожным оценкам, – говорится в заявлении комиссии Ай Дата в США от 31 мая 2003г., – около миллиона армян еще проживают в Западной Армении» [37].

«В Турции сейчас насчитывается около 2 млн армян, – пишет Армен Меликян, – которые приняли ислам в прошлом, выжили физически и выросли численно. Они не отуречились. Многие знают о своем армянстве, но боятся говорить об этом. Эти 2 млн человек считаются армянами...» [38]

В своей аналитической статье сотрудник еженедельника «Еркир» Арам Ананян, между прочим, сообщает: «По разным оценкам в Турции проживают 2-3 млн исламизированных армян» [39].

По утверждению научной сотрудницы университета «Гете», «существует около 3 млн тюркизированных армян, пытающихся узнать о своем происхождении после десятилетий молчания...» [40].

В докладе Организации по поддержке нуждающихся церквей за 1998г. Турции можно прочесть следующее: «К 20 тыс. баптистов в действительности нужно прибавить еще 4,5 млн христиан, которые проживают тут, скрывая свою веру» [41].

Очень интересные данные, подтверждающие эту численность, приведены в газете «*Planet of Diaspora*», где численность армянства Турции представляется в 4,5 млн человек [42].

Если обобщить все свидетельства о численности современного армянства в Турции, то усредненная цифра получится в 3 млн, которую, учитывая наличие множества неопределенностей и неточностей, можно снизить до 2 млн.

Таким образом, можно заключить, что «официальное» армянство «Анатолии» в исследуемом нами географическом ареале составляет незначительное число – менее 5 тыс., количество «исламизированных» армян, превышая миллионную отметку, составляет 1,3 млн человек, а «тайные» армяне составляют более 700 тыс. человек.

В любом случае реальность такова, что в восточной части Турции, в Западной и Юго-Западной Армении, в исторической Киликии, а также Малом Айке и прилегающих территориях существуют многочисленные армянские этнические группы: преобразованный этнический элемент, который борется за самопознание и сохранение своей национальной самобытности. «Не забывайте нас, – призывает исконный сасунец, ныне живущий в Муше Армен Мартиросян. – В Вардо и других районах есть много армян. Армян, которые до последнего времени боялись говорить о своем происхождении, но теперь мужественно заявляют об этом и борются за то, чтобы остаться армянами» [43].

В статье, опубликованной 31 июля 2004г. в «Милли газетэ» за подписью Мехмета Эйки, автор утверждает, что «в пограничном районе Карса, *наряду с иностранцами*, армяне тоже начали закупать *широкие уголья*».

Сообщая, что, уже по достоверным источникам, «земельные уголья пограничного района «Агеака» почти целиком и «неофициально» принадлежат армянам», автор пытается создать своеобразную политическую теорию по поводу открытия армяно-турецкой границы. После долгого анализа он, наконец, разъясняет: «Уже говорится, что в нашей стране проживает *большое количество* «крипто-армян», которые, *по видимости* являются турками и мусульманами, но сохраняют армянскую самобытность и сознание, что в данных обстоятельствах говорит о наличии неестественной ситуации» [44].

Из этих примечательных строк можно сделать вывод, что с точки зрения государственного мышления Турции вопрос армянства «Анатолии» – во-первых, реальность, бесспорный и, конечно, нежелательный факт, а далее – и серьезная озабоченность, связанная с государственной безопасностью и целостностью страны, и будущая головная боль.

Возможно, этой озабоченностью аргументирован циркуляр МВД Турции, в котором дается указание 81 губернской администрации подготовить и направить в центр статистику об армянском, греческом, ассирийском и других меньшинствах [45].

Уже долгие годы в политическом поле Турции стала обычным явлением обоюдная клевета в адрес госдеятелей и разных персон. Самым внушительным «аргументом» в этой веренице остается выявление этнического про-

исхождения указанных лиц.

Кроме армянского происхождения бывшего премьера Месута Йылмаза и первой женщины-пилота Турции Сабихи Гёкчен, «разоблачениям» подверглись также действующий президент Ахмед Недждет Сезер – как адиаманский армянин, и нынешний руководитель «Серых волков» Девлет Бахчели – как сисский или козанский армянин [46].

Здесь мы не намерены проверять правдивость подобной «клеветы», но нас очень даже интересуют обстоятельства и причины восприимчивости и уверования в неё в Турции.

Во множестве позиций по поводу табу на Геноцид армян, наряду с подробностями о Геноциде, подчеркивается наличие в Турции преобразованного армянского элемента. Так, Кемал Ялчин, представляя следы Геноцида на самой что ни на есть деполитизированной почве, широко обсуждает положение «крипто-армянства». Орхан Памук, храбро отмечая факт истребления одного миллиона армян, в своей повести «Снег» рассказывает и об «армянских сёлах», которые он посетил в Карсе. Напоминая президенту Франции о 90-летию Геноцида, архиепископ Месроп Мутафян между прочим намекает об армянстве, проживающем рядом с турками в «Анатолии». Выражая свою боль по поводу содеянного (Геноцида) посредством курдов, феминистка Хедие Селман не упускает случая напомнить об армянском происхождении своей битлисской семьи. Тот же подход у отуреченной Фетхие Четин, и т.д., и т.п.

Действительно, что заставляет разных армянских и неармянских деятелей Турции, высказываясь по Армянскому вопросу, затрагивать интересующую нас проблему, если не осознание той простой истины, что данный вопрос напрямую связан с сегодняшними реалиями пережившего Геноцид и преобразовавшегося армянства на армянских и соседних территориях.

В этом контексте кажется реальным царящий в правительственных кругах Турции страх, который был обозначен в вышеуказанном бюллетене Совета по правам человека при правительстве Турции: «Если правильно применить Лозаннский договор, страна будет спасена от Севрского «синдрома»» [47].

В контексте этнорелигиозных групп Турции вопрос об оставшихся в Турции армянах, или преобразовавшемся армянстве, нуждается в глубоком анализе. Этот огромный потенциал может либо, развиваясь стихийным путем, стать предметом спекуляций тех или иных мировых и региональных политических сил и, в конце концов, угаснуть, либо возродиться и перерасти в национальное движение.

Ноябрь, 2005г.

Приложение

Этнорелигиозные группы Турции

	<i>Этническая группа</i>	<i>Религия</i>	<i>Вероисповедание</i>	<i>Подгруппа</i>
1	абдал	ислам	суннит	
2	азербайджанец	ислам	шиит	
3	араб	ислам	суннит	
4	араб	ислам	шиит	алеви
5	араб	христианство	православ.	мелчит
6	ассириец	христианство	православ.	келдани
7	ассириец	христианство	православ.	джело
8	ассириец	христианство	православ.	сириак
9	бошняк	ислам	суннит	ханефи
10	цыган	ислам	-	-
11	дагестанец	ислам	суннит	ханефи
12	дагестанец	ислам	суннит	шафейи
13	газа	ислам	суннит	шафейи
14	газа	ислам	шиит	алеви
15	тахтаджи	ислам	суннит	-
16	татарин- узбек	ислам	суннит	ханефи
17	татарин-крымский	ислам	суннит	ханефи
18	татарин-ноганский	ислам	суннит	ханефи
20	турок	ислам	суннит	-
21	турок	ислам	суннит	-
22	турок	ислам	суннит	юрук
23	туркмен	ислам	суннит	-
24	туркмен	ислам	шиит	алеви
25	лаз	ислам	суннит	ханефи
26	карапапах	ислам	суннит	-
27	карачай	ислам	суннит	ханефи
28	киргиз	ислам	суннит	ханефи
29	армянин	христианство	православ.	-
30	армянин	христианство	католичество	-
31	армянин	христианство	протестант.	-
32	амшенец	ислам	суннит	-
33	еврей	иудаизм	-	-
34	казах	ислам	суннит	ханефи
35	грек	христианство	православ.	-
36	грек	христианство	католичество	-
37	грек	христианство	протестант.	-
38	грек (понтский)	ислам	суннит	-
39	узбек	ислам	суннит	ханефи
40	черкез	ислам	суннит	ханефи
41	серб	христианство	православ.	-
42	суданец	ислам	шиит	алеви
43	грузин	ислам	суннит	ханефи
44	грузин	христианство	суннит	-
45	югурс	ислам	суннит	ханефи
46	курд	ислам	суннит	ханефи
47	курд	ислам	суннит	шафейи
48	курд	ислам	шиит	алеви
49	курд	езид	-	-
50	ос	ислам	суннит	-

Источники и литература

1. Նոր Մարմարա, 2004, հոկտեմբերի 18:
2. Նոր Մարմարա, Ստամբուլ, 2004, ապրիլի 2:
3. Ալիք, Թեհրան, 1980, դեկտեմբերի 18:
4. Մելքոնյան Ա., Հայ բնակչության էթնոկրոնական դիմախեղման գործընթացներն Արևմտյան Հայաստանում XVI-XVIII դարաշրջանում, գիտաժողովի հիմնադրույթներ, Երևան, 2004, էջ 44:
5. Դրոշակ, Ժնև, հուլիս 1925, էջ 11:
6. Ալիք, 2004, դեկտեմբերի 14:
7. Ալիք, 1994, մայիսի 19:
8. Հայերն աշխարհում, Երևան, 1995, էջ 45:
9. <http://en.wikipedia.org/wiki/Hamshenis>
10. *Simonian H.H.*, History and Identity among the Hemshin, ISIM Newsletter 14, June 2004, p. 24,25.
11. <http://www.armeniapedia.org/index.php?title=Hamshen>
12. *Hofmann T.*, Armenians in Turkey today, October 2002, p. 11.
13. [http://www.secularislam.org/testimonies/More Testimonies Why I Left Islam.htm](http://www.secularislam.org/testimonies/More%20Testimonies%20Why%20I%20Left%20Islam.htm).
14. Ավագյան Գ., Հայաստանը և հայերս աշխարհում, Երևան, 1990, էջ 21:
15. Դիտակ, Բեյրութ, 2002, մարտ-ապրիլ, էջ 26:
16. Դիտակ, 2004, ապրիլ-մայիս, էջ 58:
17. <http://www.lazebura.net/english> – Lazebura.net
18. -<http://www.yaylayolu.info/forum/>
 -<http://hyeforum.com/index.php?showtopic=3459>
 -<http://www.devrimcidemokrasi.org/arsiv/2001/Sayi-13/arastirma2.htm>
 -<http://karalahana.com/>
 -<http://f20.parsimony.net/forum36933/>
19. <http://www.jubileecampaign.co.uk/world/tur2.htm>.
20. <http://www.kurdish.com/media/article/kwr-article-15.htm>.
21. <http://www.khrp.org/news/pr2004/26-11-04.htm>, Նոր Մարմարա, 2005, փետրվարի 15:
22. www.ozgurpolitika.org/1997/aramik/1226kyb.htm.
23. *Kemal Yalcin*, Armenians In Turkey: The silence broken through?, 22.1.2002, [http://www.nadir.org/nadir/initiativ/kurdi-almanni-kassel/aktuell/2002/jan2002/ armenier_tr.htm](http://www.nadir.org/nadir/initiativ/kurdi-almanni-kassel/aktuell/2002/jan2002/aramenier_tr.htm).
24. Դրոշակ, Աթենք, 1993, հուլիսի 29 – օգոստոսի 25, էջ 78:
25. Բրամ Ա., Ուլգեր Ա., Գորշ գայլեր. հետազոտություն թուրք ծայրահեղ աջակողմյանների մասին, թարգմ. Արսեն Նազարյան, Երևան, 2003, էջ 152:
26. Ալիք, 1994, նոյեմբերի 13:
27. Situation in Turkey, Interim report of the Special Rapporteur of the Commission on Human Rights on the elimination of all forms of intolerance and of discrimination based on religion or belief, Addendum 1, General Assembly, 11 August 2000, p. 14.
28. <http://www.biyografo.net>.
29. Նոր Մարմարա, 2002, նոյեմբերի 11:

30. Official general report on Turkey, Directorate for Movements of Person, Migration and Consular Affairs Asylum and Migration Division, May 2001, p 31.
31. European Court Of Human Rights, Former Second Section, Case Of Tepe V., Turkey, (Applicatoin no.27244/95), [http:// www.vahitbicak.com/ tepetr.htmhttp](http://www.vahitbicak.com/tepetr.htmhttp).
32. Ազգ, Երևան, 2005, հունվարի 18:
33. [http:// www.pkk.org/2002/03](http://www.pkk.org/2002/03).
34. <http://arsiv.aksiyon.com.tr/arsiv/140/pages/dosyalar/dos1.html>.
35. [http:// babaerdogan.org/partisan](http://babaerdogan.org/partisan).
36. <http://www.jihadwatch.org/archives/2005/02/005091print.html>.
37. <http://www.anca.org/ancadesk.php>.
38. http://www.armeniadiaspora.com/population/note_turkey_pop.html, Armen Melikian, Armenian Watch Monitors Human Rights Violations Against Armenian Worldwide.
39. Երկիր շաբաթաթերթ, Երևան, 2004, հոկտեմբերի 22:
40. Դիտակ, 2004, ապրիլ-մայիս, էջ 58:
41. Religious Freedom in the Majority Islamic Countries- 1998 Report, A.C.N Italian Office, 1998.
42. <http://www.iatp.am/economics/migr/hayga-e95.htm>, Planeta of Diaspora, #25, 1999.
43. Դիտակ, 2004, ապրիլ-մայիս, թիվ 24, էջ 60:
44. Նոր Մարմարա, 2004, օգոստոսի 1:
45. Հայրենիք վիքլի, 2003, դեկտեմբերի 12:
46. Ազգ (անգլերեն բաժին), 2004, # 146, օգոստոսի 25:
47. Նոր Մարմարա, 2004, հոկտեմբերի 18:

ARMENIAN ETHNO-RELIGIOUS ELEMENT IN EASTERN ARMENIA (1991-2005)

Karen Khanlaryan

Resume

In the article is discussed the question of existence of Armenian ethnic element in the context of Turkey's ethnic and religious complicated features. It is pointed out that in different historical periods there were different problems concerning to the existence of dense muslimized Armenian population in that country, their identity and number.

The Armenians in Turkey are quite diverse from the standpoint of household-social inner relations and in the sense of getting assimilated. An attempt is made in the article to represent the typological division of "Anatolian" Armenians into ethno-religious types, their present situation and the prospective to develop.

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ГРУЗИИ

Михаил Агаджанян

Работа затрагивает актуальную тему правовой защищенности статуса национальных меньшинств в Грузии. В качестве основы для необходимого внутригосударственного регулирования общественных отношений относительно прав и свобод национальных меньшинств рассматриваются признанные принципы и нормы международного права, дается сравнительный анализ действующих норм внутреннего законодательства Грузии в сфере защиты прав национальных меньшинств с международно-правовыми нормами рекомендательного и юридически обязательного характера. Делается попытка обнаружить не только правовые несоответствия внутреннего законодательства Грузии международным нормам в сфере прав и свобод меньшинств, подчеркнуть пробельность действующего права страны в данной области, но и представить фактические примеры незащищенности лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, во внутригосударственной практике республики.

Введение

Защита прав и свобод национальных меньшинств выступает необходимым элементом политических реалий государства, претендующего называться демократическим и правовым. Без его закрепления, дальнейшего совершенствования и, самое главное, неукоснительной реализации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, невозможна цивилизованная международная социализация многонационального государства.

Многонациональность государства – это объективная историческая реальность. Для современного полиэтнического государства единственным путем его поступательно-прогрессивного социально-экономического и правового развития является путь цивилизованного гражданского общества и демократического правового государства, в котором права и свободы национальных меньшинств законодательно закреплены и гарантируются всей имеющейся силой и мощью общего для всех наций и народностей государственного образования. В таком полиэтническом организме, политическом союзе многих наций и народностей существует много полюсов специфичес-

кого национального развития, но ни один из них не противоречит другим полюсам в том, что касается прогрессивной эволюции единого многонационального государства.

Международное гуманитарное право имеет многочисленные нормы защиты прав и свобод национальных меньшинств. В своей объективации по отношению к национальным меньшинствам оно преследует необходимую цель – исключение дискриминации по отношению к лицам, принадлежащим национальным меньшинствам, и полная правовая обеспечиваемость и защищенность их статуса. Кроме индивидуальной направленности защиты представителей нацменьшинств, международное гуманитарное право имеет в своем арсенале также принципы и нормы коллективной правовой обеспечиваемости и защиты меньшинств, находящие свое основное выражение в праве национального меньшинства на самоуправление.

Таким образом, в одну группу можно выделить нормы по закреплению статуса национальных меньшинств, где основной уклон делается в сторону гарантированности данного статуса и недискриминации, а также нормы, наделяющие меньшинства конкретными правами и свободами. В другую группу выделим нормы в сфере местного самоуправления, являющиеся с одной стороны производными от норм первой группы, а с другой – наиболее реальной, осязаемой материализацией всего правового комплекса защиты и реализации норм по национальным меньшинствам.

1. Юридически обязательные и рекомендательные стандарты защиты прав и свобод национальных меньшинств в рамках институтов, участницей которых является Грузия

Республика Грузия является членом международных межправительственных организаций, в рамках которых она взяла на себя международно-правовые обязательства по защите национальных меньшинств на ее территории. Так, Грузия является членом Совета Европы (СЕ), в рамках которого приняты многочисленные правовые акты в области защиты прав и свобод национальных меньшинств. Вновь принимаемые в СЕ государства должны взять на себя обязательства по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950г. и принять всю совокупность ее контрольных механизмов. Главными условиями присоединения новых членов к СЕ является наличие демократического правового устройства и проведение свободных, равных и всеобщих выборов. По интересующей нас теме – защита национальных меньшинств – именно СЕ является той международной межправительственной

организацией, в рамках которой можно ссылаться на юридически обязательные правовые документы. Однако данные акты не являются обязательными для стран-членов СЕ только в силу их членства в ней. Для распространения юридической обязательности конвенций на государства, выразившие свое согласие с ней путем подписания, необходимо пройти все предусмотренные внутригосударственным законодательством этапы. Это, как правило, процесс ратификации и вступления конвенций в силу.

Грузия подписала Рамочную конвенцию СЕ по защите прав национальных меньшинств 1995г. в процессе вступления в эту организацию¹, но ратификацию данной конвенции постоянно откладывает.

Рамочная конвенция СЕ 1995г. имеет жестко обязывающий характер по отношению к государствам. Из 16 статей II раздела Конвенции, где перечисляются права национальных меньшинств, 12 статей составлены исключительно с обязывающих государства позиций.

Положения Конвенции юридически четко выражены и не оставляют места для двусмысленного толкования. В Конвенции предусмотрен механизм контроля за реализацией взятых государствами обязательств (ст. 24-26). В соответствии с ними, в процессе контроля за реализацией норм Рамочной конвенции 1995г. участвуют Комитет министров, Генеральный секретарь СЕ, Консультативный комитет, действующий как орган, оказывающий помощь Комитету министров Организации. Статья 25 Конвенции прямо предписывает, что «в течение одного года после вступления в силу настоящей Рамочной конвенции в отношении того или иного Участника последний передает Генеральному секретарю Совета Европы полную информацию о законодательных и иных мерах, принятых для осуществления принципов, изложенных в настоящей Рамочной конвенции».

То, что Грузия не ратифицировала Рамочную конвенцию 1995г., не освобождает ее от обеспечения и защиты прав национальных меньшинств. Статья 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод является хотя общей, но достаточной основой для взятия на себя юридических обязательств по отношению к национальным меньшинствам, для недискриминационного подхода к соблюдению их прав и свобод (ст. 14 Конвенции 1950г.: «Пользование правами и свободами, изложенными в настоящей Конвенции, обеспечивается без какой-либо дискриминации по ... принадлежности к национальным меньшинствам...»).

Универсальные (Международный пакт о гражданских и политических

¹ Днем вступления в Совет Европы считается день вступления в силу для страны Устава СЕ 1949г. (для Грузии это 27 апреля 1999г.) и день подписания (но не вступления в силу) Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950г. (для Грузии тот же день – 27 апреля 1999г.).

правах 1966г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966г.; Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992г.; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965г.) и региональные (Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995г., Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств 1992г. и др.) международно-правовые принципы и нормы в сфере защиты прав и свобод национальных меньшинств имеют комплексный характер и, следовательно, своим системным подходом направлены на признание и обеспечение, защиту и гарантированность всех личных, политических и социально-экономических, индивидуальных прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Комплекс защиты прав лиц, принадлежащих к меньшинствам, находит свое выражение в основном путем принятия индивидуальных мер. Право же на самоуправление немислимо без признака коллективности, без сложения намерений и усилий лиц национального меньшинства, которые приводят к качественно новому правовому понятию «право на самоуправление».

Самоуправление национального меньшинства, которое может носить территориальный или нетерриториальный характер, является существенным атрибутом и объективной закономерностью реальной защиты и обеспечения прав и свобод лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. В универсальных и региональных правовых документах также присутствует комплексный подход к обеспечению права национальных меньшинств на самоуправление. В него входят:

1. Право на участие в управлении своей страной, что подразумевает, во-первых, участие в ведении государственных дел, во-вторых, право избирать и быть избранным, в-третьих, право поступления на государственную службу;
2. Право на трансграничные связи со своими соотечественниками для налаживания сотрудничества между органами местного самоуправления двух стран.

Последнее право особенно необходимо там, где существует полная схожесть по признакам этноса, языка и религии, а также там, где присутствует непосредственный территориальный контакт между органами самоуправления двух сотрудничающих сторон.

Показательно, что данный признак (приграничность) не является обязательным для налаживания связей между территориальными общинами. На

это указывает Протокол N2 Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей относительно межтерриториального сотрудничества 1998г.: «...для эффективного выполнения своих функций территориальные общины и власти все больше сотрудничают не только с соседними властями других государств (приграничное сотрудничество), но также с зарубежными властями, не являющимися соседними, имеющими общие интересы (межтерриториальное сотрудничество), и делают это не только в рамках приграничного сотрудничества органов и ассоциаций территориальных общин и властей, но также и на двустороннем уровне» (преамбула конвенции).

Юридическая комплексность права на самоуправление проявляется также в том, что лицо как гражданин данного государства имеет право на участие в управлении общими, публичными делами государства, как наиболее целостного образования (право избирать и быть избранным в центральные и региональные органы государства, право занимать государственные должности) и, в то же время, имеет право на участие в управлении местными, специфическими делами данного локального пространства единого государства. Обладание в дополнение ко всему статусом лица, принадлежащего к национальному меньшинству, который должен быть закреплён на законодательном уровне любого демократического государства, прибавляет к вышеуказанному правовому комплексу и права по поддержанию своей языковой, религиозной, культурной, в целом национальной самобытности, а также право на дополнительную защиту своих национальных прав со стороны государства.

Юридический комплекс права на самоуправление дополняется целым рядом других комплексов обеспечения самоуправления. Это, прежде всего, политическая и экономическая составляющие.

Первая подразумевает закрепление институтов территориального и нетерриториального самоуправления выражением государственной воли, признание права на самоуправление со стороны властных государственных структур (в конечном итоге это проявляется через юридический комплекс – закрепление в Конституции, в законах и других нормативно-правовых актах, принятие на себя обязательств по соблюдению международных норм в данной сфере).

Вторая составляющая указывает как условия для возможности реализации данного права, так и следствие эффективности его осуществления. Другими словами, с одной стороны, для того, чтобы право на самоуправление состоялось, оно должно иметь свою материально-финансовую базу (свой

бюджет, свою собственность, в целом – намерение решать местные экономические вопросы собственными силами), а с другой – эффективно употребить экономическую основу своего самоуправления для непосредственного решения местных социальных задач.

Вырисовывается факт необходимости поддержки права на самоуправление со стороны как международного сообщества, так и (и прежде всего) самого государства с возможным подключением международных организаций. Роль международного сообщества носит в целом общедемократический, правонаправляющий характер, что подразумевает стандартизацию цивилизованного образца решения вопросов самоуправления. Привязка права на самоуправление с правами национальных меньшинств (там, где для этого существуют объективные условия) в международно-правовых актах четко обозначена. Наиболее конкретно и развернуто данные вопросы регулируются на уровне ОБСЕ и СЕ.

ОБСЕ задает направления поисков ответа на поставленные задачи, формирует политическую базу норм по самоуправлению национальных меньшинств в привязке к вопросам безопасности и сотрудничества между государствами. СЕ придает всему этому юридическую форму в виде обязательных для исполнения конвенций и протоколов к ним для участвующих стран. На такое своеобразное «разделение труда» между двумя организациями указывает решение Будапештского саммита СБСЕ 1994г., где в пункте 22 раздела VIII «Человеческое измерение» говорится о «...принятии в Совете Европы Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, которая *основывается на нормах СБСЕ в этой области и развивает их*» (подчеркнуто нами). Необходимо также отметить, что если вопросами защиты национальных меньшинств от дискриминационных подходов при реализации права на самоуправление занимается Верховный Комиссар по делам национальных меньшинств ОБСЕ, путем формулирования рекомендаций¹, носящих базовый характер, то СЕ должен придавать им юридически обязательную форму.

Показательны в данном аспекте Лундские рекомендации 1999г. Право на самоуправление в указанном документе предполагает право на контроль за решениями, затрагивающими вопросы самоуправления. Тем самым возникает вопрос разграничения сфер ведения и полномочий между местным и общегосударственным уровнями. Это вопрос наиболее остро стоящий во многих странах СНГ, так как в политической практике республик бывшего СССР к вопросам разграничения сфер ведения и полномочий наслаивается круг проблем национального размежевания.

¹ Гаагские рекомендации по правам национальных меньшинств на образование 1996г., Ословские рекомендации по языковым правам национальных меньшинств 1998г., Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни 1999г.

В связи с этим в Лундских рекомендациях указывается, что «этнические критерии ни при каких обстоятельствах не являются определяющими при формировании территориальных механизмов» (пункт 14). В то же время о нетерриториальных механизмах самоуправления, зачастую именуемых «личной» или «культурной» автономией, говорится, что они «наиболее применимы в случае географически некомпактного проживания той или иной группы» (пункт 17). Далее проводится связь территориальных механизмов самоуправления с принципом адекватного разграничения полномочий между центральными и местными властями (принцип субсидиарности), а нетерриториальных механизмов самоуправления – с принципом обеспечиваемости культурных прав меньшинств (СМИ, язык, семья, религия).

В юридическом документе СЕ – Европейской хартии о местном самоуправлении 1985г. – дается понятие соблюдения принципа субсидиарности в сфере разграничения полномочий в пользу местного самоуправления: «Осуществление публичных полномочий, как правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам. Передача какой-либо функции какому-либо другому органу власти должна производиться с учетом объема и характера конкретной задачи, а также требований эффективности и экономии» (ст. 4).

Вопрос делегирования полномочий, их объем и качественная наполняемость должны ставиться в зависимость от интересов национального меньшинства, проживающего в местности самоуправления и являющегося для данной местности уже не меньшинством, как на общегосударственном уровне, а большинством, со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими, культурными и другими прерогативами.

Об учете интересов национального меньшинства говорится в пункте 21 Лундских рекомендаций: «Полномочия, которые могут делегироваться на территориальной основе для обеспечения более эффективного участия меньшинств, должны осуществляться с должным учетом интересов меньшинств, на которые они распространяются. Административно-исполнительная власть должна быть подотчетна всему населению соответствующей территории».

2. Нормы внутреннего законодательства Грузии, практика их реализации в сравнении с международными нормами защиты национальных меньшинств

Рассмотрим государственно-правовую практику Грузии по защите национальных меньшинств и в сфере местного самоуправления.

Законодательство Грузии в данных областях характеризуется пробельностью и оторванностью от демократической реализации. Несмотря на то,

что основные принципы защиты национальных меньшинств нашли свое выражение в Конституции Грузии 1995г. и отраслевых законах, в республике до сих пор не принят закон, непосредственно регулирующий права и обязанности меньшинств и определяющий их статус. Поэтому анализ будет носить отраслевой характер, с выделением интересующих нас норм и практики их реализации.

Рассмотрим нормы общеотраслевого характера, закрепленные в Конституции Грузии.

Статья 3 Конституции предусматривает, что к «исключительному ведению высших государственных органов Грузии относятся: а) законодательство о ... правах и свободах человека».

Тем самым, государство не только наделяется правомочиями по регулированию общественных отношений относительно прав и свобод человека, но и берет на себя обязанность по демократическому осуществлению данного регулирования в силу того, что формой политического устройства грузинского государства является демократическая республика (ч. 2, ст. 1).

Статья 6 закрепляет императивность соответствия законодательства Грузии общепризнанным принципам и нормам международного права, а также указывает, что «не противоречащие Конституции Грузии ее международные договоры или соглашения имеют преобладающую юридическую силу в отношении внутригосударственных актов».

В рассматриваемом нами вопросе важно связать статьи 6 и 7 Конституции, где говорится о признании Грузией и соблюдении ею общепризнанных прав и свобод человека «как непреходящих и высших человеческих ценностей». Более того, «при осуществлении власти народ и государство ограничены этими правами и свободами как непосредственно действующими» (ст. 7). Если бы в Грузии конституционные нормы имели бы практику их реального соблюдения и реализации¹, то перечисленных статей Основного закона республики было бы в определенном смысле достаточно для защиты национальных меньшинств, исходя из международных стандартов в данной сфере. На самом деле, если Грузия признает и соблюдает общепризнанные права и свободы человека, а законодательство Грузии соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, то права и свободы национальных меньшинств в их концептуальной основе как часть общепризнанных прав и свобод человека являются непосредственно действующими, ибо они «имеют преобладающую юридическую силу в отношении внутриго-

¹ «Конституция Грузии – Основной закон государства. Все другие правовые акты должны соответствовать Конституции» (ч. 1, ст. 6).

сударственных актов» (ч. 2, ст. 6). Но реальность далека от закрепленных в Конституции Грузии норм и заключается в том, что права и свободы меньшинств не только не соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права, но и «обделены» вниманием со стороны грузинского законодателя и, тем более, исполнительной власти.

Далее, по Конституции, в соответствии со статьей 14, все люди равны перед законом независимо от расы, языка, религии, национальной, этнической принадлежности. Статья 19 гарантирует каждому свободу слова, мнения, совести, вероисповедания и убеждений. Политические права граждан Грузии предполагают «право создавать политические партии, иные политические объединения и принимать участие в их деятельности» (ст. 26). Право на получение образования и выбор его формы имеет каждый человек, причем «государство обеспечивает соответствие образовательных программ международным правилам и стандартам» (ст. 35). Исходя из статьи 38 Конституции, закрепляющей равноправие граждан, независимо от их языка, национальной, этнической и религиозной принадлежности, все граждане грузинского государства имеют равные права в социальной, экономической, культурной и политической жизни страны. В той же статье говорится о праве всех граждан «свободно, без какой-либо дискриминации и вмешательства развивать собственную культуру, пользоваться родным языком в личной жизни и публично»¹. Часть 3 статьи 38 Конституции Грузии подчеркивает: «Осуществление прав меньшинств не должно противоречить суверенитету, государственному устройству, территориальной целостности и политической независимости Грузии». Интересно отметить следующий факт. Ни для одного из указанных прав и ни для одной из указанных свобод главы III Конституции страны не предусмотрены ограничения на время чрезвычайного или военного положения по статье 46 Основного закона Грузии.

Остановимся на конкретных правах и свободах.

1. Свобода слова и пользования родным языком. – В Законе Грузии «О средствах массовой информации» 1997г. утверждается: «Республика Грузия обеспечивает для всех проживающих на ее территории национальных меньшинств получение и распространение информации на их родном и других языках» (ст. 3). По данному закону не допускается злоупотребление СМИ, в связи с чем запрещается пропаганда расовой, национальной, религиозной нетерпимости (ст. 4). Статьи 72 и 75 Уголовного Кодекса Грузии вводят уголовную ответственность за пропаганду национальной, расовой и религиоз-

¹ Важно то, что делается ссылка на соответствие данной нормы общепризнанным принципам и нормам международного права (ч. 1, ст. 38).

ной ненависти. Свобода слова имеет широкое поле влияния на демократизацию всех сторон общественной жизни. Для национальных меньшинств эта свобода, связанная с правом пользования родным языком, имеет характер свободного выражения мнения по всем вопросам их политической, экономической и культурной жизнедеятельности. Для того, чтобы объективно ориентироваться в политико-правовом пространстве государства, гражданами которого они являются, лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, необходимо получение информации в доступной для них форме и распространение информации в форме, доступной для других лиц из национальных меньшинств. Таким образом, вырисовывается взаимосвязь и взаимообусловленность двух правовых элементов активного участия лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в общественно-политических процессах – право на пользование родным языком и свобода выражения мнения. Первое право в большей степени носит личный характер, имеет «персональную нагрузку» (семья, образование), вторая свобода в контексте защиты и отстаивания прав и свобод национального меньшинства приобретает публичный, политический оттенок.

Национальные меньшинства Грузии имеют право на свободу выражения своего мнения всеми доступными по грузинскому законодательству способами и формами (периодические печатные издания, радио- и телеэфир, и др.) и средствами (грузинский язык на общегосударственном уровне; русский язык – общение с другими национальными меньшинствами; родной язык – общение внутри национального меньшинства и с соотечественниками за пределами страны). Ословские рекомендации по языковым правам национальных меньшинств 1998г. могут служить для внутреннего законодательства Грузии стандартной базой демократических норм, принятых и реализуемых во многих странах Европы. В свете вышепредставленного важны следующие положения данного документа.

В нем предусмотрена связь свободы ассоциации с правом использовать язык по своему выбору. Более того, «государство не может осуществлять дискриминацию по отношению к этим органам (ассоциациям национальных меньшинств. – *Прим. авт.*) на основе языка и не может ненадлежащим образом ограничивать право этих органов искать источники финансирования из государственного бюджета, международных источников или частного сектора» (пункт 6).

По Ословским рекомендациям прослеживается также связь и нераздельность понятий «свобода пользования родным языком» и «свобода СМИ», по поводу чего, в частности, говорится: «Государственное регулирование

средств вещания основывается на объективных и недискриминационных критериях и не должно использоваться для того, чтобы ограничивать пользование правами меньшинств» (пункт 8).

Объем и качество времени, отведенного вещанию на языке конкретного национального меньшинства, ставятся в прямую («пропорциональную») зависимость от численности и концентрации меньшинства и должны соответствовать его положению и нуждам (пункт 9). Указывается на свободу доступа «к средствам информации, исходящим из-за границы», которая не должна ограничиваться «ненадлежащим образом» (пункт 11). Определенная обязанность принадлежащих к национальным меньшинствам лиц – знать государственный язык и использовать его – отмечается в разделе рекомендаций «Экономическая жизнь», по положению пункта 12 которого «государство может потребовать дополнительного использования официального языка ... только там, где может быть продемонстрирован законный общественный интерес».

Свобода пользования родным языком корреспондирует политическим правам национального меньшинства.

В пункте 14 рекомендаций говорится о предоставлении лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, адекватных возможностей по использованию своего языка в отношениях с административными властями, «особенно в регионах и местностях, где эти лица выразили к тому желание и где они присутствуют в значительном числе». Вытекающим из него является следующий пункт рекомендаций: «В регионах и местностях, где лица, принадлежащие к национальному меньшинству, присутствуют в значительном числе государство принимает меры для того, чтобы обеспечить возможность использования выборными членами региональных и местных государственных органов также и языка национального меньшинства во время деятельности, связанной с этими органами».

Право на защиту языковых прав национальных меньшинств путем доступа к независимым национальным институтам, таким как омбудсмен или комиссия по правам человека, должно обеспечиваться со стороны государства (пункт 16).

Таким образом, в языковых правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, прослеживается следующая закономерность. Язык как средство общения дается человеку от природы, раскрывается в процессе социального общения и развивается путем личных усилий индивида. Со стороны государства, гражданином которого является носитель языка национального меньшинства, должны, во-первых, создаваться адекватные условия

пользования языком (недискриминация, неограничиваемость установления связей с другими лицами; благоприятные условия для развития языка, его изучения и др.), а во-вторых, обеспечиваться реальные механизмы по защите нарушения языковых прав.

Ословские рекомендации 1998г. составлены именно с обязывающих для государств позиций. Они также часто связывают языковые права со значительным числом присутствия национальных меньшинств в конкретных регионах и местностях.

Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств 1992г. дает определение понятия «территория, на которой используется региональный язык или язык меньшинства». Это – «географический район, в котором упомянутый язык является средством общения такого числа жителей, которое оправдывает принятие различных мер по защите и поощрению, предусмотренных настоящей Хартией» (ст. 1). Хартия провозглашает, что государства должны основывать свою политику, законодательство и практику на таких целях и принципах, как «содействие и/или поощрение использования региональных языков и языков меньшинств ... в общественной и личной жизни» и «содействие соответствующим видам международных обменов в охватываемых настоящей Хартией сферах, применительно к языкам меньшинств, используемым в идентичной или схожей форме в двух или более государствах» (статья 7).

Статья 15 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995г. обязывает государства «создавать необходимые условия для эффективного участия лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в культурной, общественной и экономической жизни и в ведении государственных дел, в частности, в вопросах, их касающихся».

Большинство представителей национальных меньшинств Грузии не владеют государственным языком страны. Особенно это выражено в регионах компактного расселения национальных меньшинств, таких как Самцхе-Джавахети (армяне) и Квемо-Картли (азербайджанцы). «Это создает два ряда проблем. С одной стороны, подобное отсутствие интегрированности объективно препятствует реальному участию меньшинств в политической и гражданской жизни, уменьшает их шансы добиться экономического и карьерного успеха. Представители меньшинств в подобных регионах слабо информированы о политической жизни, имеют дополнительные препятствия в отношениях с государственными органами, чувствуют себя социально отчужденными от большинства. С другой стороны, сам факт, что большие группы населения не владеют грузинским языком, ведет к большей настороженности гру-

зинского населения: он усугубляет подозрения в том, что представители меньшинств недостаточно лояльны по отношению к грузинскому государству» [1]. Оторванность регионов преобладающего компактного расселения национальных меньшинств от центра страны носит не только географический, но и социально-экономический и политический характер, а также особо ощущается в социально-культурном аспекте. Именно к последнему относится незнание государственного языка. Показательно, что видный грузинский эксперт Г.Нодиа говорит о «настороженности грузинского населения», которая приводит к подозрениям, «что представители меньшинств недостаточно лояльны по отношению к грузинскому государству». Как нам кажется, ситуация незнания языка, вытекающая из нее социально-экономическая и политическая отдаленность регионов от центра скорее дает основание говорить об ущербности политики руководства Грузии на протяжении нескольких лет. Дискриминация по языковому признаку (и, конечно, не только она одна) приводит к дистанцированности граждан от государства своего гражданства.

Г.Нодиа также отмечает, что «другая часть населения меньшинств проживает дисперсно, т.е. вперемежку с грузинским населением, прежде всего в городах. Здесь уровень знания грузинского языка гораздо выше, чем в регионах с компактным проживанием меньшинств, однако это отнюдь не означает, что представители дисперсно проживающих меньшинств, как правило, свободно говорят на грузинском. Обычно, русский и/или родной язык является для них преимущественным языком образования и общения, грузинским же они владеют скорее на бытовом уровне. Несмотря на лучшее знание языка, более высокий уровень информированности о политических процессах, уровень политического и гражданского участия меньшинств в регионах дисперсного проживания отнюдь не выше, а иногда даже и ниже, чем в регионах компактного проживания» [1, с. 64-65]. Таким образом, дисперсность расселения по сравнению с компактностью не устраняет политической и гражданской индифферентности национальных меньшинств, а лишь приводит к лучшему знанию государственного языка на бытовом уровне. Все это лишний раз указывает на отсутствие продуманной программы центрального руководства Грузии по интеграции своих граждан из национальных меньшинств в государственно-правовое, социально-экономическое пространство государства.

Указанные выше «языковые» нормы правовых документов рекомендательного и юридически обязывающего характера (соответственно ОБСЕ и СЕ) дают в этом вопросе достаточную нормативную базу для формирования и развития внутреннего законодательства Грузии.

Свобода слова и связанная с ней свобода пользования родным языком –

это именно, по определению, свобода, право, а не обязанность лица. В то же время, представители национальных меньшинств являются гражданами государства, что указывает на их определенную обязанность владеть государственным языком страны своего гражданства, которая, в свою очередь, создает для этого благоприятные и способствующие изучению языка условия, однако ни в коем случае не за счет умаления или ограничения их свободы и права знать и пользоваться родным языком. Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, должны обладать правом на использование родного языка как внутри Грузии, так и за ее пределами для установления связей с соотечественниками, а также являющимся его необходимым продолжением правом на свободу слова, выражения мнения всеми доступными формами, способами и средствами в рамках законодательства государства своей гражданской принадлежности (очевидно, что указанное внутреннее законодательство должно соответствовать принципам и нормам международного права, взятым государством на себя международным дву- и многосторонним обязательством).

Может быть предложена следующая схема языкового развития «человеческого измерения» национальных меньшинств Грузии. Как граждане грузинского государства лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право и несут определенную обязанность владеть грузинским языком¹, как представители одного или нескольких национальных меньшинств Грузии они имеют право на общение с другими национальными меньшинствами на языке наибольшего распространения в пределах СНГ – русском, а как носители своей национальной (этнической) идентичности имеют право пользоваться языком своей этнической принадлежности.

В начале этого года в Тбилиси прошел семинар на тему «Языковая политика Грузии с акцентом на систему образования», организованный швейцарской организацией «CIMERA» совместно с Общегражданским Движением Многонациональная Грузия (ОДМГ). Интересны своей показательностью тезисы данного семинара в вопросе свободы слова и пользования родным языком. «Можно выделить три периода. Во время Гамсахурдиа была допущена самая большая ошибка, когда начали строить независимое государство до создания гражданского общества. В период правления Шеварднадзе острота пошла на убыль, хотя имела поверхностный политический ресурс. Проблемы закрашивались цветной краской снаружи – внутренние причины конфликтогенных регионов оставались прежними. Сразу после Революции

¹ Определенная обязанность владеть государственным языком вытекает из понятия гражданства как устойчивой юридической (правовой) связи между человеком и государством, носящей относительно постоянный характер и выражающейся в наличии установленных законом взаимных прав и обязанностей между ними.

роз даже процесс закрашивания прекратился. Общество увидело весь спектр проблем. Дальше все происходило на уровне деклараций. Нет реальных подвижек, если не считать введения пятнадцатиминутных передач на национальных языках в сетке Первого канала Грузинского телевидения»¹ (Арнольд Степанян, председатель ОДМГ). «Многоязычие для Европы не характерно. Особенно для таких стран, как Бельгия, Швейцария, Испания, Финляндия. Важно не только «терпеть» многообразие, но и поддерживать его. Кроме поддержки государственного языка надо гарантировать и национальные языки» (Бритта Корт, представитель «CIMERA») [2].

На проведенной также в начале года пресс-конференции Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии, в которой приняли участие лидеры азербайджанской, армянской, русской, курдско-езидской, греческой, осетинской, немецкой и других диаспор, руководитель ассоциации Михаил Айдинов отметил, что масс-медиа игнорируют проблемные вопросы, связанные с национальными меньшинствами страны. «К примеру, проведение конференции «Этнические меньшинства год спустя после Революции роз» и ряд других мероприятий остались практически без внимания СМИ. В большинстве случаев внимание заостряется не на проблемах этой категории населения, составляющего 16% от общего числа граждан Грузии, а высматриваются надуманные сепаратистские настроения, негативные факты» [3].

Понимание инертности сегодняшних властей в вопросе свободы слова присутствует и на политическом поле партийного строительства грузинского государства. Так, по мнению лидера Республиканской партии Грузии Л.Бердзенишвили, «нынешняя власть отказалась от дальнейшего развития демократии и самоуправления. Правящая политическая сила Грузии не собирается серьезно рассматривать стоящие перед страной проблемы и, подобно режиму Шеварднадзе, продолжает унижать, игнорировать и обманывать народ. Разница между ними в том, что при Шеварднадзе можно было говорить о существующих проблемах, а в условиях новой власти степень свободы слова значительно понизилась, о чем говорят и международные эксперты» [4].

Любое демократическое государство немыслимо без свободы слова и независимой прессы. Одновременно одним из основных реальных результатов демократических и правовых реформ в многонациональном гражданском обществе и государстве, связанных в том числе и с выполнением целого набора политических и юридических обязательств в рамках ОБСЕ и СЕ, является создание и укрепление внутригосударственных механизмов, гаран-

¹ С начала года Первый канал Грузинского телевидения вышел в эфир в обновленном режиме. Информационная программа «Моабе» заменена передачей «Мтавари» («Главное») – она вещает на грузинском, абхазском, осетинском, азербайджанском, армянском и русском языках.

тирующих недопущение использования СМИ и свободы слова для разжигания национальной розни, обеспечение прав национальных меньшинств. Постоянно актуализируемой темой, носящей приоритетный характер в политико-правовой деятельности таких организаций, как ОБСЕ и СЕ, является тема свободы слова с привязкой к обеспечению прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Необходимо отметить, что данная тема затрагивает реалии не только постсоветского пространства, но и сохраняет свою актуальность, требует постоянного внимания в ряде западноевропейских стран. Эта тема имеет в своей сфере такие вопросы, как право на изучение и использование родного языка, право на доступ к информации и ее распространение на родном языке, право на обращение к властям на родном языке, особенно в местах компактного проживания меньшинств, право на участие в управлении и принятии решений по вопросам, касающимся меньшинств.

2. Свобода образования и культуры. – Закон Грузии «Об образовании» 1997г. предоставляет лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, право на получение образования на родном языке. В 4 статье Закона говорится, что «Государство по рекомендации местных органов самоуправления создает условия для граждан Грузии, для которых грузинский язык не является родным, в создании таких учреждений или секторов базового или среднего образования, где обучение будет проводиться на их родном языке». В соответствии с Законом «О культуре» 1997г., государство обязуется создавать равные условия для культурного развития всех регионов (ст. 20).

Связь между правом на образование и правом на развитие собственной культуры однозначна. Человек не может без повышения собственного образовательного уровня достичь определенного «культурного статуса» в своих глазах и в глазах окружающего его общества. Также однозначна тесная и неразрывная связь между правом на образование и правом на изучение и пользование родным языком, наглядно присутствующая в сфере прав и свобод национальных меньшинств.

В сфере образовательных прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, действует положение рекомендательного характера ОБСЕ. Гаагские рекомендации по правам национальных меньшинств на образование 1996г. начинаются разделом с показательным названием «Дух международных документов». В нем обозначены принципы общеправового характера по защите национальных меньшинств и принципы специального приложения по отношению к праву на образование. К первым относятся: обязанность государств следовать международным документам, направленным на улуч-

шение положения лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и их обязанность последовательно придерживаться основных принципов равенства и недопущения дискриминации. Ко вторым можно отнести: принцип по предоставлению возможности полной реализации права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на сохранение своей самобытности «только в том случае, если они получают должное знание родного языка во время образовательного процесса», и принцип ответственности «интегрироваться в широкое национальное общество посредством приобретения достаточного знания государственного языка» (пункт 1). Принятие государством там, где это требуется, специальных мер для активного осуществления языковых прав меньшинств в области образования, с использованием максимума наличных ресурсов как самостоятельно, так и посредством международной помощи и сотрудничества – его обязанность (пункт 4).

Региональные и местные органы должны наделяться соответствующими полномочиями в области образования для меньшинств, что подразумевает содействие «участию меньшинств в процессе формирования политики на региональном и (или) местном уровне» (пункт 6).

На необходимость активного участия национальных меньшинств в формировании образовательных программ указывают Лундские рекомендации 1999г., которые проводят четкую компетенционную грань в данном вопросе между органами государственной власти и организациями национальных меньшинств: «С учетом того, что ответственность за установление стандартов в области образования несут органы государственной власти, организации меньшинств могут определять содержание учебных программ для преподавания языков соответствующих меньшинств, их культуры, либо и того и другого» (пункт 18).

По вопросу о необходимости существования четких, законодательно предусмотренных процедур образовательных программ Гаагские рекомендации лаконичны и предельно ясны: «Предоставляя лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, право создавать и поддерживать собственные образовательные учреждения, государства не должны препятствовать осуществлению этого права путем установления чрезмерно затрудненных юридических и административных процедур, регулирующих создание и управление этими учреждениями» (пункт 9).

Гаагскими рекомендациями предусмотрены образовательные права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на нескольких уровнях – от начального до высшего образования.

Очевидным является факт прямой зависимости социальной состоя-

тельности государства от образовательного уровня его населения. Однако если государство не обладает достаточными ресурсами для широкого доступа к высшим уровням образования всех слоев населения и национальных меньшинств в том числе, не менее очевидным является факт недопустимости установления произвольных уровней образования со стороны государства. К нуждам национальных меньшинств в образовательной сфере государство должно относиться с особой ответственностью и вниманием. Со своей стороны национальным меньшинствам следует выдвигать разумные требования, основывающиеся на таких факторах, как их собственная численность, демографическая плотность в конкретном регионе и/или местности, а также их возможности поддерживать жизнеспособность этих структур и учреждений. Связь между образованием, культурой и родным языком для национальных меньшинств получает свое емкое обозначение в пункте 19 Гаагских рекомендаций: «Ввиду важности и значения, которое международные документы придают межкультурному образованию, вниманию к истории, культуре и традициям меньшинств, государственные образовательные ведомства обязаны обеспечить включение изучения истории, культуры и традиций соответствующих национальных меньшинств в общие обязательные учебные программы. Поощрение представителей большинства к изучению языков национальных меньшинств, живущих в данном государстве, будет способствовать укреплению терпимости и культурного многообразия в государстве».

Европейские правовые стандарты в области образования для национальных меньшинств выражены в Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств 1992г. и Европейской рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995г. Первая в целом отводимой для положений в сфере образования статье 8 предусматривает четкую градацию образовательных уровней в увязке с изучением и использованием родного языка. Она также предусматривает полное преподавание на родном языке всех предметов на всех соответствующих стадиях образовательного процесса и ставит это в зависимость от того, что «число лиц, пользующихся региональным языком меньшинства, это оправдывает» (ч. 2, ст. 8). Рамочная конвенция 1995г. статьей 12 обязывает государства «обеспечивать равные возможности доступа к получению образования всех уровней для лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам».

Международно-признанным документом в сфере защиты прав и свобод человека – Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965г. – установлена общеправовая норма по принятию внутренних мер, в том числе и путем законодательного регулирования,

государствами: «Государства должны принимать, когда обстоятельства этого требуют, особые и конкретные меры в социальной, экономической, культурной и других областях, с целью обеспечения надлежащего развития и защиты некоторых расовых групп¹ или лиц к ним принадлежащим с тем, чтобы гарантировать им полное и равное использование прав человека и основных свобод» (ч. 2, ст. 2). Активная и незаменимая роль организаций национальных меньшинств, территориальных органов их самоуправления в сфере создания и управления своими образовательными учреждениями обоснована в документах международного права². Также признанным и обоснованным является следующий принцип: хотя у государства есть право наблюдать за этим процессом (имеется в виду процесс создания и управления национальным меньшинством своих образовательных учреждений) с административной точки зрения и в соответствии с его собственным законодательством, оно не должно препятствовать осуществлению этого права, предъявляя необоснованные требования, которые могут сделать практически невозможным для национальных меньшинств создание своих собственных образовательных учреждений. Тенденция придания образованию особого места в системе защиты прав и свобод национальных меньшинств очевидна в большом количестве международно-правовых документов современности. Согласно этим документам, образование необходимо не только для обеспечения академической или технической подготовки, но также и для утверждения таких ценностей, как терпимость, плюрализм, непримиримость к расизму.

Документы международного права возлагают главную ответственность в деле утверждения указанных ценностей и целей образования на государства, в которых проживают национальные меньшинства. В этих государствах вопрос цивилизованного межэтнического проживания и гармонии является жизненно важным для их внутренней стабильности и эффективной международной социализации. Такое совместное проживание и гармония выступают, помимо прочего, важным фактором в сохранении мира и стабильности в данном регионе. Нынешняя внутренняя обстановка в сфере образовательных прав национальных меньшинств Грузии далека от стандартов, обозначенных выше. «Как и в советское время, государство обеспечивает наиболее круп-

¹ В настоящей Конвенции выражение «расовая дискриминация» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках... национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление... прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни» (ч. 1, ст. 1).

² Например, ст. 13 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995г.: «1. В рамках своих систем образования участники признают, что лица, принадлежащие к национальному меньшинству, имеют право учреждать и организовывать свои собственные частные заведения для целей образования и профессиональной подготовки».

ным этническим меньшинствам возможность получения среднего образования на родных языках – в частности, русском, армянском, азербайджанском, осетинском – практика, которую саму по себе следует только приветствовать. В частности, в Грузии 141 азербайджаноязычная школа и 8 независимых азербайджаноязычных секторов при школах, 133 армяноязычные школы и 20 секторов, 87 русскоязычные школы и 152 сектора, а также 10 осетиноязычных секторов. Однако при этом концепция обучения в негрузиноязычных школах практически никак не изменилась по сравнению с советским временем. Более того, часто обеспечение учебниками в таких школах зависит от доброй воли соседних государств. В результате обучение в этих школах никак не готовит молодых людей к тому, чтобы они стали полноценными гражданами Грузии, наоборот, скорее способствует воспроизведению уже в новом поколении той отчужденности или геттоизации, которая является основной проблемой этнических меньшинств» [1, с. 72-73].

Защита прав и свобод национальных меньшинств требует комплексного подхода, находящего свое выражение в признании и обеспечении, гарантированности личных, политических и социально-экономических прав человека и гражданина. Право на образование следует отнести к важнейшему виду социальных прав лиц, проживающих в государстве, которое, в свою очередь, несет главную ответственность за признание и обеспечение данного права. Для того чтобы лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, преодолели состояние отчужденности и «геттоизации» необходимы первоочередные усилия государства их гражданства, причем усилия комплексного и системного характера, направленные на реальное обеспечение не только социальных, но и политических прав граждан.

Человек отдаляется от государства, его гражданская позиция в обществе маргинализируется, между двумя субъектами права (человеком-гражданином и государством) создается ситуация дистанцированности тогда, когда в данном государстве нет не только четких и эффективных механизмов реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, но отсутствует само законодательное признание и регулирование прав человека, принадлежащего к национальному меньшинству. Гражданственная отчужденность накладывается на этническую, одно усиливает другое, и в итоге правовой статус гражданина государства «теряется» на фоне фактического, но до сих пор законодательно не закрепленного статуса – статуса лица, принадлежащего к национальному меньшинству. Другими словами, отсутствие правовой урегулированности и защищенности статуса лица, принадлежащего к национальному меньшинству, приводит к столкновению этнической и гражданской принадлежности, чело-

век ощущает свою этническую идентификацию в первую очередь, гражданская же относимость, если и присутствует, то только на второстепенных ролях. Сломать эту негативную для стабильности любого государства тенденцию можно исключительно правовым инструментарием, продуманной политикой, в том числе (и возможно прежде всего) в области образования.

Неразрывность языка, образования и активной гражданской позиции лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, их правовая обеспеченность и гарантированность со стороны государства – необходимый элемент демократической многонациональной страны.

Реальность же Грузии указывает на то, что «государственные учреждения работают исключительно на грузинском языке, почти не осталось возможностей получить высшее образование на языках меньшинств, крайне трудно найти работу, не зная грузинского, средства массовой информации почти исключительно используют грузинский. Это значит, что через систему негрузинских школ государство выталкивает собственных будущих граждан из общества, отказывает им в шансе на достижение успеха в собственной стране» [1, с. 91].

Считаем необходимым заметить, что «выталкивание собственных будущих граждан» происходит скорее не через систему негрузинских школ, а через обозначенную грузинским экспертом систему исключительного или почти исключительного использования государственного языка Грузии во всех сферах активной гражданской позиции человека. Тем не менее, мы разделяем следующую позицию Г.Нодия: «Справедливо, что государство создает для сравнительно крупных меньшинств гарантии получения среднего образования на их родном языке – причем не в виде разрешения или лицензирования частных школ на этих языках (что само собой разумеется), но в смысле финансирования таких школ. Представители меньшинств должны иметь реальную возможность сохранить свою культурную и языковую самобытность через систему образования. Поэтому система негрузинских школ должна быть сохранена в принципе. Однако, если это государственные школы, они одновременно обязаны готовить будущих граждан Грузии, которые смогут учиться в грузинских университетах (т.е. на грузинском языке), работать в грузинских организациях, служить в грузинской армии..., т.е. полноценно функционировать и конкурировать в грузинском обществе» [1, с. 93].

К конкретным шагам по налаживанию необходимого и постоянного диалога между национальными меньшинствами и государством можно отнести инициативу министерства образования Грузии, которая была озвучена на состоявшейся в конце января 2005г. конференции «Национальные меньшин-

ства: год спустя после Революции роз». Организовавшее конференцию ОДМГ откликнулось на высказанную министерством инициативу и со своей стороны предложило создать при нем консультативную группу, укомплектованную квалифицированными представителями этнических меньшинств, которая с соответствующими структурами министерства примет участие в разработке концепции развития негрузинских школ и их учебных программ [5].

3. Свобода религии. – Можно выделить четыре основные интеллектуальные сферы, «в которых заключены важнейшие человеческие ресурсы оптимизированного социокультурного и, стало быть, социоэкономического развития на самых различных уровнях: внутриличностном, групповом, локальном, региональном и, наконец, глобальном» [6].

Эрвин Ласло к этим сферам, помимо науки и искусства, относит религию и образование [7].

В Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981г.) говорится, что «никто не должен подвергаться дискриминации на основе религии или убеждений со стороны любого государства, учреждения, группы лиц или отдельных лиц» (ст. 2) и «дискриминация людей на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности и отрицанием принципов Устава ООН и осуждается как нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека и подробно изложенных в Международных пактах о правах человека, и как препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами» (ст. 3).

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950г. указывает: «1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедать свою религию или убеждения как индивидуально, так и совместно с другими лицами, публичным и частным порядком, в богослужении, учении и отправлении религиозных и ритуальных обрядов. 2. Свобода исповедовать свою религию или свои убеждения подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц» (ст. 9).

Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995г. в императивном порядке закрепила ответственность государств в сфере защиты свободы религии: «Участники обязуются признать, что каждое лицо, при-

надлежащее к национальному меньшинству, имеет право исповедовать свою религию или убеждения и создавать религиозные заведения, организации и ассоциации» (ст. 8).

Право на свободу религии является частью правового комплекса защиты прав и свобод человека. Когда ущемляются религиозные права национального меньшинства в какой-либо стране, то это указывает не только на неправоовой характер данного государства, его недемократичную природу, но и на его недостаточную цивилизованность. Религиозная толерантность особенно актуальна и востребована в наше время. Непризнание или ограничение религиозных прав и свобод¹, если они осуществляются в рамках внутреннего законодательства в строгом соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, взятыми государством международными обязательствами², недопустимо. Международные наблюдатели указывают, что религиозные права, к примеру, армян Грузии мало подвержены дискриминации, ввиду многовекового проживания грузин и армян бок о бок, а также ввиду близости двух конфессий по своим христианско-догматическим принципам. В итоге делается вывод, что армяне в Грузии больше дискриминируются по национальному, чем по религиозному признаку [8]. Однако череда последних событий вокруг историко-религиозных памятников армян Грузии дает нам основания усомниться в этом. На упоминавшейся пресс-конференции Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии, которая прошла в начале 2005г., оценка данных событий со стороны представителей армянского национального меньшинства прозвучала жестко, но справедливо: «Довольно остро звучало выступление руководителя Союза грузинских армян «Нор Серунд» («Новое поколение») Мари Микоян. Она коснулась и нашумевшей темы, касающейся армянской церкви в Тбилиси Норашен, которую осквернили вандалы. Некоторые радикальные призывы, в том числе со стороны духовных лиц, не способствуют положительным процессам в обществе. Такое отношение нельзя представить в цивилизованных странах» [3].

¹ В соответствии со статьей 6 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981г. право на свободу мысли, совести и религии или убеждений включает, в частности, следующие свободы: отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей; производить, приобретать и использовать в соответствующем объеме необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями; писать, выпускать и распространять соответствующие публикации в этих областях; вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели; соблюдать дни отдыха и отмечать праздники и отправлять обряды в соответствии с предписаниями религии и убеждений; устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях и другие.

² Не осуществляется пропаганда религиозной нетерпимости, подрыв конституционного строя государства и другие условия, например, указанные в части 2 9 статьи Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950г.

По отношению к другим национальным меньшинствам центральное руководство Грузии пытается сделать встречные шаги. Так, как заявил президент Грузии М.Саакашвили во время своей поездки в места компактного расселения азербайджанского населения страны (март 2005г., Земо Ведзиси), «мусульманские религиозные праздники в Грузии будут объявлены выходными» [9].

Итак, довольствоваться общими принципами защиты прав национальных меньшинств в Грузии не приходится, особенно, если они не находят своей конкретизации в законодательных актах, непосредственно регулирующих права и свободы национальных меньшинств и соответственно не предусматривают четких механизмов их реализации и гарантий обеспечения. Фиктивное провозглашение и вытекающее отсюда выборочное обращение внимания на тот или иной аспект защиты прав и свобод национального меньшинства подразумевают политический контекст, используемый внутренними и внешними силами, далекими от реального улучшения состояния правовой защищенности меньшинств Грузии.

3. Местное самоуправление и защита прав национальных меньшинств: международные подходы – грузинская действительность

Реальное обладание правами и свободами и реальная защита со стороны внутригосударственных властей и внешних сил может последовать при условии реального и эффективного обладания национальным меньшинством властных полномочий хотя бы местного значения.

Последнее предполагает взятие на себя ответственности за реализацию определенной части публичных дел на конкретной территории. Речь идет о территориальном самоуправлении национального меньшинства, с помощью которого оно становится качественно новым субъектом внутригосударственного политико-правового порядка. В данном случае к национальному меньшинству будут относиться не как к сумме разрозненных индивидов, претендующих лишь на индивидуальную защиту своих прав и свобод, а как к системе, политико-правовому коллективу со своими полномочиями, вытекающей из них компетенцией и корреспондирующей ей ответственностью за надлежащее своему статусу управление. Право на территориальное самоуправление тесно связано с правом на политические ассоциации граждан. Свобода ассоциации для лиц, принадлежащих к национальному меньшинству, гарантирована согласно пункту 32.6 Копенгагенского документа СБСЕ 1990г. и статьи 7 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995г. В пункте 24 раздела VI Хельсинкского документа СБСЕ 1992г. указывается

на обязательство государств-участников Организации обеспечивать «свободное осуществление принадлежащими к национальным меньшинствам лицами, на индивидуальной основе и совместно с другими, своих прав человека и основных свобод, включая право в соответствии с демократическими процедурами в полной мере участвовать в процессе принятия решений каждого государства в политической, экономической, социальной и культурной жизни своих стран, в том числе на основе демократического участия в работе директивных и консультативных органов на национальном, региональном и местном уровнях, в частности, в рамках политических партий и ассоциаций».

Создание политических партий этнических меньшинств в Грузии встречает противодействие. Грузинская политическая элита отрицательно относится к идее политических партий этнических меньшинств. «Создание таких партий рассматривается как шаг к сепаратизму, территориальному, либо психологическому» [1, с. 86].

Грузинские власти своими эффективными правоустанавливающими и правореализующими действиями должны показать принципиальную бесперспективность таких партий, которые по определению находятся в противоречии с самим смыслом политических ассоциаций в развитых демократических странах – они должны создаваться и действовать на идеологической основе, а не на этнических размежеваниях. Инициативы по созданию таких партий нам видятся в свете индифферентного отношения центральной власти Грузии к защите прав и свобод национальных меньшинств, и, соответственно, они сразу же пойдут на спад и возможно совершенно исчезнут, если национальные меньшинства почувствуют реальность законодательной защищенности своего статуса, действенность внутригосударственных механизмов обеспечения этого статуса. В таком случае, партии этнических меньшинств трансформируются из политического русла в направление общественных объединений, которые помогают в развитом гражданском обществе обсуждать свои проблемы и являются для правового демократического государства своего рода показателями состояния дел в сфере защиты прав и свобод национальных меньшинств. Однако реалии политического поля Грузии и недостаточная правовая обеспеченность и защищенность национальных меньшинств указывают на долгосрочность осуществления этого наиболее целесообразного для многонационального государства положения. За 13 лет, прошедших между последними переписями, удельный вес этнических меньшинств почти уполовинился – с 30 до 16%. В парламенте лишь 6% депутатов представляют национальные меньшинства. В Тбилисском сакребуло (городское правление) их нет вовсе. В регионах компактного проживания в местных законодательных собраниях в лучшем случае по одному или по два депутата [2].

В парламенте созыва 1999г. было 14 депутатов из числа меньшинств (те же 6%), причем все они были из правящей партии Союз Граждан Грузии, и уровень их реального участия в парламентской жизни был минимален (большинство из них никогда не выступало на сессиях парламента по той простой причине, что они не знали грузинского языка, на котором работает парламент Грузии) [1, с. 65].

Политические партии этнических меньшинств Грузии в нынешних условиях могут сыграть положительную роль в вопросе единого и целенаправленного разъяснения, отстаивания и лоббирования своих общих интересов в диалоге с законодательной и исполнительной властью республики.

Избирательная процедура Грузии в отношении прав национальных меньшинств отличается своей недемократичностью. Европейские правовые стандарты указывают на обязательство государств гарантировать права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на участие в государственных делах, включая право голоса и право баллотироваться на выборные должности на недискриминационной основе. Европейская рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995г. в статье 16 указывает: «участники воздерживаются от принятия таких мер, которые влияли бы на структурный состав населения в районах проживания лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и были бы направлены на ограничение прав и свобод, вытекающих из принципов, закрепленных в настоящей Рамочной конвенции».

Далее, Лундские рекомендации ОБСЕ 1999г. отмечают, что «в случаях компактного проживания меньшинств их достаточное представительство может быть обеспечено путем создания одномандатных округов», а также «представленности меньшинств могут способствовать пропорциональные избирательные системы» (пункт 9). До внесения изменений в Закон Грузии «О местном самоуправлении и управлении» (поправки конца 2001г.) выдвижение кандидатов в органы местного самоуправления было возможно только по партийным спискам, что не позволяло компактно проживающим национальным меньшинствам выдвигать своих кандидатов на местах. Однако, закон в новой редакции, ликвидировав этот пробел, обозначил произвольное формирование избирательных участков, при котором, например, в Ахалкалакском районе каждый грузинский населенный пункт имеет одно сакребуло (сельское правление) и столько же имеют 4-5 объединенных армянонаселенных пункта. Данная диспропорция отражается на реальных правах по управлению местными вопросами, так как орган управления районного уровня (управа района) создается из председателей всех сельских правлений (сакребуло). Таким образом, происходит искусственное снижение числа депутатов-армян на районном уровне [10].

На данном примере видно, что грузинские власти, с одной стороны, пользуясь пробелами и несоответствиями внутреннего законодательства европейским демократическим нормам избирательного права, а с другой – по своему интерпретируя действующие нормы законов, проводят дискриминационную политику в отношении избирательных прав национальных меньшинств страны. Политика искусственного вмешательства в демографические показатели регионов является атрибутом современной государственности Грузии¹. Данное вмешательство не ограничивается только искусственными (произвольными) территориальными приращениями грузинских населенных пунктов и соответствующим размежеванием населенных пунктов компактного проживания национальных меньшинств, оно также проявляется в формах нетерриториального самоуправления.

Международные акты категорически не приемлют такого подхода и однозначно исходят из обязанности государств признавать демографические реалии регионов, находящихся под их юрисдикцией. Это подразумевает, что государства не предпримут попыток избежать выполнения своих обязательств, изменяя демографические реалии регионов.

Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств 1992г. обязывает государства уважать географический район «каждого регионального языка или языка меньшинства для обеспечения того, чтобы существующее или новое административное деление не создавало препятствий распространению данного языка» (ч. 1, ст. 7).

Территориальные аспекты указанного вмешательства государства в демографические показатели региона находят свое выражение через искусственные административно-территориальные объединения или разделения. Особенно негативно это сказывается на правах национального меньшинства в сфере территориального самоуправления. Европейская хартия местного самоуправления 1985г. в статье 5 «Защита границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление» указывает, что «изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается только с учетом мнения населения соответствующих территорий, в том числе путем проведения референдума там, где это допускается законом». Хотя проведение референдума ставится в зависимость от внутреннего законодательства, тем не менее, смысл статьи заключается в обязательности учета мнения местного населения.

¹ На форуме «Национальные меньшинства: год спустя после Революции роз» председатель Союза греков Грузии Кириак Иорданов заявил, что за последние несколько недель в Цалском районе Грузии резко обострились отношения между греками с одной стороны, аджарцами и сванами – с другой: «В январе в разных селах района со стороны аджарцев и сванов были сожжены более 15 домов и хлевов, принадлежащих грекам. Из 37 тыс. греков в Цалке сегодня осталось 2 тыс., в основном люди преклонного возраста. В любой момент аджарцы и сваны могут навредить оставшимся здесь грекам. Никто их не накажет. Не случайно, что они захватили около 2000 греческих домов в Цалке».

В вопросе местного самоуправления необходимо иметь в виду основные конституционные и законодательные принципы и нормы действующего права Грузии. Государственно-территориальное устройство Грузии не определено конституционными нормами. Конституция 1995г. сформулировала принцип его возможного определения: «Государственно-территориальное устройство Грузии будет определено конституционным законом на основе принципа разграничения полномочий после полного восстановления юрисдикции Грузии на всей территории страны» (ч. 3, ст. 2). Можно предположить, что будущая форма государственного устройства Грузии будет включать как унитарные, так и федеративные начала, причем реальную наполняемость последних планируется осуществить путем разграничения полномочий, в особенности по отношению к тем территориям «конституционного закрепления»¹, которые на сегодня фактически не контролируются центральными властями. В отношении же тех территорий, которые не изъявили желания и не предприняли действий по невхождению в государство Грузия, можно предположить унитарный принцип вертикального разграничения полномочий между центром и регионами.

Статья 2 Конституции в части 4 говорит о вопросах местного значения, которые «граждане Грузии решают посредством местного самоуправления без ущерба для суверенитета государства». В подтверждение указанного выше федеративного и унитарного понимания будущих государственно-правовых реформ Грузии ст. 2 Конституции указывает: «Порядок создания, полномочия органов местного самоуправления и их отношения с государственными органами определяются органическим законом». Схожесть конституционно-федеративного и органически-унитарного подхода проявляется в упоминании полномочий, которыми будут наделены власти на местах. Продолжением конституционной логики грузинского законодателя является непосредственно следующая за этим статья 3 Конституции, в которой перечислены сферы и вопросы исключительного ведения высших государственных органов Грузии.

На важность разграничения полномочий между центральными и местными властями как на принцип эффективности местного самоуправления указывает Европейская хартия местного самоуправления 1985г.: «Осуществление публичных полномочий, как правило, должно преимущественно воз-

¹ «Грузия – независимое, единое и неделимое государство, что подтверждено референдумом, проведенным 31 марта 1991г. на всей территории страны, включая Абхазскую АССР и бывшую Юго-Осетинскую автономную область, и Актом о восстановлении государственной независимости Грузии от 9 апреля 1991г.» (ч. 1, ст. 1);

«Территория грузинского государства определена по состоянию на 21 декабря 1991г.» (ч. 1, ст. 2 Конституции Грузии 1995г.).

лагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам. Передача какой-либо функции какому-либо органу власти должна производиться с учетом объема и характера конкретной задачи, а также требований эффективности и экономии» (ч. 3, ст. 4).

На это указывают и Лундские рекомендации 1999г.: «Накопленный в Европе и за ее пределами опыт указывает на целесообразность передачи некоторых полномочий законодательной и исполнительной власти с центрального уровня на региональный, что не должно ограничиваться простой децентрализацией государственного аппарата и рассредоточением его функций по региональным или местным подразделениям», и далее, там же: «В свете принципа субсидиарности государствам следует в позитивном ключе рассматривать возможность такого территориального делегирования полномочий, включая конкретные функции самоуправления, – особенно в случаях, когда это расширяло бы возможности меньшинств по самостоятельному решению касающихся их вопросов» (пункт 19).

Действующий Закон Грузии «О местном самоуправлении и управлении» от 16 октября 1998г. №29 в статье 6 устанавливает разделение полномочий органов местного самоуправления на обязательные и собственные. В свою очередь обязательные полномочия подразделяются на исключительные и делегированные. В законе установлено, что собственные полномочия органов местного самоуправления составляют все те вопросы, которые не входят в предметы ведения государственных органов власти и составляют вопросы местного значения. Тем самым, собственные полномочия по смыслу положений статьи 6 закона устанавливаются и осуществляются в соответствии с принципом субсидиарности.

Статья 7 Органического закона №29 закрепляет исключительные и делегированные полномочия местных органов власти. Так, если к исключительным полномочиям, исходя из смысла данной статьи, относятся решение вопросов газоснабжения местного населения, а также осуществления контроля за мелиорационной системой конкретной территории и лесопарковых зон, то к делегированным полномочиям отнесены сбор местных налогов, регистрация актов гражданского состояния, призыв граждан на военную службу и другое. Итак, если исходить из обозначенных в законе полномочий местных органов власти, то большинство из них имеют как местное, так и общегосударственное значение. Отвлекаясь от юридическо-технических аспектов названий и разделений полномочий по органическому закону №29 (например, если полномочие является собственным, то оно уже предполагает понятие исключительности), необходимо отметить в целом правовую полезность детального обозначения и конкретного разграничения полномо-

чий между центральными и местными властями. Однако необходимо помнить, что вопросы полномочий между центром и регионами не должны отрываться от национальных интересов преобладающего населения на тех территориях, где осуществляется самоуправление. Сами органы местной, региональной или, тем более, автономной администрации должны быть сформированы с учетом исторической и территориальной специфики конкретных национальных меньшинств (пункт 20 Лундских рекомендаций 1999г.). То есть, при самом процессе образования данных структур не должны нарушаться права и свободы национального меньшинства, имеющего к тому же исторические и территориально объективные основания к своей особой защищенности. Только будучи демократично образованными, структуры территориального самоуправления могут эффективно реализовывать закрепленные за ними полномочия.

Над избирательной реформой Грузии, направленной на устранение указанных выше негативных положений и практики реализации нынешней избирательной системы республики, работают и представители организаций национальных меньшинств. Они указывают на необходимость такой модели, которая обеспечит интересы всех слоев населения в парламенте, в том числе полноценное представительство интересов этнических меньшинств. Так, ОДМГ завершило выработку «Предложений по реформированию избирательной системы Грузии» (авторы: Хатуна Лагазидзе, Софья Гомелаури) и представило их на обсуждение экспертного сообщества. Главным лейтмотивом данных Предложений выступает следующая мысль: «Существующая избирательная система с высоким избирательным барьером, категоричным методом голосования, смешанным мажоритарно-пропорциональным принципом, с единым закрытым избирательным списком в масштабе целой страны, одномандатными округами, методом выведения избирательной квоты и системой распределения мандатов – жесткая и относительно негибкая. Она более пригодна в условиях развитого гражданского общества и политического спектра, когда в основном более или менее равносильные политические силы оказывают друг другу конкуренцию, и в обществе существует долгая традиция осознанного выбора. В наших же условиях, существующая избирательная система никак не способствует развитию, улучшению существующего политического спектра и тенденции выявления в ней новых сегментов». Авторы Предложений отмечают, что «избирательная реформа напрямую связана с вопросом реформы административного и территориального устройства государства» [11].

С нашей стороны, считаем необходимым указать также на связь избирательной системы с кадровой политикой государства. Вообще, все катего-

рии политических прав граждан так или иначе находятся в тесной взаимосвязи, дисбаланс которой приводит к нарушению или ограничению прав личности. Эксперты отмечают необходимость создания гарантий участия представителей этнических меньшинств в процессе кадровой реформы. Руководство Грузии пытается улучшить положение в данной сфере¹.

Однако «до сих пор в результате реформ в административных и правоохранительных структурах число представителей меньшинств вопреки ожиданиям еще больше уменьшилось, что подтверждают тенденции, свидетельствующие, что для большинства представителей этнических меньшинств престижные социальные ниши закрыты» [5]. Право на участие в управлении и принятии решений по вопросам, касающимся национальных меньшинств, «имеет особо важное значение, поскольку непосредственно связано с участием представителей меньшинств в органах исполнительной и судебной власти, а также в выборах в органы законодательной власти на всех уровнях и с реализацией важной в этом плане Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы N1500 (2001) («Участие иммигрантов и иностранных резидентов в политической жизни государств-членов Совета Европы»), принятой ПАСЕ в январе 2001г.» [12].

В ходе последней зимней сессии ПАСЕ приняла резолюцию, в которой подвергла критике грузинские власти. В документе Грузия характеризуется как страна, где президент наделен значительными полномочиями, нет парламентской оппозиции, существует слабое гражданское общество, недостаточно свободна судебно-правовая система, неразвита или практически полностью отсутствует местная демократия. ПАСЕ призвала власти страны позитивно относиться к диалогу, прислушиваться к советам и привлекать общественность к обсуждению животрепещущих вопросов. В связи с этим резолюция подчеркивает, что в нынешней обстановке это одно из ключевых требований, которое обуславливает успех проводимых реформ. ПАСЕ установила сроки для выполнения Грузией своих обязательств в сфере защиты прав и свобод человека и правовой защищенности национальных меньшинств: необходимо до сентября 2005г. подписать и ратифицировать Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств 1992г. и Европейскую рамочную конвенцию о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей 1980г.; до сентября 2005г. ратифицировать пересмотренную Европейскую социальную хартию 1996г. и Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств 1995г.

¹ Президент Саакашвили в марте 2005г. сообщил, что начнется прием азербайджанской молодежи в административную школу, выпускники которой будут использованы на службе в госструктурах: «Нам нужны таможенники всех национальностей, а также налоговые инспекторы, полицейские, губернаторы, руководители районных администраций и даже президент, если народ его изберет».

В отношении местного самоуправления ПАСЕ призвала страну завершить территориальную и административную реформы ко времени проведения очередных местных выборов и обеспечить их соответствие Европейской хартии местного самоуправления, особенно в том, что касается выборов всех мэров.

Определенное влияние на проводимую центральными властями Грузии политику в отношении национальных меньшинств могут оказать встречи руководителей и представителей организаций этнических общин республики. В начале 2004г. по инициативе ОДМГ состоялась встреча руководителей этнических общин Грузии, в том числе с регионов Самцхе-Джавахети и Квемо-Картии, на которой обсуждался законопроект «О правах и свободах национальных меньшинств в Грузии». Были озвучены предложения по введению системы квотированного представительства национальных меньшинств в процесс осуществления законодательной власти и исполнительного управления, законодательного порядка регистрации политических партий для национальных меньшинств, а также по созданию структуры организаций национальных меньшинств непосредственно при президенте Грузии, с правом избирать представителей меньшинств в парламент страны. В конце января 2005г. в Тбилиси по инициативе ОДМГ прошел форум, посвященный положению национальных меньшинств после смены поколений власти в Грузии. Докладчики¹ были единодушны в том, что, несмотря на существенные изменения в стране, национальные меньшинства после грузинской революции продолжают пребывать в той же ситуации, что и при власти Шеварднадзе.

Особое недовольство, например, азербайджанской общины вызвало обучение в азербайджанских школах истории и географии на грузинском языке². Недовольство также было выражено тем, что до сих пор не предпри-

¹ Председатель организации азербайджанской общины «Грузия – моя родина» Али Бабаев, директор Ахалкалакского центра реформ и содействия развитию демократии Арарат Есаян, представитель осетинской общины Тенгиз Гаглоев и другие.

² Вспышки недовольства среди азербайджанского населения Грузии в конце 2004г., вызванные несправедливой земельной политикой властей страны в их отношении, указывают на еще один потенциальный очаг межнационального разобщения. «Грузия является нашей родиной, и азербайджанцы, проживающие здесь, являются гражданами этой страны. Мы ни в коем случае не хотим вмешательства Азербайджана во внутренние дела Грузии», – заявил председатель движения «Гейрат» Алитан Аскеров, добавив, однако, что «проблемы азербайджанцев в Грузии очень серьезны и завтра они могут превратиться в проблемы Азербайджана» (декабрь, 2004г.). По его мнению, власти Грузии не изменили своего отношения к азербайджанскому населению, продолжая считать азербайджанцев чужаками. Поэтому, несправедливое отношение к ним, которое проявилось еще со времени земельной реформы в 1996г., не изменилось. Аскеров заявил, что именно несправедливый раздел земли является главной причиной обострения ситуации, поскольку власти Грузии отобрали принадлежащие населению азербайджанских сел Гачаган, Гуллар и Садахлы земли и передали их грузинским структурам. «Хотя события последних месяцев в Грузии, связанные с азербайджанским населением, происходили не исключительно на национальной почве, это может оказать воздействие на отношения Баку-Тбилиси», – об этом агентству «Тренд» сообщил руководитель правления Народного движения «Гейрат», житель Борчалинского района Грузии Шамиль Мурадов (февраль, 2005г.). «В Грузии среди азербайджанцев господствует безработица, единственным средством существования является земля, и когда ее нет, возникновение конфликтов на этой почве естественно». По его мнению, правительство Грузии не желает выделять землю негрузинам, и по этой причине возникают конфликты: «Если закон не един для всего населения Грузии, то мы его никогда не признаем».

няты реальные меры по улучшению экономического положения меньшинств в отдельных регионах их компактного проживания. Так, говоря о положении в Джавахке, Арарат Есаян отметил, что «после смены центральной власти в Тбилиси единственным изменением в Ахалкалаки является смена местной власти и ничего более» [13].

Международно-правовые принципы и нормы в сфере защиты прав национальных меньшинств абсолютно чётко подчёркивают необходимость наделения меньшинств широкими властными полномочиями на местном уровне, в тех областях общественно-политической и социально-экономической жизни, где интересы меньшинства требуют дополнительной защиты и где такие факторы объективного характера, какими являются компактность, численное преобладание и определяющая роль в жизни региона, указывают на способность национальных меньшинств эффективно осуществлять местное самоуправление.

Заключение

Для того чтобы высшая политическая власть могла обладать верховной, единой и независимой властью на территории своего государственно-правового распространения суверенитета, она обязана признавать и обеспечивать, гарантировать и защищать права и свободы человека. В многонациональном государстве, когда кроме титульной (государствообразующей) нации, обладающей количественными и качественными (исторические права, способности и возможности по налаживанию цивилизованной демократической государственности и др.) прерогативами формирования государства, существуют национальные меньшинства, имеющие право на свой вклад в формирование и развитие гражданского общества и демократизацию страны, должна в обязательном порядке действовать система эффективных правовых стандартов защищенности национальных меньшинств. Только после реальности и действенности данных стандартов можно говорить о состоятельности государства в политическом и тем более правовом плане. Таким образом, если для государствообразующего этноса (титульной нации) восприятие международно-правовых стандартов защиты прав и свобод национальных меньшинств и их становление во внутригосударственной практике является обязанностью, то для национального меньшинства требование данного установления и эффективное развитие указанных стандартов является правом, а обязанностью выступает законопослушное развитие в рамках демократического государства, защищающего его права и свободы, гарантирующего ему безопасную жизнедеятельность. Любое отступление от данной взаимосвя-

занной и взаимообусловленной системы соблюдения прав и обязанностей, носящее широкомасштабный, продолжительный и вероломный характер, приводит к изменению требований национального меньшинства с социально-экономического, культурно-образовательного, религиозного и языкового вектора на вектор политически отдельного пути собственного развития.

Единственное, что может спасти надежду на восстановление территориальной целостности многонациональной республики – это построение жизнеспособного демократического общества, где закрепление и уважение прав и свобод национальных меньшинств является тем путем, через который только и возможно восстановление межнационального диалога и выход на уровень мирной мобилизации ресурсов всех наций и народностей грузинского государства. Восстановление целостности государства необходимо проводить не силовыми методами из военно-политического арсенала и не упованием на благоприятное для себя вмешательство извне, а правовыми методами и социально-экономическими средствами, которые подразумевают широкую, реальную и эффективную вовлеченность всех внутренних и внешних сил доброй воли.

Октябрь, 2005г.

Источники и литература

1. *Нодиа Г.*, Полиэтничность Грузии: факт, отношение к нему и политическая стратегия. // Одно общество, много этносов: Этническое многообразие и гражданская интеграция в Грузии, Кавказский институт мира, демократии и развития, Тб., 2003.
2. *Гвенцадзе М.*, Билингвализм – языковая политика Грузии?, Многонациональная Грузия, №2 (февраль), 2005.
3. *Джуфалакян А.*, Полиэтничность – богатство Грузии, Многонациональная Грузия, №2 (февраль), 2005.
4. *Крылов А.*, Год Саакашвили у власти, www.novopol.ru, 25.01.2005.
5. *Адеишвили А.*, Для представителей этнических меньшинств престижные социальные ниши закрыты, Многонациональная Грузия, №2 (февраль), 2005.
6. *Рашковский Е.*, Религиозная сфера и интеллектуальные ресурсы человеческого развития, Мировая экономика и международные отношения, 2002, №10, с. 42.
7. *Ласло Э.*, Постигание изменяющегося мира. Век бифуркации. М., 1995.
8. Civil and Political Rights, Including the Questions of Religious Intolerance. Report by Mr. Abdelfattah Amor, Special Rapporteur on Freedom of Religion or Belief. Addendum: Visit to Georgia. E/CN.4/2004/63/Add.1 16 December 2003. p. 11.
9. Голос Армении, 24.03.2005.

10. Новикова Г., Дашко В., Самцхе-Джавахети: в эпицентре интересов, Грузия: проблемы и перспективы развития, РИСИ, т. II, М., 2002, с. 235.
11. Многонациональная Грузия, №2 (февраль), 2005.
12. Яковенко А., Свобода слова в России и Европе, Международная жизнь, 2001, №5, с. 19.
13. Шакарянц С., Абхазия, Южная Осетия и далее по Грузии..., Голос Армении, 12.03.2005.

GEORGIA'S NATIONAL MINORITIES' INTERNATIONAL AND DOMESTIC MEASUREMENTS IN PROTECTING THEIR RIGHTS AND LIBERTIES

Michael Aghajanyan

Resume

The political processes in the region of South Caucasus have a huge dynamic potential which indicates both the transience of the processes and their unpredictable character in many respects. It is particularly visible in assessing ethnical dimension of the region's trouble spots. It is possible that one of the reasons that these processes are out of control is their alienation from the legal field, which, as practice of many multiethnic European nations has shown, causes invaluable stability and the possibility to solve all the problems concerning conflict parties by means of efficiency and mutual recognition. All the more, if the following problems have inner conflict characteristics generally, then by definition they must be solved by means of legal proceedings given the existence of political will on the part of all the parties concerned.

Georgia's national minorities do not see themselves as being outside of the republic's democratic and legal framework, which is called to shield their constitutional rights and liberties as well as support their international-legal obligations. But they imagine their future outside the infringer country violating their internationally recognized rights and liberties. The protection of the national minorities' rights is not an end in itself; it's a way to overcome the person's alienability from the state. The given way is especially indispensable in Georgia's present condition, as the latter is striving to find bearings for its consolidation and further development.

КРАСНЫЙ КУРДИСТАН: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ И УПРАЗДНЕНИЯ

Давид Бабаян

Одним из наиболее странных и во многом все еще недостаточно изученных административно-территориальных образований на Южном Кавказе является Красный Курдистан. Между тем изучение причин создания и упразднения данного образования имеет очень важное значение не только с исторической, но и с политической точки зрения, тем более что это непосредственно связано с урегулированием нагорно-карабахского конфликта. В настоящей статье будут представлены история создания Красного Курдистана, этнополитическая ситуация в данном образовании, а также затронуты геополитические аспекты создания и упразднения вышеуказанного образования.

16 июля 1923г. указом президиума Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Азербайджанской ССР (председатель – С.Киров) был образован Курдистанский уезд. С этого дня начал свое недолгое формальное существование Красный Курдистан. До этого в течение четырех пленарных заседаний (21–22 октября, 30 декабря 1922г. и 13 января 1923г.) ЦИК Азербайджанской ССР так и не сумел решить этот вопрос ввиду разногласий по границам будущего уезда, и лишь 7 июля было принято решение о его создании. Курдистанский уезд располагался между Нагорным Карабахом и Арменией и включал в себя бывшие Кельбаджарский, Лачинский и Кубатлинский районы. Однако разговоры о создании курдского образования появились уже в 1921г. Так, 3 октября 1921г. народный комиссариат национальностей, возглавляемый И.Сталиным, в своей газете «Жизнь национальностей» поместил статью под заголовком «В договорных Советских республиках. В Курдистане», где проинформировал советскую общественность о том, что всерьез обсуждается вопрос о создании Курдистанской республики [1]. В течение всего 1921г. было опубликовано множество материалов о том, что в Красном Курдистане начался страшный голод. Кстати, первое упоминание названия «Курдистан» связано именно с голодом. В мае 1921г. на одной из сессий ЦИК Азербайджана рассматривался вопрос голода в Курдистане. По масштабам голода Курдистан даже сравнивали с Поволжьем. 14 ноября 1921г. председатель Совнаркома Азербайджана Н.Нариманов послал телеграмму Ленину и проинформировал советского вождя о том, что создан Азербайджанский государственный банк.

В этой же самой телеграмме Нариманов отметил, что 40 млн рублей направлены на помощь голодающим братского Поволжья и Курдистана в знак пролетарской солидарности [2]. В.Ленин на данную телеграмму отреагировал через три дня и в своем кратком ответном послании охарактеризовал помощь голодающему Поволжью и Курдистану как знак готовности маршировать под знаменем Красного интернационала трудящихся [3].

Как видно из вышеприведенного, название Курдистан вошло в обиход уже в 1921г., т.е. за два года до создания Курдистанского уезда. Последний состоял из шести дайр (*волостей*. – *Прим. авт.*) – Каракишлагской, Кельбаджарской, Кубатлинской, Котурлинской, Кюрд-Гаджинской и Мурадханлинской. Центром уезда стал поселок Лачин. По всесоюзной переписи 1926г. население Курдистанского уезда составило 51,2 тыс. человек, из коих курды составляли 37470 (73,1%), турки – 13520 (26,3%), армяне – 256 человек (0,5%) [4]. Во всех дайрах, за исключением Кубатлинской, курды составляли абсолютное большинство населения: Каракишлагская (99,7%), Кельбаджарская (99,8%), Котурлинская (99,9%), Кюрд-Гаджинская (98,6%), Мурадханлинская (98,2%). В Кубатлинской дайре большинство населения составляли турки (98,9%). Армяне были второй по численности нацией в Кубатлинской (1%) и Мурадханлинской (1,6%) дайрах.

Курдистанский уезд просуществовал недолго и был упразднен 8 апреля 1929г. решением VI Всеазербайджанского съезда советов. Решение об упразднении уездов было принято центральными властями СССР, которые решили вместо уездов создать округа. Хотя упразднение уездов и создание на их месте округов было директивой «сверху», союзные республики сами решали, какие округа они должны формировать. В Азербайджанской ССР вместо существовавших 13 уездов было создано 8 округов. Но среди новых округов не было Курдистанского. Территория Курдистанского округа была инкорпорирована в состав вновь образованного Карабахского округа, который включал в себя также бывшие Зангеланский, Джабраильский, Физулинский, Агдамский и часть Агджебединского и Ждановского районов. Не исключено, что азербайджанские власти использовали данный ход для того, чтобы впоследствии объединить этот округ с НКАО, создать преимущественно тюркскую карабахскую административно-территориальную единицу и таким образом сделать Карабах своим. Тем не менее, 25 мая 1930г. вышел указ ЦИК Азербайджанской ССР о формировании Курдистанского округа. Курдистанский округ территориально был больше своего предшественника, Курдистанского уезда. В его состав кроме территории бывшего уезда вошли также весь Зангеланский и часть Джабраильского районов. Таким образом, у Красного Курдистана появилась граница с Ираном. Центром нового округа

вновь стал поселок Лачин. Любопытно, но азербайджанские власти не горели желанием сформировать Курдистанский округ. Первоначально ЦИК Азербайджанской ССР предполагал создать на территории Карабахского округа Араксинский округ с центром в Джабраиле (из Карягинского, Зангеланского, Кубатлинского и Лачинского районов). Проект этот вызвал серьезные возражения на местах, так как с его осуществлением наиболее отдаленные и отсталые во всех отношениях Кельбаджарский и Котурлинский районы совершенно отрывались от окружного центра, теряя с ним даже непосредственную территориальную связь. Кроме того, связь Лачинского района с центром нового округа – Джабраилем – была бы серьезно затруднена, так как 130-километровый путь от Лачина до Джабраила проходил на протяжении 45 км по безводной и безлюдной Герянской пустыне. Вопрос о перерайонировании Карягинского округа широко обсуждался на Карабахской окружной партконференции, на которой и был выдвинут проект создания Курдистанского округа с присоединением к нему части Джабраилского уезда [5].

Однако через два с половиной месяца – 23 июля 1930г. – Совнарком и ЦИК СССР приняли совместный указ, в соответствии с которым округа упразднялись как административные единицы, а 8 августа соответствующее постановление было принято властями Советского Азербайджана [6]. Вместо округа вводились новые административные единицы – районы. Курдистанский округ был вновь упразднен, но Курдистанский район так и не был создан. Таким образом, в общем курдская административно-территориальное образование не просуществовало даже полных 7 лет.

Несмотря на столь короткий период существования данной, достаточно маленькой в территориальном плане, административной единицы, ее создание, функционирование, упразднение и сам факт ее существования лежит в плоскости геополитики практически в ходе всей истории азербайджанской государственности. Именно поэтому до сих пор Красный Курдистан является предметом разного рода спекуляций. Однако курдская карта начала разрываться с самого первого дня создания государства Азербайджан в 1918г. Во время короткого периода существования первого азербайджанского государства – Азербайджанской Демократической Республики (1918 – 1920гг.) – правящий там мусаватистский режим использовал курдов в качестве одного из ключевых элементов в первую очередь в борьбе с Нагорным Карабахом. Основным императивом здесь было создание этнического водораздела между Арменией и Нагорным Карабахом. Для этого необходимо было окончательно «очистить» от армянского населения западные горные районы Нагорного Карабаха, где армяне более не составляли подавляющего большинства. Только осуществив эту «чистку», можно было бы демографически отделить Нагорный

Карабах от Армении со всеми вытекающими из этого последствиями.

Исторически территории, на которых впоследствии был образован Красный Курдистан, входили в состав провинций исторической Армении – Арцах и Сюник. В средние века здесь существовали армянские княжества. В долине реки Акера наиболее известным было меликство (княжество) Кашатаг. В 1609г. персидский шах Аббас I своей грамотой защитил права правителя этого княжества мелика Айказа [7]. Данные территории оставались по преимуществу армянонаселенными вплоть до русско-персидских войн и вторжения османской армии в Южный Кавказ в XVIII веке. В 1722г. российский император Петр I начал свои персидские походы. Основной целью Петра было завладеть Каспийским морем, которое должно было стать посредником в сношениях между Европой и Азией [8]. Русские войска сумели овладеть прикаспийскими провинциями Персии, а последняя – учитывая, что в это самое время почти половина Ирана была под контролем наступавших с востока афганцев, а турки начали вторжение с запада – в 1723г. заключила с Россией Петербургский договор, по которому уступила прикаспийские провинции Российской империи. Россию в данной войне активно поддерживали карабахские армянские княжества, в том числе и меликства Цар (располагался на территории бывшего Кельбаджарского района – *авт.*) и Кашатаг. Армянские меликства также оказывали ожесточенное сопротивление турецким войскам. Во избежание какой-либо предвзятости было бы целесообразно привести тут данные именно из азербайджанских источников. Вот как об этом написано в академических изданиях по истории Азербайджана: «Анти-турецкое движение особенно большого размах получило в Карабахе. Это было причиной того, что османам долгое время не удавалось покорить Карабах. Даже после занятия области турками карабахцы, продолжая бороться против захватчиков, нападали на неприятельские отряды, истребляя живую силу врага, оставаясь неуловимыми. Турецкие захватчики рвались к Каспийскому морю. Их намерения в отношении Каспия отчетливо были раскрыты в показаниях турецкого паши, попавшего в плен к карабахцам. На допросе он прямо заявил, что султан приказал истреблять армян» [9].

Продвижение турецкой армии представляло серьезную угрозу интересам России, но она, только что закончив войну со Швецией, не могла вступить в новую войну, и 12 июня 1724г. в Стамбуле был заключен мирный договор между Россией и Османской империей, по которому Россия добилась подтверждения условий Петербургского договора от 12 сентября 1723г. Взамен Россия дала Высокой Порте полномочия поступать по личному усмотрению по всему Южному Кавказу вплоть до Шемахи [10]. И османские власти поступали действительно очень жестоко, особенно по отношению к армя-

нам. Как указано в истории Азербайджана: «Особую нетерпимость проявляли завоеватели к христианскому населению, подвергая его всевозможным преследованиям и унижениям. Многие были истреблены, происходило насильственное обращение христиан в ислам. В Ширване и Шеки турецкие власти приказали христианам носить на груди отличительный желтый значок» [9, с. 311]. Это было за более чем двести лет до аналогичных действий нацистов в концлагерях.

В результате население западного Нагорного Карабаха изрядно поредело. Много людей погибло, многие стали беженцами и были вынуждены покинуть родные края. Некоторые осели в отошедших к России прикаспийских областях Персии, другие – в Грузии и на Северном Кавказе. Армяне Цара нашли пристанище в Грузии. Известно, что армяне села Чиркин переселились в Тифлис, села Яшнах – обосновались в селе Тбахмелик (ныне Табахмела Гардабанского района), часть жителей села Хутаван поселилась в Шулавере [11]. Достаточно большой поток армянских переселенцев из бассейна реки Акера направился в Моздок и Кизляр [12].

Оправившись после турецких и российских кампаний, Персидская империя вскоре снова усилилась и сумела вернуть потерянные территории. Иран отвоевал у турок Южный Кавказ, а по Рештскому договору 1732г. и Гянджинскому трактату 1735г. возвратил себе прикаспийские области. Однако армянское население западного Нагорного Карабаха не сумело вернуться на свою землю, так как в свое время поддержали Петра в войне с Персией. Именно во второй половине XVIII века, воспользовавшись междоусобицей карабахских меликов, власть в Карабахе взял предводитель одного из тюркских кочевых племен Панах-хан, который активно заселял опустевшие территории Карабаха кочевыми, исповедующими ислам племенами. Во время правления Панаха на территориях, где впоследствии был образован Красный Курдистан, и начали оседать кочевые курдские и тюркские племена. Например, армяне села Халак оставили его и, объединившись с меликами Джраберда и Гюлистана, переселились во владения гандзакского хана, когда между Панах-ханом и ханом Фат-Али было заключено мирное соглашение. Как указано в одном из изданий начала XX века, «Халак опустел и был заселен мохаурскими курдами, которые и по сей день там проживают» [13]. К началу XX века большинство населения здесь уже составляли курды, которые, тем не менее, все еще по преимуществу вели кочевой образ жизни.

Однако армянское население все же не полностью исчезло с территорий, на которых впоследствии был образован Красный Курдистан. До 1918-1920 гг. в этих районах все еще существовали достаточно крупные села. Однако учитывая геостратегическое положение данных территорий – между

Арменией и центральным Нагорным Карабахом – Азербайджан начал политику окончательного выдавливания оставшегося там армянского населения. Использование курдов для этой цели в 1918-1920 гг. было как нельзя кстати. Мировая общественность намного более отрицательно отнеслась бы к тюрко-армянским (слишком свежа была память о геноциде 1915г. в Турции), нежели к армяно-курдским столкновениям, которые сравнительно легче можно было представить как социально-экономические, а не политические процессы. К тому же курдов впоследствии было бы намного проще нейтрализовать в основном путем ассимиляции, особенно учитывая то, что курды не имели своей государственности, письменности и были в большинстве своем мусульманами-шиитами.

По данным на 1918г., в бассейне реки Акера, вошедшем впоследствии в состав Красного Курдистана, оставалось лишь несколько армянских населенных пунктов. Наиболее крупными были села Хак (Минкенд), Алгули и Харар. В 1918г. в Хаке армянское население составляло 811 человек [14]. В 1918г. мусаватистскими агентами были спровоцированы армяно-курдские столкновения, в результате которых армянское население было изгнано из села. Практически та же судьба постигла и армянское село Алгули. По данным на 1885г., в селе проживало 758 человек, и все они были армяне [15]. В 1905г. после армяно-тюркских столкновений село было опустошено, но по прошествии определенного времени армяне возвратились, и в 1918г. население села также оставалось армянским и составляло 1012 человек [16]. Но в том же году село снова было разорено, и алгулинцы вынуждены были покинуть свои дома и обосноваться в различных местах Нагорного Карабаха и Зангезура, главным образом в пределах территории нынешнего Мартунинского, Мартакертского, Аскеранского районов Нагорного Карабаха и бывшего Горисского района Армении. В столице НКР имеется целый район, основанный алгулинцами. Сейчас это улица Мартуни и близлежащие районы. Село Харар (впоследствии Ашаги Фараджан), расположенное на одном из левых притоков реки Акера, по данным на 1918г., имело население в 1078 [16], а в 1921г. – 55 человек [17]. Суммируя данные относительно численности населения вышеуказанных сел, получим, что на 1918г. население только трех вышеуказанных сел достигало 2901 человека. Если сюда прибавить и армян, живущих в других селах, то получится достаточно значительный процент населения в верхнем течении реки Акера и ее притоков.

Для борьбы с армянами мусаватистские власти даже создали особые курдские конные отряды наподобие казаков или полков Гамидие, созданных турецким султаном Абдул Гамидом для резни армян в Османской империи в конце XIX века [18]. Однако, как только мусаватистам удалось при помощи

курдов изгнать армян из вышеуказанных территорий, начались гонения на самих курдов. Начались курдские погромы, осуществляемые регулярными войсками Азербайджана. Курдов заставляли публично отказаться от своего языка и национальности. Особо жестоко обошлись с курдами, проживавшими в селе Камалы, расположенном неподалеку от того места, где впоследствии возник город Лачин [19]. Более того, бакинские власти, создав курдские части, также проводили политику, направленную на ассимиляцию и ослабление национальных чувств в рядах военизированных курдов, и с этой целью отправляли их на учебу в Баку. О создании какой-либо курдской административной единицы в мусаватистском Азербайджане не было и речи.

С приходом большевиков многие курды стали на их сторону. Не последнюю роль здесь сыграла и политика мусаватистского правительства по отношению к курдам. Контроль над территориями, на которых был впоследствии сформирован Красный Курдистан, представлял стратегическую важность для большевиков. Это не позволяло создать единый фронт борьбы против большевиков в наиболее боеспособных армянских областях – Зангезуре и Нагорном Карабахе. Важность этого решения проявилась в 1921г., когда началась борьба с последним оплотом независимого армянского государства – Горной Арменией – под предводительством Гарегина Нжде. То, что территории, лежащие между Карабахом и Зангезуром, были под контролем Красной Армии, явилось одним из ключевых факторов, благодаря которым в борьбе с Зангезуром перевес оказался на стороне большевиков. При этом большевики не использовали курдов в борьбе против армян. Во-первых, это стало бы для армян дополнительным консолидирующим фактором в ходе сопротивления армянских войск Красной Армии. Это придало бы боевым действиям национально-религиозный, а не идеологический окрас. Во-вторых, большевики были уверены, что приходят надолго, и не в их интересах было создание ситуации межнациональной напряженности в данном регионе.

Создание Красного Курдистана имело очень важное геополитическое значение в первую очередь для молодого Советского государства, которое делало все для действенного закрепления на представляющем жизненно важное значение Южном Кавказе. Учитывая, что в Южном Кавказе в 1918-1920 гг. были образованы независимые государственные образования и практически эти же самые образования остались и после советизации, необходимо было создать такие условия, при которых они попали бы в зависимость от центральных властей. Одним из наиболее действенных механизмов было создание и расформирование административно-территориальных образований. Создав Курдистанский уезд, советские стратеги одновременно решали несколько важнейших задач стратегического характера.

Во-первых, создав курдскую административно-территориальную единицу, Кремль оказывал очень действенное влияние на Азербайджан, который в то время был основным нефтедобывающим районом не только советского государства, но и региона в целом. Существование Красного Курдистана, тем более что в Азербайджане уже имелись два национально-территориальных автономных образования (НКАО и Нахичеванская АССР) и то, что из Кремля, как уже отмечалось, даже распространялись слухи о создании Курдской союзной республики, равно как и то, что тогда границы уездов Азербайджана совпадали с этническим ареалом распространения нацменьшинств, действовало весьма отрезвляюще на отношение к советской власти в данной советской республике. В случае усиления антисоветских настроений в Азербайджанской ССР административно-территориальные образования становились очень действенным механизмом давления на Баку. Красный Курдистан играл здесь очень существенную роль. Это был единственный уезд Азербайджанской ССР, название которого указывало на национальную принадлежность. Названия других уездов (в частности, Губинский и Ленкоранский уезды), границы которых, как уже отмечалось выше, совпадали с этническими границами, все же не давали представления о национальной принадлежности этих территориальных образований. Курдистанский же уезд такое представление давал. Именно эта особенность Курдистанского уезда давала очень подходящую возможность в случае необходимости поднять его статус. Наличие даже подобных намерений, не говоря уже о конкретных действиях, естественно, оказывало весьма болезненное воздействие на Азербайджан.

Во-вторых, создав Курдистанский уезд, советские стратеги, как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, снизили напряженность во взаимоотношениях между двумя союзными республиками – Азербайджаном и Арменией. Дело в том, что территории, на которых впоследствии располагался Красный Курдистан, с 1918г. стали предметом спора между Арменией и Азербайджаном. Новосозданное государство Азербайджан предъявило претензии на исконно армянские территории, и это послужило причиной конфликта между двумя странами. Даже Лига Наций признала эти территории спорными. Необходимо отметить и тот факт, что в конституции Азербайджанской Республики 1918–1920 гг. границы Азербайджана не были указаны. Именно поэтому в письме главы азербайджанской делегации в Лиге Наций Топчабашева от 7 декабря 1920г., адресованном президенту Лиги Наций Полу Химансу (*Paul Humans*), представитель Азербайджана мотивирует принадлежность Карабаха Азербайджану тем, что такое решение было принято бывшим представителем союзников на Кавказе [20]. С советизацией Южного Кавказа ситуация более или менее прояснилась. 30 ноября и 1

декабря 1920г. Азербайджан декларировал свой отказ от предъявления каких-либо притязаний на Нахичеван, Зангезур и Нагорный Карабах, признав их неотъемлемыми частями Армении [21]. 3 июня 1921г. Кавказское бюро Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)), в заседании которого принял участие и руководитель Азербайджана Нариманов, единогласно решило: «Указать в декларации Армянского правительства о принадлежности Нагорного Карабаха Армении». 12 июня 1921г. согласно этому решению Кавбюро правительство Советской Армении принимает декрет, в котором говорится: «На основании декларации Ревкома Социалистической Советской Республики Азербайджана и договоренности между Социалистическими Республиками Армении и Азербайджана провозглашается, что отныне Нагорный Карабах является неотъемлемой частью Социалистической Советской Республики Армения» [22].

На первый взгляд может показаться, что данные аспекты не имеют отношения к Курдистану. Однако на самом деле создание Красного Курдистана в некоторой степени было продиктовано и наличием спорных территориальных вопросов между Арменией и Азербайджаном в 1918-1921 гг. Дело в том, что когда Советский Азербайджан признал Зангезур и Карабах частью Армении, вся территория Красного Курдистана входила в вышеуказанные области. Под Нагорным Карабахом в 1918-1921 гг. понимали не только ту территорию, на которой впоследствии была образована НКАО, но и Северный Нагорный Карабах, Карвачар, Южный Нагорный Карабах вплоть до Аракса. Таким образом, под Нагорным Карабахом понимались горные районы бывшего Джеванширского, Шушинского и Корягинского уездов Елизаветпольской губернии, а также прилегающие к Джеванширскому уезду районы Елизаветпольского уезда. Территория Зангезура также намного превышала территорию нынешней Сюникской области Республики Армения. В составе Елизаветпольской губернии существовал Зангезурский уезд с четко установленными границами, в состав которого входила вся нынешняя территория Сюникской области, а также бывшие Лачинский, Кубатлинский и Зангеланский районы. Таким образом, признав Зангезур и Нагорный Карабах частью Армении, Азербайджан признал ее составными частями все вышеуказанные территории. Любопытно, но данное обстоятельство указано и в статье И.Сталина, приуроченной к советизации Армении. Как писал нарком национальностей: «1 декабря Советский Азербайджан добровольно отказывается от спорных провинций и декларирует передачу Советской Армении Зангезура, Нахичевани, Нагорного Карабаха» [23]. Слово «провинция» здесь лишний раз показывает административное значение Зангезура. Это обстоятельство, к сожалению, очень часто забывают исследователи нагорно-карабахского конфликта.

Но как известно, 5 июля 1921г. на внеочередном заседании пленума Кавбюро РКП(б) под давлением Сталина и без учета волеизъявления народа Карабаха, край был передан Азербайджану. Азербайджану была передана и большая часть Елизаветпольской губернии – шесть из восьми уездов отошли к Азербайджану полностью. Остальные два уезда были разделены между советскими Арменией и Азербайджаном, последний получил больше половины Зангезурского и львиную долю Казахского уезда. Естественно, что такое разделение, особенно передача Азербайджану территорий, фактически оторвавших Нагорный Карабах от Армении, не могло удовлетворить последнюю, и создание Курдистанского уезда смягчили эту неудовлетворенность. Получалось так, что между Нагорным Карабахом и Арменией располагался не сам Азербайджан, а курдская административно-территориальная единица, статус которой мог быть повышен в любой момент и создание которой являлось олицетворением права наций на самоопределение и интернационализма. Кроме того, создав Красный Курдистан, советским властям удалось впоследствии добиться того, что о бывших границах Зангезура и Карабаха начали забывать, и границы последних стали ассоциироваться с границами бывшей НКАО и нынешней Сюникской области Армении.

В-третьих, создание Курдистанского уезда преследовало также и стратегические внешнеполитические цели. В те годы весьма остро стоял курдский вопрос и на Ближнем Востоке, особенно в Турции. Красный Курдистан фактически стал первой курдской административно-территориальной единицей в мире, и одно только это обстоятельство очень усиливало позиции Советского государства в среде курдов. Тем более что в 1925г. в Турции вспыхнуло курдское восстание, возглавляемое Шейх Саидом ввиду того, что активное заигрывание турецких властей с курдской верхушкой для избавления от условий Севрского договора (первоначально кемалисты объявили о национальном равноправии курдов с турками, даже об автономии для курдов) сменилось после подписания Лозанского договора 1923г. реакционизмом со стороны официальной Анкары. Именно после жестокого подавления курдского восстания кемалисты заявили, что в Турции нет ни курдов, ни курдского вопроса. А в СССР продолжал существовать Красный Курдистан. Понятно, что это не могло не импонировать курдам. Кстати, после подавления общекурдского национального восстания в турецком Курдистане, из Турции в Советский Союз нелегально переехали две тысячи курдов [24].

Две последние причины создания Красного Курдистана, как ни странно, были в интересах Азербайджана. Во-первых, Азербайджан все же получил стратегически важные территории, лежащие между Нагорным Карабахом и Арменией. Во-вторых, Азербайджан еще больше усиливал свою

внешнеполитическую значимость в качестве одного из ключевых компонентов распространения пролетарских идей, равно как и советского влияния в различных странах мусульманского Востока. Любопытно, но еще до создания Красного Курдистана во время вступления Красной Армии в Южный Кавказ в официальных переписках советских государственных деятелей необходимость советизации Армении и Грузии обосновывалась именно мусульманским фактором. Так, в одной из телеграмм главы Кавбюро С.Орджоникидзе было указано буквально следующее: «...имейте в виду, если вы с Арменией заключите мир, это будет чем-то ужасным для мусульман... Получится впечатление, что мы, христиане, покорили Азербайджан, оставили Грузию и Армению в стороне» [25].

Кстати, одним из основных направлений интервенции Красной Армии в Армению было восточное, т.е. со стороны Нагорного Карабаха и Зангезура. Это было наиболее целесообразным направлением ввиду того, что данные территории были спорными между Арменией и Азербайджаном, а также ввиду существовавших там напряженных межнациональных взаимоотношений между армянами и тюрками, между тюрками и курдами, а также между курдами и армянами. Это, среди прочего, создавало войскам Красной Армии имидж стабилизирующей силы. Нарком иностранных дел РСФСР Чичерин, объясняя МИД Армении причины продвижения Красной армии, заявил следующее: «Занятие российскими частями тех местностей, которые в процессе борьбы между соседними народами получили характер спорных между Арменией и Азербайджаном, имеет целью предотвращение кровавых конфликтов... и рассчитано на создание условий, делающих возможным спокойное и беспристрастное обсуждение спорных территориальных вопросов» [25].

Но с другой стороны, все это не могло компенсировать ту озабоченность, которую вызывало в Баку само существование курдского административно-территориального образования в составе Азербайджана. Ввиду этого азербайджанские власти делали все возможное для упразднения данной единицы. Вначале была выбрана тактика действий, если так можно выразиться, исподтишка. Основной акцент здесь делался на то, чтобы постепенно убедить Центр, что курды ассимилировались и тюркизировались, и таким образом добиться упразднения Курдистана. Для этого власти Советского Азербайджана делали все возможное.

Первым шагом на этом пути стала демаркация границ Красного Курдистана. Как отмечалось в начале данного исследования, в течение четырех пленарных заседаний ЦИК Азербайджанской ССР так и не сумел решить этот вопрос создания Курдистана именно ввиду разногласий по границам будущего уезда. Наибольшие споры вызывала целесообразность включения в

состав Красного Курдистана Кубатлинской дайры. В конце концов было принято решение о ее включении. Но данная дайра, как уже отмечалось, была на 98,9% тюрконаселенной. Включив ее в состав Курдского уезда, бакинские власти существенно уменьшили процент курдов в уезде. Главой Красного Курдистана был назначен этнический азербайджанец из Шуши Г.Гаджиев, который до этого занимал пост главы Кубатлинской администрации [19, с. 50-53]. За все время существования Красного Курдистана туда систематически заселяли тюрков из разных мест Азербайджанской ССР. Так, на 1925г. курды составляли 80,7% населения Курдистанского уезда [26], а по всесоюзной переписи населения 1926г., как отмечалось выше, – уже 73,1%. Получается, что за год бакинским властям удалось уменьшить процент курдов в Красном Курдистане более чем на 7%. Тюрков заселяли в разных местах уезда. Например, в конце 1920-х гг. большинство населения поселка Лачин составляли мужчины – переселенцы тюркской национальности из других районов Азербайджана. Между тем, когда 2 тыс. курдов из Турции переселились в Азербайджан, их не поселили в Курдистане. Вместо этого в районе станции Евлах – в имении бывшего миллионера Тагиева – для переселенцев было отведено свыше 4.000 гектаров земли и выдана безвозвратная ссуда в 60.000 руб. В этом же районе образуется новое селение Нариманабад из 181 семейства. Под новое селение наркомпромом Азербайджана отведено около 2.000 гектаров и отпущена долгосрочная ссуда [24]. Когда же был создан Курдистанский округ, то в его состав вошли также не имевшие сколь-нибудь значительного курдского населения территории бывших Зангеланского и части Джабраильского районов. Таким образом, бакинские власти еще более снизили процент курдов в Красном Курдистане.

Власти Азербайджана также всячески содействовали тюркизации Красного Курдистана путем недопущения открытия курдских школ, развития курдского языка и культуры. Публиковались разного рода материалы, «доказывающие» сильную ассимиляцию и тюркизацию курдов. Хотя на самом деле этого не было или же было, но в гораздо меньшей степени. Например, по данным 1925г. сильной тюркизации были подвержены иранцы (в основном таты) Азербайджанской ССР, и процент тюркизации среди них доходил 60% и более [26, с. 641]. О курдах этого не говорилось. Слову «курд» в сознании титульной нации усиленно придавали оскорбительное значение. В ее представлении курды – неграмотные, отсталые люди, кочевники. Многие представители курдской интеллигенции вынуждены были отказаться от своей национальной принадлежности только из-за того, что они могли потерять место работы [27]. Подобные действия создавали напряженность в межнациональных взаимоотношениях в Красном Курдистане. В газете «Заря Востока» от 15 октября

1929г. читаем следующее: «Национальные отношения в Азербайджанском Курдистане отличаются большой сложностью и запущенностью... Азербайджанские турки в отличие от армян представляют сравнительно новую этническую группу, при этом проявляющую тенденцию не к упадку, а, наоборот, к безграничному росту и укреплению. Ощущается это не только путем механического увеличения национального ядра, в результате переселения из соседних чисто тюркских районов Азербайджана, но — и это самое главное — в гораздо большей степени путем сложных процессов культурной ассимиляции в форме “тюркизации”» [28]. Любопытно, но до 1931г. в Азербайджане не функционировала ни одна школа на курдском языке [19, с. 5, 62, 77-78]. Первые курдские школы появились в 1931–32 гг. [29], т.е. после окончательного упразднения Красного Курдистана. Однако курдские школы просуществовали недолго и были закрыты в 1937–38 гг. После этого в Азербайджане не была открыта ни одна курдская школа, не функционировал ни один курдский театр. Кстати, это было не только нарушением прав курдов, но и нарушением политики Центра, особенно в первые годы существования Красного Курдистана. Еще в самом начале образования Советского государства было провозглашено равноправие всех народов. Так, весной 1918г. И.Сталин, представляя организационную структуру Советского государства, указал следующее: «...Все остальные дела и, прежде всего, формы проведения общих декретов, школа, судопроизводство, администрация и т.д. отойдут к областным совнаркомам. Никакого обязательного «государственного» языка — ни в судопроизводстве, ни в школе. Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причём соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинства во всех общественных и политических установлениях» [30].

Тем не менее, даже в ситуации, когда уже не было Красного Курдистана, азербайджанские власти всячески препятствовали развитию курдской культуры и распространению курдских школ. Курды Нахичевана, например, получали образование в Ереване, где в 1931г. был открыт Курдский педагогический техникум, а курды остального Азербайджана получали образование на курдском факультете азербайджаноязычного Шушинского педагогического техникума, кстати располагавшегося в здании бывшего армянского реального училища. Курды, обучавшиеся в Армении и Грузии, продолжали свое обучение в Ленинграде, тогда как азербайджанские курды такой возможности были лишены [31]. Бакинские власти всячески препятствовали изданию курдских учебников и книг. За период с 1929 по 1938 годы в Азербайджане было напечатано всего 28 книг на курдском языке, тогда как в Армении их печаталось несравненно больше [32]. Даже газета «Красный Кур-

дистан», которая была основана в Лачине в 1931г. (также после упразднения Красного Курдистана) и просуществовала до 1962г., выходила на азербайджанском языке. Примечательно, но в Азербайджане даже ученым курдской национальности не разрешалось публиковать материалы о курдах Азербайджанской ССР, все они публиковали труды о курдах зарубежья, тогда как в Армении было как раз наоборот [33].

Все это привело к тому, что, начиная с 30-х годов прошлого века, в Азербайджане начали «исчезать» курды. Уже по переписи населения 1937г. в Азербайджанской ССР численность курдов составила 10,8 тыс. человек [34]. И это притом, что по данным переписи 1921г. только в сельских местностях Азербайджанской ССР курдов насчитывалось 32,780 человек [35], а в 1926г. численность курдов в Азербайджане составляла примерно 41 тыс. (1,8% населения республики) [36]. В последующие годы XX века курды практически исчезли. В 1939г. их оказалось всего 6 тыс. (0,2%), в 1959г. – 1,5 тыс., а в 1970г. – 5,5 тыс. (0,1%), а после проведения переписи 1979г. было объявлено, что в Азербайджане курдов нет [37]. Для сравнения отметим, что численность курдов в соседних с Азербайджаном Армении и Грузии по сравнению с серединой 20-х годов, о которой сказано выше, увеличилась в 3,5-4 раза [37]. Между тем, курды Азербайджана в целом относились к сельскому населению с высоким уровнем рождаемости. По последней переписи населения СССР 1989г., численность курдов составила немногим более 12 тыс. человек по всему Азербайджану [38], подавляющая часть которых не владела родным языком. Все же в «исчезновении» курдов было бы неправильно винить исключительно власти Азербайджана. Естественно, что последние были заинтересованы в «исчезновении» курдов в Азербайджанской ССР. Однако немаловажное значение имело и то, что курды не сумели найти в себе достаточного потенциала для эффективного противостояния ассимиляционной политике бакинских властей.

Во многом это было результатом отсутствия или недостаточного развития у курдов Азербайджанской ССР ярко выраженной национальной идентичности и преобладания в национальном самосознании клановых и семейных и родовых элементов. Одним из наиболее наглядных тому примеров является структура курдских поселений. Вот как характеризует курдов Азербайджанской ССР известный советский курдолог Т.Ф. Аристова: «У курдов Армении до 30-40-х годов XX века существовали патронимические и родоплеменные поселения, что свидетельствует о долгом сохранении родовых отношений. В Азербайджане большинство селений создавалось без соблюдения родоплеменной принадлежности, о которой азербайджанские курды не помнят. Селенья обычно основывались у родника. Общественных построек не су-

ществовало» [39]. У азербайджанских курдов также не было своей национальной интеллигенции, что также негативно воздействовало на национальное самосознание. Немаловажным фактором отсутствия национальной интеллигенции было то, что даже до советизации Южного Кавказа у курдов не было своего духовного сословия. На территориях, где впоследствии был образован Красный Курдистан, не было даже мечетей. Известный советский, азербайджанский ученый А.Алекперов, рассматривая данный вопрос, представлял ситуацию следующим образом: «В Курдистане мечетей нет. Духовенство в нашем понимании здесь отсутствует. Часто мулла соединяет в себе и торговца и кулака. Официальный ислам в этих краях особенно сильно сочетается с доисламскими пережитками. Почитаются культ предков, существуют пиры, места поклонений. Наиболее известными являются пир Султан Баба около Лачина и пир Аг-Баба в Гочазском ущелье в окрестностях села Сеидляр» [40].

Действительно, на территории курдонаселенных областей Красного Курдистана не было мечетей. Курдские и тюркские исторические памятники на территории бывшего Кельбаджарского района – это исключительно кладбищенские памятники: мавзолеи (кюмбазы) и просто камни (в том числе коневидные и овнообразные), самые ранние из которых относятся к 1870-м годам [41]. Единственная мечеть здесь была заложена в 1990г. в бывшем Кельбаджарском районе. Но она так и осталась незавершенной и находится на левом берегу реки Тертер южнее с.Злфгарлы [42]. Курды, которые были мусульманами-шиитами, для получения религиозного образования вынуждены были изучать фарси и тюркский. Это в свою очередь являлось достаточно существенным элементом ассимиляции. Во многом благодаря вышеуказанным факторам в среде курдов Азербайджанской ССР был высок процент языковой ассимиляции. Так, по переписи населения 1926г. в Азербайджанской ССР было зарегистрировано 41,1 тыс. курдов, из коих курдский язык в качестве родного указали лишь 6,8 тыс. человек. 34,1 тыс. курдов в качестве родного языка указали тюркский [43]. Из всего курдского населения Курдистанского уезда лишь 3123 человека указали в качестве родного языка курдский, остальные родным языком указали тюркский [43, с. 71]. Любопытно, что в Нахичеване ситуация была кардинально противоположной. Из 2649 курдов Нахичевана 2631 указали курдский язык в качестве родного языка [43, с. 19]. Возможно, причиной поддержания языковой идентичности было то, что эти курды были мусульманами-суннитами. Во многом ассимиляции курдов способствовал и факт поголовной неграмотности представителей этого народа. Так, из 41,1 тыс. курдов Азербайджанской ССР лишь 1756 человек были грамотными, при этом из них лишь 10 человек владели курдской грамматикой [43, с. 73].

Наличие подобных элементов существенно облегчило бакинским властям достижение их цели по ассимиляции курдов. При этом они планировали добиться этого в достаточно короткий срок, ведь чем дольше существовал бы Красный Курдистан, тем труднее было бы этого добиться. Для этого были веские причины. Вскоре после создания Красного Курдистана, в 20-е годы прошлого века на Южном Кавказе началось движение курдов за автономный Курдистан [39, с. 217]. При этом данное движение было практически всекурдским, а автономию они хотели создать в Азербайджанской ССР на основе Курдского уезда. Это движение сопровождалось также лозунгами о национализации земли, переходу к оседлости, перераспределению пастбищ и пахотной земли. В движении выделялись национально-культурные проблемы, в частности, вопросы образования, создания школ с обучением на родном языке. Культурно-просветительская работа была тесно связана с именами курдских писателей Араба Шамилова, Аджие Джинди, Аминне Авдала. Все три этих деятеля были курдами Армянской ССР. Так, Араб Шамилов был создателем курдского алфавита на основе латиницы и заслуженным деятелем науки Армянской ССР, Аджие Джинди был создателем курдского алфавита на основе кириллицы и заслуженным деятелем науки АрмССР. Аминне Авдала был главным редактором первой в мире курдской газеты «Рйа Таза», которая также выходила в Армении. Любопытно, но в 1933г. Араб Шамилов организовал экспедицию в населенные курдами областей Армении, Азербайджана и Грузии с целью изучения быта, экономики и создания единого литературного языка курдов СССР [44]. Естественно, что бакинские власти были озабочены активностью курдов по созданию курдской автономии и тем, что фактически это движение возглавили курды Армении, тем более что еще в 1921г. в Армении был создан курдский алфавит на базе армянского алфавита, на котором вышла в свет первая курдская азбука под названием «Шамо». Наиболее действенной стратегией по недопущению становления национального самосознания курдов было лишь упразднение Красного Курдистана. Упразднив его, можно было бы довести ассимиляционную политику до логического завершения.

Бакинские власти умело использовали для ассимиляции курдов и события 1937г. Как уже было указано, по всесоюзной переписи населения 1926г. в Азербайджанской ССР численность курдов достигала 41,1 тыс. человек, в 1937 – 10,8 тыс. человек, а по переписи населения 1939г. – всего 6 тыс. человек [45]. Некоторые исследователи считают, что все курды, за исключением оставшихся в 1939г. 6 тыс., были депортированы. Другие считают, что были депортированы максимум 5 тыс. человек. Но и те и другие соглашаются в том, что во избежание депортации курды посчитали наиболее целесообразной

тактикой изменение национальности в пользу азербайджанской [33, р. 62].

В это же самое время в СССР в целом и в Азербайджане в частности начался достаточно мощный экономический подъем, развивались искусство, культура и образование. А развитие вышеуказанных сфер непосредственно воздействует и на процесс национального самосознания, тем более для тюркоязычного населения, являющегося основным по численности населения в республике и к тому же окруженного народами, имеющими многовековую историю государственности (персы, армяне, грузины), а также нередко воспринимаемого коренными народами, особенно малыми, в качестве пришлого элемента. В этих условиях у молодого народа, особенно у его элит, может возникнуть комплекс неполноценности, и в качестве механизма преодоления этого комплекса – самоидентификация с народом, наиболее близким в этническом или религиозном плане и имеющим в своем регионе вес, особенно политический. Но так как в СССР о религии не могло быть и речи (т.е. самоидентификация исповедующих шиизм тюрок Азербайджана с иранцами автоматически исключалась), то в случае с тюркоязычным населением Азербайджана могла возникнуть опасность возрождения пантюркистских или протурецких идей, чего Москва, естественно, не могла допустить.

Поэтому наиболее целесообразной стратегией стала консолидация мусульманских народов Азербайджанской Советской Социалистической Республики в единый азербайджанский народ [46]. Но консолидация разных народов в одну общность – достаточно сложный и долгий процесс. И первое, что надо сделать – это привить общую самоидентификацию, основой которой должна была стать территориально-административная принадлежность. Люди различных национальностей должны были идентифицировать себя как азербайджанцы, т.е. жители Азербайджана. После того, как общая самоидентификация будет привита, она со временем должна будет эволюционировать в национальное самосознание и национальную идентичность (нацию). Азербайджан был единственной республикой СССР, в которой это можно было сделать, так как название государства не было производным от основного народа, населявшего его территорию. Таким образом частью новой азербайджанской общности становились потомки кавказских албанцев – лезгины, носители иранской культуры – талыши, таты, курды и другие народности, горские народы, а также тюркский этнос. В результате новая общность как бы становилась наследником всего исторического, духовного и политического наследия, существовавшего на территории современного Азербайджана в течении тысячелетий. Кроме того, формирование общей самоидентификации на основе территориально-административной принадлежности давало возможность снять опасения представителей других мусульманских народов относительно воз-

мальной ассимиляции в тюркском этносе и открывало неплохие возможности для их дальнейшего развития. Поэтому любое проявление национализма в любой этнической среде жестоко пресекалось, а в высшем руководстве Азербайджана были представители всех национальностей республики. В рамках создания азербайджанской общности поощрялась политика изменения национальной принадлежности среди мусульманских народов Азербайджана, и они просто записывались как азербайджанцы.

Конечно, эволюционирование общей самоидентификации в национальное самосознание и национальную идентичность в Азербайджане произошло несколько иначе, чем планировалось. Самоидентификация в качестве азербайджанцев, а затем ее трансформация в национальное самосознание и национальную идентичность достаточно успешно прошла среди тюркоязычного населения республики. Одно это уже было в интересах Москвы. Но процесс трансформации самоидентификации в национальное самосознание среди других народов происходил медленнее. Поэтому процесс национальной консолидации в Азербайджане начал приобретать совершенно иное направление. Тюркская элита, успешно пройдя цепь «самоидентификация–самосознание–национальная идентичность», начала фактически навязывать азербайджанскую идентичность другим мусульманским народам республики и их элитам, для которых азербайджанская общность находилась в основном все еще на стадии самоидентификации. В результате мусульманские нацменьшинства Азербайджана стали воспринимать азербайджанскую общность как попытку другого народа навязать им свою национальную идентичность. Поэтому под азербайджанцами начали понимать собственно тюркский этнос Азербайджана, и азербайджанская общность перестала быть консолидирующим элементом для мусульманских народов республики.

Тем не менее, бакинские власти весьма умело воспользовались этим и практически бескровно сумели полностью избавиться от курдского населения, тем более что территории, на которых располагался Красный Курдистан, представляли стратегически важное значение для Азербайджана. Эти территории, как уже отмечалось выше, разделяли Армению и Нагорный Карабах. Одного только этого обстоятельства было достаточно, чтобы бакинские власти проводили дискриминационную политику в отношении курдов. Стратегическая важность этих районов также заключается в том, что здесь берут начало 85% водных ресурсов бывшей НКАО, а также реки Арпа и Воротан, играющие критическую роль в спасении озера Севан, на долю которого приходится 80% водных ресурсов Армении. Понятно, что тот, кто контролирует эти территории, будет диктовать свои условия армянскому народу в целом. Все это лишний раз показывает всю ту важность, которую

представляли эти территории для бакинских стратегов. Именно поэтому, несмотря на многочисленные просьбы, бакинские власти сделали все возможное для недопущения возвращения армянского населения сел Алгули, Хак, Харар и т.д. в свои дома после резни 1918-1920 гг. Если бы власти Советского Азербайджана поощряли бы возвращение армянского населения в данные населенные пункты, то они бы возвратились, особенно руководствуясь новой идеологией коммунизма, провозгласившей братство между всеми народами советского государства. На фоне этого на территориях, расположенных между бывшей НКАО и Арменией, имел место достаточно быстрый рост населения. Так, если в 1926г. население Кельбаджарского и Лачинского районов составляло 37 тыс. человек, то на начало 80-х годов прошлого века оно составляло почти 100 тыс. человек [47]. Население Кельбаджарского и Лачинского районов было в подавляющем своем большинстве сельским. Между тем, сельское население в целом по Азербайджанской ССР неуклонно уменьшалось, происходило перемещение людей из сельской местности в города. Так, если в 1926г. сельское население Азербайджанской ССР составляло 72% от общей численности населения [48], то в 1987 – уже 46% [49]. Но территорий, лежащих между бывшей НКАО и Армений, урбанизация не коснулась. Они представляли слишком важное геостратегическое значение, чтобы позволить населению перемещаться оттуда в крупные промышленные центры Азербайджанской ССР. Все эти факты лишний раз доказывают, что вышеуказанные территории ни в коем случае не могут быть предметом торга в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. От них зависит безопасное и поступательное развитие всего армянского народа.

Ноябрь, 2005г.

Источники и литература

1. «В договорных Советских республиках. В Курдистане», Жизнь национальностей, N20, 3 октября 1921, с. 4.
2. Ленин В., Полное собрание сочинений, М., т. 54, 1975, с. 560.
3. Ленин В., Биографическая хроника, М., т. XI, 1980, с. 641-643.
4. Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 года. Курдистанский уезд, Азербайджанское центральное статистическое управление, Баку, 1927.
5. Заря Востока, 2 июня 1930.
6. История государства и права Азербайджанской ССР, Б., 1973, с. 412, 505.
7. Персидские документы, указы, хранящиеся в Матенадаране (1601-1650 гг.), т. II, Ер., 1957, с. 89-90.
8. История человечества, т. V, Юго-Восточная и Восточная Европа, С-Пб., 1905, с. 566.
9. История Азербайджана, т. I, Б., 1958, с. 307, 311, 312.

10. *Петрос ди Саргис Гиланенц* (на арм. языке), Вагаршапат, 1916, с.16.
11. *Карапетян С.*, Памятники армянской культуры в зоне Нагорного Карабаха, Ер., 2000, с. 12.
12. Архиепископ *Месроп Тер-Мовсисян*, Церкви и монастырские постройки трех армянских монастырей – Татев, Агарцина и Дади (на арм. языке), Иер., 1838, с. 84.
13. *Потто В.*, Генерал-адъютант Иван Давидович Лазарев, Т., 1900, с. 11.
14. *А-До*, Армяно-турецкие столкновения на Кавказе 1905-1906 гг. (на арм. языке), Ер., 1907, с. 255.
15. Епископ *Макар Бархударян*, Арцах (на арм. языке), Б., 1895, с. 258.
16. ЦГИАРА, ф. 150, сп.1, д. 59, л. 5.
17. *Карапетян М.*, Этническая структура населения Нагорного Карабаха в 1921 году, Ер., 1991, с. 17.
18. *Стеклов А.*, Армия мусаватского Азербайджана, Б., 1928, с. 40.
19. *Бакшпан А.*, Азербайджанские курды, Б., 1932, с. 26, 27, 69-72.
20. Letter from the President of the Peace Delegation, Republic of Azerbaijan, to President of League of Nations, December 7, 1920, objecting to League's conclusion on difficulties in assessing frontiers, boundaries, and refuting problems in dispute with Armenia, [FO 371/4955], in *Caucasian Boundaries, Documents and Maps (1802-1946)*, edited by Anita L.P. Burdett, Archive Editions, 1996, p. 715, 717, 719.
21. Коммунист (на арм. языке), Ер., 7 декабря 1920.
22. Хорурдаин Айастан (на арм. языке), 12 июня 1921.
23. *Сталин И.*, «Да здравствует Советская Армения», Правда, N273, 4 декабря 1920.
24. Заря Востока, N225, 29 июля 1928 г.
25. «Счастье на штыках. Секретная борьба в большевистском руководстве по поводу «советизации» Закавказья», Лабиринт Времени, <http://hist.ru/kavbolsh.html>.
26. Большая советская энциклопедия, раздел «Аз. ССР», т. I, 1929, с. 642.
27. Центр Езидской Культуры, Азербайджан, <http://www.ezdixane.ru/content/view/334/214/>
28. Заря Востока, N237, 15 октября 1929 г.
29. *Аристова Т.*, Курды Закавказья, М., 1966, с. 86.
30. *Сталин И.*, «Организация Российской Федеративной Республики», Правда, N62 и 63, 3 и 4 апреля 1918.
31. *Бакаев Ч.*, Основы курдской орфографии, М., 1983, с. 269.
32. Библиография советской курдской книги, Ер., 1962.
33. *Muller D.*, «The Kurds of Soviet Azerbaijan, 1920-91», *Central Asian Survey*, N19, 2000, p. 65.
34. Всесоюзная перепись населения 1937 года, Институт истории Академии наук СССР, М., 1991, с. 95.
35. Обзор деятельности Совнаркома ЗСФСР, Тб., 1923, с. 16
36. *Мамедов К.*, Население Азербайджанской ССР за 60 лет, Б., 1982, с. 55.
37. *Мгои Ш.*, Еще раз об азербайджанских курдах, Центр Езидской Культуры, 5 сентября, 2004. http://www.ezdixane.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=114&Itemid=27
38. Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, Финансы и статистика, М., 1990, с. 118-121.
39. Энциклопедия «Народы России», М., 1994, с. 217.
40. *Алекперов А.*, К вопросу об изучении культуры курдов, Труды Азербайджанско-

- го филиала Академии наук СССР, Б., 1936, с. 33-61; *Алекперов А.*, Материалы по археологии и этнографии Азербайджана, Б., 1960, с. 162.
41. *Эфендиев Расим Самед-оглы*, Камни говорят (на азерб. языке), Б., 1980.
 42. *Карапетян С.*, История единственной мечети Карвачарского района, Азатамарт (на арм. языке), N47, 1994, с. 13.
 43. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года, т. IV, пт.14, Центральное статистическое управление СССР, М., 1929, с. 13.
 44. *Араб Шамилов*, Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991), Пб., 2003.
 45. *Бугай Н., Броев Т., Броев Р.*, Советские курды: Время перемен, М., 1993, с. 46; Всесоюзная перепись населения 1939 года, М., 1992, с. 71.
 46. *Бабаян Д.*, «Нагорно-карабахский конфликт и самоопределение азербайджанского народа», Центральная Азия и Кавказ, N5, 2003.
 47. Азербайджанская советская энциклопедия, Б., 1981, т. V, с. 334, т. VI, с. 173.
 48. Атлас Азербайджанской ССР, М., 1963, с. 14-15.
 49. Советский Энциклопедический Словарь, М., 1990, с. 23.

THE RED KURDISTAN: GEOPOLITICAL ASPECTS OF FORMATION AND ABOLISHMENT

David Babayan

Resume

On July 23, 1923 the territories of former Kelbajar, Lachin and Kubatly regions were united to form a separate Kurdish uyezd (area), which is more known as Red Kurdistan. Interestingly, but information about the formation of a Kurdish administrative unit was disseminated back in 1921. For example, on October 3, 1921 Russian Federation's People's Commissariat, headed by Joseph Stalin, in its newspaper published an article where it informed Soviet public that the formation of a Kurdish Republic was in process.

The Kurdish uyezd was comprised of six diara or sub-districts – Kelbajar, Koturlou, Karakishlagh, Muradkhanly, Kurdganji and Kubatlou. The administrative center of the uyezd was the settlement of Lachin. The total population of the uyezd was 51,2 thousand people, the Kurds comprising 73,1 percent of the population. The Kurdistan uyezd existed for several years and was abolished on April 8, 1929. There were formed eight okrugs (regions) in Azerbaijan Soviet Socialist Republic (SSR) Instead of 13 uyezds. The territories of the Red Kurdistan were included in the newly formed Karabagh okrug. In was only on May 25, 1930 when a separate Kurdistan okrug was formed. The Kurdistan okrug was bigger than its predecessor and incorporated not only the territory of the former Kurdi-

stan uyezd but also the former Zangelan rayon (district) entirely and Jebrail district partly. On July 25, 1930 the Central Executive Committee of the USSR adopted a decision abolishing okrugs as administrative units and introducing new units – the rayons. Accordingly, the Central Executive Committee of the Azerbaijan SSR adopted a decision on abolishing the Kurdistan okrug. However, no Kurdistan rayon was established later on. Thus, the Kurdish administrative unit existed for around 7 years.

In spite of such a short period of existence, the formation, existence, abolition and memories of that entity in general have been laid in the sphere of geopolitics since the first day of the formation of Azerbaijani state. The formation of the Red Kurdistan in 1923 solved some geopolitical issues at once. First of all, the formation of this entity was a perfect leverage for Moscow to influence Azerbaijan and its attitude towards the new Soviet system. Azerbaijan SSR, having two autonomous entities and the Red Kurdistan, could hardly have disloyal attitude towards the Communist system. Otherwise, it could lose these territories. Second, having formed the Red Kurdistan, Soviet authorities weakened tensions between two Soviet Republics – Armenia and Azerbaijan. In 1921 Azerbaijan declared Zangezur and Mountainous Karabagh integral parts of Armenia. At that time the territories on which the Red Kurdistan was formed were parts of Zangezur and Mountainous Karabagh. However, in the same year Mountainous Karabagh and the most part of Zangezur were given to Azerbaijan under the pressure of Joseph Stalin. This fact, of course, was very painful for Armenia. Consequently, forming the Red Kurdistan, Moscow eased tensions between Armenia and Azerbaijan because from the Armenian perspective those territories did not become parts of Azerbaijan in a pure sense. There was formed a new separate national entity. Third, the existence of the Red Kurdistan had also important foreign policy significance, taking into consideration the fact that at that time it was the only Kurdish entity in the world and by such it was a very efficient leverage to exert influence on the Kurdish people in general.

Geopolitical considerations became actually the most important reason for abolishing the Red Kurdistan. In 1930-s there were some significant trends in global politics, the most important of them being the Nazi coming to power in Germany, the imminence of a war between the USSR and Germany and traditionally close ties between Germany and Turkey. In this situation Soviet authorities formed a new Azerbaijani identity, a new Azerbaijani nation, which was to incorporate all the Moslem peoples of the Azerbaijan SSR. What the Kremlin had in mind was to loosen and eventually cut any ties between Soviet Azerbaijan and Turkey. For this very reason not only the existence of the Red Kurdistan, but also the Kurds of Azerbaijan SSR in general became needless and soon to be abolished and disappeared.

АРМЕНИЯ И АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА: РАСХОЖДЕНИЕ И ВСТРЕЧА

Левон Абрамян

В статье делается попытка определения армянской модели диаспоры, выявляются исторические, психологические, символические особенности взаимосвязи родина – диаспора.

1. Армянская модель диаспоры

Как нередко бывает в науке, термин «диаспора», возникнув для описания известных еврейских реалий, стал относиться и к другим, более или менее сходным ситуациям. В настоящее же время, из-за постмодернистской небрежности в терминологии, он имеет тенденцию охватить настолько широкий круг явлений, что возможна утеря не только еврейского, но и даже расширенного понимания того, что такое «диаспора» [1]. С другой стороны, первоначальный смысл термина зачастую настолько превалирует, что общее определение и характеристика диаспоры даются с оглядкой на еврейское рассеяние как на классический, идеальный тип [2], в то время как оно представляет собой скорее тип исключительный.

Дело в том, что значительный период своей истории евреи прожили с воображаемой, а не реальной родиной, а для многих других диаспор, напротив, важными являются различные аспекты взаимоотношений именно с родной реальной. В наборе из восьми характеристик (по мнению известного теоретика диаспор У.Сафрана, члены экспатриированных групп должны обладать хотя бы частью из них, чтобы классифицироваться действительно как диаспоры) лишь две подразумевают отношения с реально существующей родиной (хотя к понятию «родина» апеллируют в целом семь пунктов его списка)¹. Уникальность еврейского рассеяния в том, что и до, и после наиболее

¹Эти восемь характеристик таковы: 1) члены группы или их предки переместились из определенного исходного «центра» в один или более «периферийных», или иностранных, регионов; 2) они сохранили коллективную память, представление или миф о своей первоначальной родине – о ее физическом местонахождении, истории и достижениях; 3) они уверены, что не стали, а возможно, и не могут стать полностью своими для «принимающего» общества, и поэтому чувствуют себя в некоторой степени отчужденными и изолированными; 4) они считают родину своих предков своей истинной, идеальной родиной, куда они или их потомки в конечном счете, возможно, вернутся (или должны вернуться), когда позволят условия; 5) они уверены, что должны коллективно поддерживать существование, безопасность и процветание своей первоначальной родины или способствовать ее восстановлению; 6) они продолжают относить себя к этой родине, персонально и/или через коллективные идентичности, и этим обстоятельством в существенной степени определяются их этнокоммунальное сознание и солидарность; 7) они хотят оставаться меньшинством, передавая последующим поколениям культурное (религиозное) наследие родины предков; 8) их культурная, религиозная и/или политическая связь с родиной существенным образом отражается в их общественных институтах [3].

длительной и известной «раввинической» фазы, которая характеризовалась отсутствием реальной родины и которая, как правило, соответствует восприятию еврейства как такового, модель еврейской диаспоры, как и других диаспор, строилась вокруг взаимоотношений «реальная родина (центр) – диаспора (периферия)»¹. Таким образом, еврейская диаспора на протяжении своей истории охватила, по сути, все возможные варианты диаспоральности.

Цель настоящей статьи – обрисовать модель армянской диаспоры и различные ее стороны, в первую очередь – соотношение «родина/диаспора». Начало армянского рассеяния обычно связывают с разделом Армении между Персией и Византией в 387 г. н.э. Именно тогда в различных частях Византии появляются первые эмигранты-армяне. Диаспора постепенно разрасталась: в Хв. из-за экспансионистской политики Византии, а в XI в. – после сельджукских завоеваний. Отражением все более широкого рассеяния армян вне пределов своей родины является изменение отношения римских пап к географии армянского церковного влияния: в IX в. они признавали духовную власть католикоса (главы армянской церкви) только в пределах Армении, тогда как в XIIв. эта власть признавалась уже и в Каппадокии, Мидии и Персии [4]. Территориальное разделение Армении в IV в. не привело сразу к разделению и армянской церкви – до XI в. она оставалась единой, хотя католикосы могли избираться как на персидской, так и на византийской территории [4, с. 75].

Дальнейшее свидетельство процесса образования армянской диаспоры – новое понимание титула армянских католикосов (*Hayoc' Kat'olikos*). Со второй половины XI в. этот титул приобрел этнический оттенок: «католикос армян» или «армянский католикос» вместо прежнего значения «католикос Армении»². До этой поворотной точки титул католикоса был *Hayoc' Mecac' Kat'olikos*, т.е. «Католикос Царства Великая Армения», и фактически повторял титул царя³. Начиная с 60-70-х гг. XII в. и особенно в XIII и XIV вв. католикос все чаще

¹ Модель раввинического иудаизма оформилась после разрушения Второго Иерусалимского храма в 70 г. н.э. и была приспособлена к жизни в диаспоре, без родины. До этого, в период существования Второго храма, модель еврейства представляла собой центр в Иудее (со жрецом, приносящим жертвоприношения) и обширную диаспору, которую составляли евреи, оказавшиеся вне своей исторической родины в результате Вавилонского плена. В новой модели центр религиозной и общинной жизни переносится из храма, реплики главного храма на родине, в синагогу («дом собраний»), служителем которой становится раввин, ученый знаток и толкователь традиции, достаточно независимый, чтобы не нуждаться в управлении из центра (см.: Членов М. А. Евреи // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 153).

² Грамматически оба толкования допустимы. Примечательно, что эти два понимания слова *hayoc'* в настоящее время фактически определяют два направления современного арменоведения. Одно, представленное главным образом западными учеными, предпочитает переводить основной труд отца армянской историографии Мовсеса Хоренаци «*Hayoc' ratmut' uyn*» (V в.) как «Историю армян», а другое, в русле которого работают ученые Армении, понимает его как «Историю Армении». В контексте настоящей статьи можно сказать, что в этих двух переводах отражаются в известной мере подходы к армянам: а) изначально рассеянный народ без родины (ср.: *Mamedowa F. Ursachen und Folgen des Karabach-Problems. Eine historische Untersuchung // Krisenherd Kaukasus. Baden-Baden, 1995. S.114*) и б) народ с родиной.

³ Разделение верховной власти на духовную и светскую восходит к мифологическим близнецам, в традициях многих народов – прародителям общества (ср. генетическое родство между первым армянским христианским царем Трдатом III и первым католикосом Григорием Просветителем (они считались родственниками, а по одной версии – двоюродными братьями).

упоминается под титулом *Amenayn Hayoc' Kat'olikos*, что значит «католикос всех армян». Этим титулом его продолжают величать до сегодняшнего дня. Такое изменение в титулатуре, очевидно, показывает, что к указанному времени католикос должен был заключить под свою духовную опеку также и армян, проживавших вне своей родины [4, с. 78, 81]. Это дает нам достаточно оснований считать, что в Киликии, Северной Сирии, на Балканском полуострове, Египте и ряде других мест уже существовали армянские диаспоры. Таким образом, после того, как армяне потеряли государственность и рассеялись по Среднему и Ближнему Востоку и другим странам, они продолжали оставаться под опекой института католикосата, который на много веков заменил предшествующий институт верховной власти, олицетворявшийся парным образом царя и главного жреца (католикоса). Этим был обеспечен важный механизм этнокультурной защиты [5], поскольку религия часто играет одну из основных ролей в создании и сохранении как национальной идентичности, так и диаспор как таковых.

В XI–XIII вв. указанная модель армянской диаспоры – часть народа, живущая вне родины под духовной опекой верховного священнослужителя родины – существовала параллельно с другой формой организации армянских общин в виде целой сети торговых колоний в наиболее значительных портовых городах и торговых центрах Средиземного и Черного морей, а также в других регионах мира. Эти самоуправлявшиеся общины были связаны с Киликийским армянским царством (XII–XIV вв.) и находились под его протекцией. Хотя они вроде бы и следовали диаспоральной схеме (родина и сегменты ее населения вне территории последней¹), однако не представляли еще диаспору, поскольку были слишком тесно связаны с родиной. Дело в том, что армянские цари обеспечивали защиту прав членов общин по принципу взаимности, т.е. благодаря тому, что давали такие же права иностранным гражданам, жившим в киликийской Армении [6]. Только после падения Киликии в XIV в. эти колонии, утратив протекцию родины, получили шанс превратиться в диаспору. Некоторое время они продолжали функционировать как бы по инерции [6, с. 53, 55–56], однако диаспорой становились только в том случае, если им удавалось выработать какие-то механизмы, не позволявшие раствориться в окружающем обществе [1, с. 11–13], когда спасительная пуповина, соединявшая их с матерью-родиной, оказывалась отрезанной.

Здесь мы вновь подходим к этнозащитным механизмам, которые столь же важны для формирования диаспоры, сколь для выживания родины. Уже

¹ Киликия, будучи сама диаспоральным образованием, становится родиной для новых диаспор. Подобные последовательные цепочки «родина–диаспора» типичны для процессов формирования многих диаспор, в том числе и армянской.

говорилось о религии как одном из главных таких механизмов. Мы не можем здесь подробно рассмотреть, как действует процесс диаспорообразования, однако даже общий обзор истории армянских общин свидетельствует, что те из них, религия которых совпадает с религией принимающих стран, с большей вероятностью обречены на потерю своей национальной идентичности, чем общины, попавшие в чуждую религиозную среду. Наиболее типичный пример – история армянской диаспоры в Украине и Польше. После того, как в конце XVIII в. армяне лишились протекции польских правителей, которая гарантировала им самоуправление, начиная с XIV в., армяне-католики быстро растворились среди католического окружения [6, 7]. Интересный случай сохранения армянской идентичности в католической среде представляют собой армянские католические конгрегации мхитаристов, которые были основаны в Венеции и Вене в XVIII в. Этот тип этнозащитного механизма можно назвать интеллектуальным, поскольку армянская история и традиционная культура присутствовали здесь в ученых умах католических священников, а не в этнографической реальности [8].

Совершенно противоположный случай сохранения национальной идентичности – черкесогаи Северного Кавказа. По одной из версий, эта группа была образована в средние века небольшим отрядом воинов, которые женились на черкешенках [9]. Приняв все особенности черкесского окружения, за исключением веры¹, которая продолжала оставаться армяно-григо-рианской, черкесогаам удалось вновь обрести другие составляющие национальной идентичности, включая язык, во второй половине XIX в., когда община стала достаточно обустроенной. Правда, этот пик стабильности оказался не столь долгим, чтобы она стала полноценной диаспорой [9, с. 122–126].

Хотя религия и является важным элементом эффективного этнозащитного механизма, иногда ее роль несколько преувеличивается. Например, в современном Иране, где армяне признаются конфессиональным, а не этническим меньшинством, основная ответственность за организацию национально ориентированной повседневной жизни вроде бы взяла на себя партия «Дашнакцутюн»². Иными словами, национальная идентичность диаспоры в некотором смысле обеспечивается хорошо организованной структурой политической партии, имеющей богатый опыт подпольной революционной деятельности. С небольшим преувеличением (нужным для понимания сути данной модели) можно сказать, что мы имеем дело с уникальным случаем диаспоры в виде

¹ Этот пример хорошо показывает сравнительную роль женщин и мужчин в передаче национальных характеристик. См. также: *Мелконян Э. Л.* Армянская семья в условиях диаспоры, Советская этнография. 1988. № 6. с. 99–100: о роли женщин в ближневосточных армянских диаспорах.

² По Д.Петросяну (частное сообщение), это можно сказать по крайней мере об армянской общине Новой Джути.

«тайного общества» или, по крайней мере, с диаспорой, функционирующей не без активной помощи подобного тайного общества. В других странах, например в США, где у диаспоры было много возможностей для выбора путей выживания, этот механизм, естественно, не мог работать с той же эффективностью. Однако даже здесь нельзя не видеть признаков указанной «партийной» модели утверждения армянства, особенно в первые годы после геноцида 1915г., когда образовывался основной корпус армянской диаспоры.

Как видим, светские модели становления диаспоры, как правило, действуют параллельно религиозной, особенно в ранние периоды истории армянского рассеяния. С конфессиональной точки зрения армянская диаспора отличалась от еврейской, для которой «диаспоральная» раввиническая форма существования играла главную роль специфического этнозащитного механизма. В армянской же модели верховное духовное лицо, как было отмечено, изменило только свой титул, но не функции¹. Очевидно, что это отличие отражает разные типы диаспор и разные пути их формирования у двух народов. Евреи потеряли свою родину после потери государственности, тогда как армяне потеряли только государственность, да и та была в некотором смысле замещена институтом религии. Лишь армяне Западной Армении потеряли родину подобно евреям, но и здесь, как мы увидим в дальнейшем, имеется значительная разница между двумя типами диаспор. Все это возвращает нас к проблеме родины, которая оказывается важнейшей характеристикой диаспоры, по крайней мере, армянской.

2. Родина и диаспора: разделенные до разделения?

В системе диаспоральных критериев У.Сафрана первый пункт предлагает считать национальное меньшинство диаспорой, если ее члены или их предки рассеялись из своей родины в один или большее количество регионов вне ее пределов [3]. Этот момент фактически выражает формальное ограничение, которое, как хорошо показал А.Милитарев, имеется в любом содержательном толковании термина *diaspora*: он может относиться «только к тем передвижениям человеческих сообществ, которые приводят к разделению первоначально единого сообщества не менее чем на две группы, оказываю-

¹ В некоторых случаях, начиная с XI в., в результате процессов феодального распыления было образовано несколько армянских католикосатов в различных частях исторической Армении и даже вне первоначальной этнической территории армян. Однако структура религиозного института армян не изменилась, как в случае с евреями. Новообразованные католикосаты полностью повторяли первоначальную структуру и опочковывались лишь по политическим причинам. Именно поэтому воссоединение католикосатов всегда воспринималось как необходимое условие для консолидации армян и не сталкивалось с «техническими» проблемами конфессионального порядка (например, при избрании в 1995 «католикосом всех армян» покойного Гарегина I, носившего до этого титул «католикос Великого царства Киликии»).

щиеся после разделения как минимум на двух территориях», проще говоря, в разных странах¹ [1, с. 29].

Постмодернистское увлечение размытыми определениями и релятивизмом привело в последнее время к переосмыслению того, что же есть пресловутое «передвижение человеческих сообществ». Так, крушение последних империй, особенно советской, и последующая перекройка границ привели к тому, что значительные массивы этносов оказались в другой стране, не тронувшись с места. Передвинулись границы, но не люди. Некоторые исследователи поспешили назвать эти группы диаспорами: У. Сафран назвал их «обанкротившимися» («*beached*») [3], Р.Брубейкер – «диаспорами катаклизма»² («*accidental*») [10], другие авторы – просто диаспорами без каких-либо спецификаций [11].

Не исключено, что некоторые из подобных псеводиаспоральных образований могут со временем превратиться в настоящие диаспоры (например, русские сообщества в новых независимых государствах), однако некоторые другие случаи, особенно те, которые относятся к автохтонным группам, продолжающим оставаться на своей этнической родине, представляют собой совсем иную картину. Так, «навязчивая идея» любой диаспоры – мечта о возвращении на родину предков, в то время как «навязчивой идеей» группы, оказавшейся в другом государстве по причине внезапного перемещения границ, может оказаться национально-освободительная борьба для обретения прежних границ своей родины, которую они никогда не покидали. Хороший пример последнего рода – Нагорный Карабах. Населяющие его армяне никогда не покидали своей родины, и это было главным аргументом их национально-освободительной борьбы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Неудивительно, что для того, чтобы объявить незаконными притязания армян Карабаха, азербайджанцы использовали контраргумент – объявили их группой мигрантов из Ирана [12], т.е. «аргумент диаспоры» был выдвинут против «аргумента родины».

Возвращаясь к «передвижениям человеческих сообществ», приводящим к образованию диаспоры, отметим, что нас здесь в первую очередь интересует то, что исходная группа делится на две части, родину и диаспору, которые нередко ведут себя как бинарные оппозиции. Последнее является важным механизмом возникновения и функционирования диаспоры и даже

¹ Любопытно, что современные исследователи диаспор с легкостью могут пренебрегать внутренним смыслом термина, которым пользуются. Например, У.Сафран в более ранней версии своей системы даже предложил считать диаспорой лишь те экспатриированные группы, которые рассеялись по крайней мере в два региона вне своей родины (*Safran W. Diasporas in Modern Societies*. p. 83), видимо, с целью хоть как-то ограничить число стремительно растущих групп, претендующих называться диаспорами.

² В первом издании статьи этот термин неточно переведен мною как «случайные». – Л. А.

может классифицироваться как одна из ее существенных характеристик. Она отсутствовала в еврейской диаспоре во время ее «раввинического» периода, но сразу же дала о себе знать после воссоздания двоичной структуры родина/диаспора в XX в.

Противопоставление родины и диаспоры является неминуемым продуктом начального разделения. Такое противопоставление может быть вызвано разными причинами, как вполне очевидными, так и носящими скрытый характер. Наиболее очевидной причиной является, естественно, разница между родиной и принимающей страной, где диаспора находит свою вторую родину.

Иногда сам процесс разделения рождает противопоставление. Так, основной массив современной армянской диаспоры был образован после геноцида 1915г., причем некогда совместно пережитое страдание может стать отличительной характеристикой экспатриированных групп, формируя коллективную память поколений, которые сами не испытали драматического процесса начального расщепления¹. Такая память типологически соотносится с мифом о Начале, выражающим универсальный интерес человеческого коллектива к своим корням, будь эти корни историческими или мифологическими, а коллектив – доисторическим племенем, современной нацией или диаспорой². Хотя мифы о Начале в принципе и могут иметь оттенок драмы³, те из них, которые относятся к образованию диаспоры, как правило, содержат в своей основе исторические трагедии. Армянская диаспора, образовавшаяся после геноцида, является типичным примером такой диаспоры. В этом смысле геноцид стал настоящим мифом о Творении для данной части диаспоральных армян [13]. Более того, он оказался настолько сильным маркером армянской диаспоры, что армянские ученые, как правило, используют слово *sp'uyrk'* (спюрк), армянский эквивалент греческого слова *diaspora*, относительно только той части диаспоры (правда, самой значительной), которая образовалась в результате геноцида 1915г. В то же время для обозначения остальных составляющих диаспоры – как древних, так и современных – используется слово *galt'ojax* или *galt'avayr* (соответственно «очаг» или «место переселения»)⁴.

¹ Некоторые представители третьего поколения армянской диаспоры могут потерять все признаки своей нации, кроме знания о том, что их дедушки и бабушки пережили геноцид в Османской империи. В некоторых случаях то же самое знание, наоборот, заставляет людей отказываться от своей национальной идентичности, чтобы избавиться от ярлыка жертвы.

² Дж. Армстронг называет такие коллективы «архетипическими» (см. *Armstrong J. A. Nations Before Nationalism*. Chapel Hill, 1982. p. 207).

³ Тут уместным будет вспомнить мифы о творении, обыгрывающие идею о смерти и жертве, которые в начале времен оказываются необходимыми для порождения космоса и/или его элементов (см., напр.: *Lincoln B. Death, War, and Sacrifice. Studies in Ideology and Practice*. Chicago and London, 1991. p. 167–175).

⁴ Например, специальный том «Армянской советской энциклопедии», посвященный Армении (Ереван. 1987), содержит две статьи, описывающие оба понятия (Э. Мелконяна, с. 186–195 и В. Бархударяна, с. 182–186). Видимо, чтобы избежать подобной дифференциации и охватить все явление целиком, Г. Бардакчян предпочитает пользоваться английским словом *dispersion* вместо *diaspora* (см.: *Bardakjian K. Culture, Identity and Relations Between Armenia and the Dispersion* // Paper prepared for the Armenia – Diaspora Conference. Yerevan, September 22–23, 1999).

Жесткая привязка слова «спюрк» к армянскому геноциду напоминает использование слова «холокост» для обозначения исключительно еврейского геноцида. Кстати, армянские термины *sp'yuṙk'* и *gaṭ'avayr* как по происхождению, так и значению соответствуют греческому *diaspora* в значении именно *еврейская диаспора* и его передаче в современном иврите в виде *галут* с явно выраженной отрицательной коннотацией [1, с. 29-29]. Разница лишь в том, что у евреев наблюдается тенденция к освобождению понятия *диаспора* от трагического смыслового компонента – *изгнание*, путем появления новых, более нейтральных терминов [1, с. 31-32]; у армян же явно присутствующий в термине *gaṭ'avayr* смысловой слой, связанный с *изгнанием*, сегодня достаточно нейтрально воспринимается в однокоренном слове *gaṭut'*, переводимом в современных словарях как «колония»¹.

Расхождения между родиной и диаспорой и даже их противопоставление могут идти от исконных различий между Восточной и Западной Арменией, которые образовали, соответственно, родину и диаспору. Как верно полагают, эти различия являются следствием того, что Армения очень длительное время входила в состав разных государств, начиная с раздела ее между Персией и Византией в 387г. и кончая предгеноцидным разделением между Российской и Османской империями. «Расхождение» судеб двух частей одной страны впоследствии углубилось еще и из-за конфликта между коммунистической и капиталистической системами, в которых оказались армяне, пережившие революцию и геноцид [14]. Помимо этого у армян Восточной и Западной Армении имелись и локальные этнокультурные особенности, включая языковые. Естественно было бы ожидать, что рано или поздно предгеноцидные этнокультурные и постгеноцидные социально-политические различия исчезнут, облегчив тем самым воссоединение диаспоры с родиной, т.е. реализацию конкретной программы или смутной мечты любой диаспоры². Однако наличие двух языков со своими литературными формами и орфографией вроде бы говорит о наличии достаточно ощутимой дистанции между двумя большими частями армянского народа – проблема, которая находится, как мы увидим ниже, в центре внимания программ по воссозданию его былой целостности.

Тут нужно напомнить, что диалектная дивергенция имела место еще задолго до постгеноцидного разделения армянского народа на две части и, скорее всего, была следствием дифференциации единого языка в условиях

¹ См., напр.: Армяно-русский словарь. Ереван, 1984. С. 143. Интересно, что в толковом словаре первой половины прошлого века (*Nor baṭgirk' haykazea lezui*. Т.1. Венеция, 1836. С. 524) и в этимологическом словаре Г. Ачаряна (Т.1. Ереван, 1971. С. 505) то же слово интерпретируется с оттенком насильственного переселения и беженства.

² Пункт № 4 схемы У.Сафрана (*Safran W. Diasporas in Modern Societies...* p. 83).

различного этнокультурного окружения [15]. Мы не будем обсуждать здесь, что, с точки зрения современных теорий о нации, представляло собой армянское раннесредневековое общество – было ли оно гомогенным, а если да, то в результате чего потеряло это свое качество¹. Одно можно сказать с определенностью: непосредственно перед драматическим расщеплением в начале XX в. Армения уже была разделена на две субэтнические части – Восточную и Западную. Важной особенностью взаимоотношений между родиной и диаспорой в армянском случае является именно то обстоятельство, что Восточная Армения конструировалась как родина, а Западная – как страна пребывания диаспоры.

Подобная дихотомическая структура армянского общества, похоже, подчиняется некой более общей структурной закономерности, чем драматические деления, начиная с раздела Армении между Персией и Византией в конце IV в. до разделения на родину и диаспору в начале XX в. Эта закономерность если не порождает, то хотя бы призвана поддерживать исконно дихотомическую структуру. Наличие двух Армений – Великой и Малой – в исторические времена и сегодняшнее образование Армения-Карабах, составляющие которого не разделены и не объединены, но тем не менее дифференцированы, вроде бы представляют различные аспекты этой исконной дихотомии. Даже двуглавая гора Масис (Арабат), символ Армении, как бы выражает ту же идею, демонстрируя в дополнение асимметрию двух составляющих этого дихотомического единства.

В армянском обществе имеется также дихотомия иного рода, которая не связана с географической структурой Армении, но иногда может совпадать с ней. Следуя Н.Адонцу, можно охарактеризовать эту дихотомию в русле двух тенденций, просматривающихся по крайней мере с V в. Речь идет об ориентации в образе мыслей и поведении на бунтарство или благоразумие [16]. Н.Адонц прослеживает эти ориентации, начиная с противопоставления стоявшего во главе армянского войска Вардана Мамиконяна и перешедшего на сторону персов Васака Сюни во время антиперсидского восстания 451г., когда предопределились армянские стереотипы национального героя и предателя. Согласно Н.Адонцу, здесь нашли свое отражение бунтарское и благоразумное отношение к неопределенной ситуации, характерное для княжеских родов Мамиконянов и Багратуни [16, с. 23-26]. Два этих начала часто соотносились с разделением Армении по признаку восток/запад, хотя могли меняться как местами, так и представлявшими их родами. Так, в конце

¹ Отметим лишь, что армянское общество V в. плохо вписывается в широко используемые в настоящее время европоцентристские модели нации и нации-государства и может стать удобным материалом для пересмотра или, во всяком случае, уточнения этих моделей.

VI в. Саак Мамиконян воплощал собой благоразумное начало и Запад, тогда как Смбат Багратуни – бунтарское начало и Восток [16, с. 34]. И все же в целом ориентация на осторожность и благоразумие были более выражены в роду Багратуни, чем в роду Мамиконянов.

Можно было бы предположить, что подобная дихотомия необходима нации для наиболее эффективного противостояния изменяющимся условиям, если бы такой механизм выживания не оказывался чересчур драматичным для самой нации, чем, собственно, и была губительная вражда между Мамиконянами и Багратуни. Однако Н.Адонц склонен искать истоки рассматриваемой дихотомии скорее в социально-политической сфере, нежели в эссенциалистской психологии: благоразумная тенденция была в той же степени противопоставлена бунтарской, как централизованная власть, которую воплощал в себе царский род Багратуни, была противопоставлена раздробленной феодальной структуре [16, с. 46–47].

Как бы то ни было, два начала продолжают существовать и в наши дни. В советское время они олицетворялись соответственно благоразумной, «теряющей память» Советской Арменией и постгеноцидной диаспорой, борющейся за национальную память¹. Разумеется, подобное распределение «ролей» между родиной и диаспорой являлось достаточно грубым и условным. В то же самое время диаспора сама может быть разделена на две части, соответствующие двум течениям, демонстрируя тем самым универсальную природу рассматриваемой дихотомии. Так, партия «Дашнакцутюн» представляет бунтарское направление (это видно из ее полного имени – в переводе «Армянская революционная федерация»), тогда как либеральная партия «Рамкавар» ближе к благоразумному направлению, хотя такое распределение тоже условно и представляет скорее идеальную, чем реальную характеристику обеих партий.

Подобно тому, как Мамиконяны и Багратуни (так же, как Восток и Запад) иногда менялись местами в своих ориентациях, с родиной и диаспорой могло происходить то же самое. Например, во время первого этапа Карабахского движения политические партии диаспоры были более осторожны и бла-

¹ Характеристика бунтарского направления в терминах «верный клятве», «преданный», а благоразумного в терминах «вероломный», «предательский» (см.: Адонц Н. Политические течения в древней Армении..., с.26) еще с оппозиции Вардан/Васак понимается также как оппозиция верный/неверный по отношению к национальной памяти. Как справедливо заметил А.Петросян (в интервью автору), современным проявлением указанной оппозиции можно считать арменоведение, представленное, соответственно, учеными Армении и армянской диаспоры, с примордиализмом и эссенциализмом первых и гиперкритицизмом, конформизмом и «неверностью» по отношению к национальной истории последних. Яркий пример столкновения позиций – жесткая критика американских арменоведов, предпринятая недавно А.Айвазяном (*Айвазян А. Армянская история в представлении американской историографии* (критический обзор). Ереван, 1998 (на арм. яз.)).

горазумны, чем бунтарски настроенные участники массовых выступлений в Карабахе и Армении¹, которые даже получили от кремлевского руководства ярлык экстремистов. В дальнейшем, с углублением армяно-азербайджанского конфликта, диаспора, особенно дашнаки, вновь обрела свой мамиконяновский облик, в частности, в отношении к войне в Карабахе. Современное двуединство Армения-Карабах также демонстрирует указанную дихотомию. Так, собственно карабахское крыло Карабахского движения, типологически повторявшее феодальную модель национально-освободительной борьбы XVIII в., больше тяготело к мамиконяновскому прототипу, чем ереванское, которое быстро преобразовалось в широкое социальное движение [17].

А.Петросян считает дихотомию, анализируемую Н.Адонцем в политическом и социальном контексте, универсальной и гораздо более древней чертой армянской культуры, которую можно усмотреть уже в двойном этнониме армян *hay/armen*. Специфику армянской культуры он видит именно в том, что она хорошо сохранила эти два начала на протяжении всей своей истории – вплоть до современного разделения родина/диаспора [18].

Аналоги двум рассматриваемым тенденциям можно найти и в других культурах, например, в русской, где были славянофилы и западники. Соотношение бунтарской и благоразумной частей общества может меняться с течением времени и от страны к стране, питая различные, порой сомнительные гипотезы и теории [19]. В любом случае эти два начала играли значительную роль в становлении национального характера и предопределили многие особенности национальной истории, поскольку, каково бы ни было их происхождение, они материализуются в конкретных людях. Соотношение бунтарства и благоразумия зачастую служит основанием для дифференциации народов, а иногда даже базой для этногенетических построений. Например, в русской этнографии XIX в. ингуши считались не отдельным народом, а миролюбивой частью воинственных чеченцев, которая не участвовала в жестком сопротивлении русскому завоеванию Кавказа [20]. Хотя разделение этих двух родственных народов произошло ранее и, скорее всего, по другому сценарию [21], теоретически процессы подобного типа могут играть значительную роль в этногенезе.

В случае с армянами мы подходим здесь к другой проблеме, которая много обсуждается как в Армении, так и в диаспоре и связана с сегодняшним пиком эмиграции армян со своей родины. В терминах указанной дихотомии

¹ Упомянем в этой связи совместное заявление, сделанное тремя основными традиционными партиями диаспоры в октябре 1988г. (см.: Armenia at the Crossroads. Democracy and Nationhood in the Post-Soviet Era. Essays, Interviews and Speeches by the Leaders of the National Democratic Movement in Armenia. Ed. by G. J. Libaridian. Watertown, 1991. p. 127–129).

эта проблема касается природы и характера тех, кто остается, и кто вынужденно покидает родину из-за экономических тягот 1990-х гг. или по другим причинам. По одному мнению (его можно назвать патриотическим, или национально-ориентированным), покидающая родину часть нации считается ее лучшей или, по крайней мере, наиболее активной частью, которая, тем не менее, обречена быть в конечном счете потерянной для Армении и армянства. Таким образом, диаспора, в частности ее новая, экономически обустроенная часть считается, согласно этому мнению, потенциально ненадежной для сохранения национальной идентичности, т.е. воспринимается как нечто близкое к благоразумной тенденции, приводящей к национальному «забвению». То же самое мнение классифицирует ту часть армян, которая остается на родине, невзирая на невыносимые условия, как истинных патриотов своей нации, т.е. воспринимает их как нечто близкое к мамиконяновской тенденции. Тут будет уместным напомнить девиз, восхваляющий смерть за веру (или за независимость, или за нацию) и сопровождающий бунтарское направление со времен Аварайрской битвы до программ современных националистических партий.

Есть и другая позиция: остающиеся на родине считаются инертными и безынициативными. В частности, такого мнения придерживаются те, кто решается покинуть родину, но это также и самокритическая оценка тех армян, кто хотел бы, но не смог сделать это по той или иной причине. Таким образом, борьбу «бунтарства» с «благоразумием» можно увидеть и на примере сегодняшней родины, а не только диаспоры.

Специальная проблема, еще ждущая еще своего исследователя – особенности адаптации «новейших» (после 1980-х гг.) иммигрантов, или *hayastanc'i* («армяне из Айастана», или, в переводе – «армяне из Армении», как их и они себя называют), к среде и культуре принимающей страны, в том числе к уже существующей там диаспоре. Модель освоения этой группой «нового мира» в корне отличается от опыта основателей постгеноцидной диаспоры. «Новейшие» иммигранты в целом более авантюристичны (вспомним популярные сегодня слухи о тысячах армянах-*hayastanc'i* в американских тюрьмах – нечто немислимое для образа армянина постгеноцидной диаспоры). Однако это новое деление в пределах диаспоры лежит в иной плоскости, нежели обсуждавшееся выше противопоставление двух начал. Оно скорее отражает особую трикстерность¹ в поведении армян, покинувших родину –

¹ Трикстер – от англ. *trick* (трюк). Культурный герой, мифологический персонаж, известный у многих народов мира, часто прибегающий к плутовству и трюкам. Из последних работ о трикстере см.: *Топоров В.Н. Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск. 1987. С. 5–27; Mythical Trickster Figures. Contours, Contexts, and Criticism. Ed. by W. J. Hynes & W. G. Doty. Tuscaloosa and London. 1993; Hyde L. Trickster Makes This World. N.Y. 1998.*

еще одна нерешенная проблема в отношениях родины и диаспоры (если не более общая проблема из области этнопсихологии)¹.

3. Типы воссоединения: Восток и Запад вновь сходятся

Пункт №4 схемы У.Сафрана фиксирует диаспоральную идею о конечном возвращении на родину, а пункты № 1, 2, 5 и 6 отражают ту же идею косвенно, на уровне памяти, мысли и символических действий. Репатриация армян, имевшая несколько фаз (первая началась в 20-х гг. XX в., последняя закончилась в 70-х), была фактически реализацией идеи о возвращении и попыткой ликвидации разделения нации на родину и диаспору. Однако (если исключить иранских армян, репатриация которых в Советскую Армению в 60-х и 70-х гг. может быть классифицирована как возврат на родину предков, т.е. в Восточную Армению) другие диаспоральные армяне возвращались не на свою буквальную родину – Западную Армению, а на ее символическую замену². Хотя идея о возвращении и продолжает играть свою роль в программах политических партий или в популярных представлениях об исторической справедливости, присутствие этой символической замены вносит специфические нюансы в армянский случай отношения родина/диаспора.

Таким образом, репатриация была не просто встречей Востока и Запада (в случаях, когда репатрианты были из западных стран), а встречей восточных и западных армян. Впрочем, это была не первая встреча подобного рода в истории Армении: немалое число западных армян переселилось в Восточную Армению в первой половине XIX в. в результате русско-персидских и русско-турецких войн, и еще одна волна западных армян получила приют в Восточной Армении после геноцида в Западной Армении в начале XX в. Сегодняшняя сложная этнографическая картина Армении, состоящая сплошь из мозаики западных и восточных армян, является результатом этих двух встреч «Востока» и «Запада». Как случается всегда в подобных случаях, различия между старожилами и переселенцами давали о себе знать очень долго, почти до настоящего времени. Сегодня две группы уже не противопоставляются одна дру-

¹Здесь я использую мысли А.Петросяна о трикстерном образе армян прежде всего во «внутренней» диаспоре (армянской диаспоре в пределах бывшего Советского Союза, главным образом России). В качестве примера можно привести типично трикстерные анекдоты про «Армянское радио» или оценку армян как мошенников в структуре криминального мира (см.: Аргументы и факты, 1992. № 10). Для сравнения, по приводимой классификации, в начале 90-х гг. преступники-азербайджанцы в России специализировались больше на наркобизнесе, грузины – на квартирных кражах, дагестанцы – разбойных нападениях, а чеченцы лидировали в сфере рэкета и угона автомобилей.

²Многие репатрианты первой, довоенной волны считали Советскую Армению временной ступенью для последующего возвращения на истинную родину – Западную Армению, которая, как они надеялись, будет в скором времени освобождена (Степанян А. Репатриация армян: историко-этнографическое исследование. Ереван, 2005 (рук. на арм. яз., готовится к изданию))

гой; они скорее конкурируют за доминирование в армянской культуре. Это было очевидно, например, в случае с временной победой сасунского (т.е. западно-армянского) музыкально-танцевального стиля в сериях фольклорных фестивалей, проводившихся в 70-х гг. в Ереване, и общей «сасунизацией» армянской культуры, как определяли это явление сторонники восточно-армянского стиля. Остатки былого противоборства стали еще более сглаженными с появлением в 90-х гг. нового водораздела – между старожилами, представленными обеими группами, и новоселами, беженцами из Азербайджана.

Репатриация – как в иллюзиях диаспоры, так и в коммунистической пропаганде родины – представлялась как воссоединение разделенных частей армянской нации. На самом же деле репатрианты образовали в Армении всего лишь субэтническую группу «новоприбывших» (*nopek*), которым старожилы дали пейоративное имя *axpar* – по тому, как те произносили армянское слово *axper* (просторечное от *etbayr*, брат), используемое для обращения друг к другу. Не очень престижный статус *axparov* заметно поднялся в годы застоя и особенно во время перестройки, когда наличие жены или мужа-ахпара давало реальный шанс для эмиграции на Запад¹. Таким образом, репатриация на самом деле стала лишь временным возвращением на родину: большинство таких вернувшихся и/или их потомки не только вновь присоединились к диаспоре, но и увлекли за собой значительное число старожилов с родины. В результате изначальная разделенность, после временной попытки воссоздать воображаемое единство, стала еще более выраженной.

Как уже говорилось, современная диаспоральная группа *hayastanc'i* интересна во многих отношениях. В частности, встреча новых экспатриантов со старожилами диаспоры хорошо отражает скрытую оппозицию между родиной и диаспорой. Оставляя эти вопросы будущим исследователям, отмечу здесь лишь то, что группа *hayastanc'i* может стать лучшим медиатором между родиной и диаспорой, поскольку Армения для нее является реальной, а не символической родиной. В то время как вопрос о национальной идентичности нередко является особой проблемой для других диаспоральных групп², *hayastanc'i*, по крайней мере, их первое поколение, идентифицируют себя почти в полном соответствии с именем, которое они получили в диаспоре и которое показывает их прямую связь с родиной (*Hayastan*/Армения). Пока традиционные диаспоральные группы громко заявляют о своей помо-

¹ Отражением повышения статуса репатриантов в конце 1980-х гг. является репатриантское происхождение первого президента Армении, хотя и в этом случае можно видеть двойственное отношение к этой группе: в середине 1990-х гг. многие люди, разочаровавшиеся в своем президенте, приписывали его отрицательные качества именно ахпарскому происхождению.

² Например, одна американская студентка выступила на собрании в университете в Беркли в 1997г. с заявлением, что быть армянкой является ее хобби.

щи родине (к счастью, нередко действительно эффективной), *hayastanc'i* без шумихи помогают оставшимся на родине родственникам и друзьям. Тем самым создается та скромная, но стабильная финансовая подпитка, которая в значительной степени объясняет, как армяне умудряются выживать в пост-советской Армении.

Репатриация была материальным воплощением идеи воссоединения, однако существовали и продолжают бытовать также символические и метафизические пути реализации той же идеи. Одной из них является современное представление бедной родины о богатой диаспоре как о своей спасительнице. Это новое выражение старой армянской идеи о том, что в критической ситуации спасение должно прийти с Запада. В V в., во время антиперсидского восстания, таковым было ожидание помощи со стороны Византии. С конца XI в., во времена сельджукских завоеваний и крестовых походов, надежды на спасение с Запада основывались на серии видений и пророчеств, которые восходили к знаменитому видению католикаса Армении IV в. Нерсеса Великого, заложившего основы традиции упования на Запад [22]. В XVIII в. армяне Карабаха, опасаясь нашествия кочевников, надеялись на содействие России (для Армении ось Восток–Запад нередко заменялась осью Юг–Север). В начале XX в. западные армяне ждали помощи со стороны европейских стран, а в конце века, во время Карабахского конфликта, мысли о спасении вновь обратились к России. Диаспора, расположенная на Западе и олицетворяющая западные ценности, стала последней в этом списке потенциальных спасителей. И хотя указанная стратегия ни разу не оказалась действительно спасительной для Армении (наоборот, она, как правило, была для нее губительной), страна, тем не менее, продолжает питать мечты о спасении с Запада, что выражается сегодня, в частности, в приглашении «мудрых» министров из диаспоры для управления родиной.

Избрание в 1995г. Гарегина I, «западника» и представителя диаспоры, католикосом всех армян стало иным символическим способом реализации идеи воссоединения диаспоры и родины. Кандидатура Гарегина I открыто поддерживалась тогдашним президентом Л.Тер-Петросяном – факт, широко обсуждавшийся во время и после избирательной кампании. Судя по интервью и речам президента, где он гневно обличал существующее разделение армянской церкви, причину президентской поддержки можно объяснить его желанием ликвидировать это неестественное расхождение. Президент имел в виду сосуществование двух католикосов – одного в Армении, в Эчмиадзине, другого в Ливане, в Антилиасе близ Бейрута, и соответственно двух паств – на родине и в диаспоре.

Католикосат в Антилиасе, который является наследием последнего армянского киликийского царства, стал после советизации Армении воплощением политического антагонизма дашнакской партии армян диаспоры и «коммунистического» католикоса Армении. Гарегин был католикосом в Антилиасе и поэтому как бы олицетворял само расщепление, во всяком случае, в глазах президента. Следуя его логике, избрание Гарегина эчмиадзинским католикосом должно было положить конец расщеплению, и армяне Армении и диаспоры воссоединились бы. Хотя многие считали такую стратегию достаточно успешной для сближения разделенной на две части нации, она скорее напоминала метафизический трюк, чем действенный способ обретения утраченного единства, по крайней мере, в период правления Л.Тер-Петросяна. Дело в том, что в Антилиасе был избран новый «дашнакский» католикос, а разделение стало еще более выраженным из-за антидашнакской политики, активно проводимой президентом.

Другая проблема, имеющая отношение к идее воссоединения и солидарности, связана с орфографией армянского языка. С особой остротой она была поднята в конце 1980-х и в 1990-х гг. и широко обсуждалась в научных журналах, газетах и телепередачах с использованием всех возможных жанров, начиная от научных исследований и круглых столов до ток-шоу, публичных обличений, манифестоподобных заявлений и памфлетов¹. Причиной дискуссии послужила идея возврата к классической орфографии, которая подверглась изменениям реформами 1922 и 1940 годов. А поскольку эти реформы были реализованы только для восточноармянского литературного языка, в то время как западноармянский литературный язык сохранил старую орфографию, то вопрос об унифицированной орфографии стал вопросом объединения двух разделенных частей армянского народа.

Сторонники классической орфографии считают, что реформы были осуществлены антинационально настроенными большевиками, чтобы еще больше отделить Советскую Армению от капиталистической и национально ориентированной диаспоры. Их оппоненты относят истоки идеи о реформе к концу XIX в. и временам Первой республики, а сами реформы рассматривают как естественный процесс развития языка. Сторонники реформ часто оправдывают свою позицию тем, что диаспора несравнима с родиной по числу людей, владеющих армянским письменным языком, а иногда даже высказывают мнение о том, что диаспора как структура в принципе обречена на вымирание. Как бы то ни было, в результате реформ две части армянского народа в настоящее время не только говорят на «разных» языках, но и пользуются раз-

¹ Не имея здесь возможности привести весь массив источников, хочу лишь поблагодарить О.Закаряна, одного из активных сторонников возврата к классической орфографии, за предоставление мне полного списка литературы по данному вопросу.

ной орфографией. В контексте дихотомии родина/диаспора сторонники возврата к старой, дореформенной орфографии обычно представляют права диаспоры, тогда как поборники реформ заботятся прежде всего о жителях Армении (также о группе *hayastanc'i* в составе диаспоры)¹. Хотя дискуссия продолжается, стоит отметить, что идея унификации орфографии вряд ли воссоединит две части нации, поскольку они говорят на существенно различающихся между собой языках. Вспомним, что репатрианты получили свое прозвище «ахпар» благодаря своему западноармянскому языку. Иными словами, воссоединение в этом случае тоже имеет как бы метафизическую природу: в известном смысле оно может сблизить разделенные половины, но вряд ли воскресит древнее и благословенное состояние изначального единства.

Еще более метафизический характер имеют попытки создания ситуаций, якобы приближающих к этому исходному единству. Подобное масштабное мероприятие было организовано в сентябре 1999г. в Ереване под девизом «Один народ (*azg*) – одна культура» (армянское слово, использованное здесь, охватывает также понятие «нация»). Форум был задуман как большая конференция на тему «Армения – диаспора», которая должна была вовлечь все диаспоральные структуры (территориальные, политические, социальные и т.п.). Впервые диаспора возвращалась на родину не отдельными разрозненными частями, а как нечто целое (все диаспоры), причем девиз форума подчеркивал, что это не просто встреча некогда разъединенных половин, а их слияние. Нельзя не заметить, что слияние не могло не быть иллюзорным хотя бы потому, что с этнологической точки зрения девиз скорее должен был бы звучать как «один народ – много культур».

Тем не менее, форумы такого рода и особенно события типа Первых панармянских игр, непосредственно предшествовавших конференции, создают нечто подобное праздничному чувству единства, реализуя на короткое время торжеств четвертый, «воссоединительный» пункт схемы У.Сафрана.

В то время как эти события олицетворяют воссоединение в материализованной форме форумов и фестивалей, в редких случаях слияние некогда разделенных частей может происходить еще более масштабно и эффективно, но лишь на духовном уровне. Таким случаем были массовые выступления 1988г. по поводу Нагорно-Карабахского конфликта. Они по многим признакам соотносились с архаическим праздником, прежде всего тем, что были отмечены ослаблением и даже исчезновением основных оппозиций армянского общества [17, р. 70–86]. Временно исчезло и противостояние родины и диаспоры, поскольку армяне диаспоры тоже участвовали в этом политичес-

¹ В некотором смысле последнее мнение может быть соотнесено с позицией тех немногочисленных представителей диаспоры, которые отказываются поддерживать диаспоральные структуры, считая, что диаспора должна сосредоточить свои силы только на помощи родине.

ком «празднике». Таким образом, то разделение, которое мы обсуждали в статье, было чудесным образом ликвидировано, хотя этот возврат к желанному единству был лишь временным.

Что касается «будничного» состояния, родина и диаспора ищут новые пути такого слияния изначально разделенных половин, чтобы в нем успешно сочетались принципы расхождения и встречи. «Воссоединение» родины и диаспоры, скорее всего, примет неожиданную и, вполне вероятно, несколько хитроумную форму (вспомним тему трикстера). И первым шагом к этому, возможно, станет некий трюкаческий закон о двойном гражданстве, который ознаменует дальнейшее развитие странного, но, смею надеяться, жизнеспособного двуединого целого.

Декабрь, 2005г.

Источники и литература

1. Дятлов В., Диаспора: попытка определиться в понятиях, Диаспоры. М., 1999. № 1. с. 8–23; Милитарев А., О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции). Там же. с. 24–33.
2. Safran W., *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return*, Diaspora. N.Y., 1991. Vol. 1. № 1. p. 84.
3. Safran W., *Describing and Analyzing of Diaspora: An Attempt at Conceptual Cleansing*, Paper presented at the conference «Diasporas: Transnational Traditions and the Politics of the Homeland». University of California at Berkeley. November 12–13, 1999. Ср.: Safran W., *Diasporas in Modern Societies...* p. 83–84
4. Бозоян А., Новое понимание титула «Kat'olikos Hayoc'» после падения Багратунийского царства, Эчмиадзин. (на арм. яз.) 1997. № 10. с. 79
5. Мелконян Э., Этническая культура и традиция, Историко-филологический журнал АН Армении (ИФЖ). (на арм. яз.) 1989. № 4. с. 72–83.
6. Барсегов Ю.Г., Консульские учреждения в истории Армении // ИФЖ. 1983. № 1. с. 43–57.
7. Григорян В.П., История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). Ер., 1980. с. 83–99.
8. Чамчян М.А., История Армении с начала мира по 1784 г. Р.Х. т. 1–3. Венеция, 1784–1786 (на арм. яз.); Алишан Г., Древняя вера, или языческая религия армян. Венеция, 1895 (на арм. яз.).
9. Аракелян Г.С., Черкесоган, Кавказ и Византия. т. 4. Ер., 1984. с. 43–58.
10. Brubaker R., *Accidental Diasporas and «External Homelands» in Central and Eastern Europe: Past and Present*, Paper presented at the conference on «Diasporas: Transnational Identities and the Politics of the Homeland». University of California at Berkeley, November 12–13, 1999.
11. Халмухамедов А.М., Армянская диаспора как этнополитический феномен, Этнографическое обозрение. 1999. № 2. с. 82; Тишков В.А., Исторический феномен диаспоры, Этнографическое обозрение. 2000. № 2. с. 44.
12. Алиев И., Нагорный Карабах: История. Факты. События. Б., 1988. с. 21–28.

13. *Adalian R.*, A Conceptual Method for Examining the Cosequences of the Armenian Genocide, Problems of Genocide. Proceedings of the International Conference on «Problems of Genocide». Cambridge, Mass. and Toronto, 1977. p. 331; *Петросян А.*, Армянский геноцид как этногония, Взгляд из Еревана (на арм. яз.), 1997. т. 3. № 4. с. 49-51 .
14. *Мелконян Э.*, Армения – армянская диаспора: на пути взаимопонимания, Армения и диаспора на пороге XXI века (на арм. яз.), Ер., 1988. с. 76–77 .
15. *Джаукян Г.Б.*, Введение в армянскую диалектологию (на арм. яз.), Ер., 1972. с. 180-192 ; *Ачарян Г.*, История армянского языка (на арм. яз.), Часть 2. Ер., 1945. с. 363, а также с. 114–140, 362–439; *Джаукян Г.Б.*, История армянского языка. Дописьменный период (на арм. яз.), Ер., 1987. с. 365.
16. *Адонц Н.*, Политические течения в древней Армении, *Адонц Н.*, Исторические исследования (на арм. яз.), Париж, 1948. с. 17–48 .
17. *Abrahamian L.H.*, The Karabagh Movement As Viewed by an Anthropologist, Armenian Review. Watertown, Mass., 1990. Vol. 43. № 2-3. p. 68–69; *Abrahamian L.H.*, Chaos and Cosmos in the Structure of Mass Popular Demonstrations, Soviet Anthropology & Archeology. Armonk, N.Y., 1990. Vol. 29. № 2. p. 70-71.
18. *Петросян А.*, Мифологические архетипы в современной армянской реальности (рукопись, на арм. яз.), 1995.
19. *Гумилев Л.Н.*, Этногенез и биосфера земли. Л., 1990. с. 258–312.
20. *Токарев С.А.*, Этнография народов СССР. М., 1958. с. 243.
21. Народы России. Энциклопедия. М., 1994, s.v. *ингуши*.
22. *Ованнисян А.*, Очерки по истории армянской освободительной мысли (на арм. яз.), т. I. Ер., 1957. с. 16–17 .

ARMENIA AND ARMENIAN DIASPORA: PARTING AND MEETING AGAIN

Levon Abrahamian

Resume

The paper discusses the peculiarities of the homeland-diaspora interconnections in the long history of the Armenian diaspora. It consists of three sections. The first section tries to outline the Armenian model of diaspora and discusses the ethno-protective mechanisms that helped the Armenian communities to survive in the foreign environment. The second section “Homeland and Diaspora: Divided Before Division?” focuses on the phenomenon of splitting of the original group into two parts, homeland and diaspora, which inevitably produces an opposition between the split parts. In the section “Types of Reunion: West and East Meet Once Again” various trends and mechanisms of uniting the once split parts are discussed, including repatriation and more metaphysical ways of reunion.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Арман Сагателян

Данная статья затрагивает основные вопросы информационной политики государства в ракурсе рассмотрения государства как группы. В работе изучаются применяемые в различных государствах модели общественного информирования и коммуникативного управления. Также предлагаются основные направления реализации информационной политики государства.

Введение

Одной из отличительных особенностей нашей реальности является то, что практически все субъекты геополитики ведут войну друг с другом, однако не в традиционном понимании этого слова, а посредством новых технологий, среди которых особого внимания заслуживают технологии формирования или реформирования (корректирования) общественного сознания. Развал Советского Союза, события в Грузии и в Украине – наглядный пример применения подобных технологий, о чем в последнее время появилось достаточно много аналитических и других публикаций. Главная цель новых, информационных войн – это не всегда овладение территорией и даже ресурсами, а изменение ментальности объекта атаки в выгодном агрессору направлении. Данный факт обязывает под иным углом рассматривать вопрос национальной безопасности и значительно пересматривать прежние положения и подходы к ее реализации.

В условиях глобализации и развития информационного общества наряду с интеграцией экономик информационное пространство также становится единым. При этом игроками в новых реалиях, кроме конкретных государств, могут выступать различные по своему характеру и устройству субъекты, как то: различные межгосударственные союзы и объединения, международные структуры, транснациональные компании, религиозные, террористические и иные организации и т.д. Демократический путь развития нашего государства также предполагает становление гражданского общества, в котором, наряду с органами государственного управления, в процессе обсуждения и принятия решений активное участие могут принимать также граждане и гражданские объединения. Любая общественная организация может иметь

точку зрения, отличную от официальной, а также обладает правом отстаивать свои позиции и проводить агитацию и пропаганду в свою пользу любыми средствами, не запрещенными законом. Ограничение подобных прав и свобод общественных формирований юридическими нормами малореализуемо, тем более что в определенный момент начинает противоречить основным принципам демократического устройства и может нанести серьезный урон репутации государства, провозгласившего демократический путь развития. Кроме безусловной приемлемости подобной модели, зачастую возникают ситуации задеирования подобных, с виду неполитизированных, формаций в целях воздействия на общественные настроения, и, как следствие, поведение. (Все тот же пример Грузии или Украины, где агентами влияния были именно общественные, а не политические структуры).

Исходя из сказанного, можно констатировать, что государство находится в условиях жесткой внутренней и внешней конкуренции, при которой применение силовых методов регулирования и коррекции процессов с каждым днем становится все менее возможным. Однако, несмотря на различие в функционировании и устройстве названных субъектов (государств, их объединений, транснациональных компаний, международных и общественных организаций, религиозных и пр.), все они обладают характерной общностью – все эти субъекты по своей сути являются группами. Именно с точки зрения структурных и функциональных характеристик групп предлагаем дальнейшее рассмотрение проблемы.

1. Информационные группы и структуры

С точки зрения структуры, *группу можно определить как социальную агрегацию, имеющую внешнюю границу и, по крайней мере, одну внутреннюю* [1, с. 5]. При этом внешняя граница отграничивает членов группы от «нечленов», а внутренняя граница – членов от лидеров. Структурно это может выглядеть следующим образом (по Э.Берну; рис.1):

Рис. 1.

Необходимо отметить, что возможны также типы социальных агрегаций с внешней границей при отсутствии внутренней (вечеринки, приемы и т.д.), и такие, у которых нет ни внешней, ни внутренней границы (толпы и массы). Однако ввиду того, что функционирование и динамика подобных групп отличны от групп организованных, коей и является государство, то именно с точки зрения организованных групп мы продолжим данное рассмотрение.

Итак, условно-схематически государство как группу можно представить следующим образом (рис.2):

Рис. 2.

Структура государства с точки зрения группового устройства

Здесь внешняя граница разделяет граждан от не граждан, а внутренняя — власть от рядовых граждан.

Так как государство как группа имеет не только лидеров и членов, но и их различные категории, то для него характерна второстепенная структура, различающая иерархические классы. Подобные группы принято называть составными и можно описать концентрической диаграммой. Одновременно государство является и т.н. комплексной группой, так как в его структуру входят горизонтальные (гомологические) классы (например, горисцы, апаранцы, гюмрийцы и т.д.), а также т.н. сложной группой, так как имеет ряд второстепенных границ в зоне лидерства (власти) — разграничение исполнительной, законодательной и судебной властей.

Комплексно все вышесказанное можно условно представить диаграммой (рис. 3).

Главным для любой группы, включая государство, является факт ее существования. Иначе группа становится просто историческим явлением, как, например, Древняя Греция. Следовательно, основная задача группы — выжить как можно дольше. При этом критическими факторами являются долговечность, эффективность и способность к развитию. Есть как минимум два типа влияний, которые угрожают существованию группы: разрушительные силы

снаружи и дезорганизирующие силы изнутри. Под менеджментом именно этих угроз предлагаем понимать сущность национальной безопасности.

Рис. 3.

Структура государства как составной, комплексной и сложной группы

Таким образом, в борьбе государства с основными угрозами следует учесть три критических фактора: внешние посягательства, внутреннее возбуждение и противостоящую им силу самой группы. При этом принято различать три типа выживания группы: физическое, идеологическое и эффективное.

Физическое выживание необходимо для продолжения существования группы. Иначе, в случае уничтожения индивидуальной структуры, группа может существовать как идеологическое представление, но не способна к функционированию.

Идеологически группа может существовать в сознании ее членов даже после того, как перестанет существовать в виде организованной силы. Идеологическое существование является необходимой предпосылкой возобновления организованного функционирования группы при благоприятных условиях. Так, множество народов имело и имеет идеологическое представление о своей государственности, и нередко именно это представление дает возможность ее возрождения в определенный исторический период (например, государство Израиль).

Эффективное выживание группы есть ее способность к организованной деятельности. Естественно, эффективность группы зависит от идеологического и физического потенциала, но решающую роль играет организационная структура.

Исходя из сказанного, можно выделить три вида основных угроз существования группы:

1. Группа может не выжить идеологически, если слаба частная структура и члены испытывают слабую потребность в сохранении группы, которая

- распадается физически и перестает быть эффективной ввиду отсутствия объединяющих сил. Подобный процесс принято называть разложением.
2. Если уничтожается индивидуальная структура, даже при наличии сильной идеологии, организационная структура группы также не может быть эффективной. Данный процесс есть уничтожение.
 3. При уничтожении групповой структуры, даже при желании членов сохранить группу и наличии физического и идеологического ресурса, группа также перестает функционировать. Подобное явление есть разрушение [1, с. 18-22].

Отсюда следует, что обычная тактика деструктивного воздействия на государство заключается в следующем: идеологическое нападение и интервенция, которые приводят к разложению (эрозии); физическое нападение, приводящее к частичному уничтожению (изнашиванию); преодоление и уничтожение групповых границ (вторжение).

В случае государства физическая карта и организационная структура наиболее тесно связаны. Главная внешняя граница – не только конституционный, но и географический предел. Существующие групповые силы можно схематически представить следующим образом (рис. 4) [1, с. 21]:

Рис. 4.

Как видно из рисунка, удар по внешней границе есть первый шаг в нападении на внутреннюю границу. Воздействие на лидерство со стороны членов самой группы по сути есть нападение на главную внутреннюю границу. И, наконец, третий тип угроз есть конфликт между индивидуальными членами или различными группировками на второстепенных внутренних границах без непосредственного вовлечения в конфликт власти (различные интриги,

крупные криминальные разборки и т.д.). Подобные противостояния также могут нанести значительный урон организационной структуре государства.

Однако здесь следует сделать существенное замечание: внешние физическая и информационная границы государства на данный момент не идентичны. В годы Советского Союза государство предпринимало ряд мер для предотвращения идеологической интервенции и отождествления физической и информационной границ. Например, на территории государства развешивались технические средства «глушения» внешних информационных источников (скажем, радио «Свободы»), а о ретрансляции, импорте или перепечатке зарубежных информационных продуктов не могло быть и речи. В Армении же, равно как и в большинстве стран, надежная защита внешних физических границ не гарантирует от информационной и идеологической интервенции, так как на территории страны ретранслируются многочисленные зарубежные теле- и радиопередачи и целые каналы, импортируется множество печатных изданий, а доступ к ресурсам Интернета в нашей стране, в отличие, скажем от многих арабских государств, неограничен. При этом в стране, естественно вполне легально, действует множество организаций различной направленности (от международных благотворительных до религиозных), проводящих свою информационную политику и производящих свои средства массовой информации. Данное замечание обязывает пересмотреть возможные источники опасности и, следовательно, расширить представление о безопасности.

Ввиду проницаемости информационных границ, любой внутригрупповой дезорганизующий процесс может быть спровоцирован и поощряем как внутренним, так и внешним источником информационно-психологической агрессии. При этом «разность потенциалов» и конфликт между индивидуальными склонностями (социальная, политическая, духовная, образовательная поляризация либо деградация; коррупция; нетерпимость, отчуждение и пр.), а также процесс возбуждения и снижение потенциала сплоченности при борьбе с внешним давлением также могут подвергаться воздействию и коррекции из неподконтрольных государству источников посредством проводимых информационно-психологических операций. Исследователь коммуникации Георгий Почепцов отмечает, что цивилизационные изменения в XX столетии повлекли за собой иной статус информационной составляющей в современной цивилизации. Коренным образом изменилась зависимость общества от информации, и общество более уязвимо в этом отношении. Он отмечает следующие характерные особенности этого процесса:

- усиленная зависимость успешного развития общества от информа-

- ционных потоков как в области экономики, так и в области политики;
- глобализация коммуникации, вытекающая из новых технических возможностей, когда стало трудно скрывать произошедшие события как от всего мира, так и от собственного народа;
 - все возрастающая зависимость правительств от своего населения: вариант развиваемой сегодня демократии существенным образом опирается на определенные информационные механизмы и невозможен без них [2].

Учитывая вышеизложенное, детальное описание и систематизация угроз информационно-психологического характера с учетом наших реалий требуют дальнейшего всестороннего исследования. Новый коммуникативный фактор, влияющий на политику, экономику и другие сферы, требует создания и реализации новых методов управления. Очевидно, что государственным органам необходимо пересмотреть некоторые положения своей информационной политики с целью увеличения степени влияния и повышения конкурентоспособности в информационной среде. Данная проблема характерна не только для Армении, но и, так или иначе, практически для всех государств, стремящихся к стабильности и развитию. Решение подобных вопросов не может иметь универсальный характер и естественно в значительной степени зависит от особенностей отечественного менталитета, который сложился под влиянием географических, исторических, социопсихологических и других факторов. Однако в мировой практике существует ряд примеров успешного решения вопросов повышения эффективности информационной работы государственных органов. Так, особого внимания заслуживает признанная в профессиональных кругах чрезвычайно эффективной модель осуществления общественного информирования и коммуникативного управления, реализованная в Великобритании.

2. Английский опыт

Система общественного информирования в Великобритании претерпела значительные изменения за последние 20 лет. «Правительство не только должно работать эффективно, но и все граждане должны быть убеждены в том, что оно работает эффективно», – эта известная фраза принадлежит именно британским специалистам. Последняя реформа в сфере общественных коммуникаций была начата нынешним премьер-министром Великобритании Тони Блэром в 1997г. Он же в 1998 году инициировал проект реконструкции имиджа государства «*Panel 2000*». Премьер был недоволен тем, что страна не оценивается в соответствии с тем реальным вкладом, который она

вносит в мировой прогресс. Великобритания, по мнению авторов проекта, все еще ассоциируется с Британской империей времен королевы Виктории.

Первой и основной задачей государственной информационной политики в Великобритании является всестороннее информирование общественности по самым различным вопросам. При этом, учитывая объем требуемой информации и разброс тематики (от социальных льгот и пособий до вопросов внешней политики), задача служб связей с общественностью заключается в наиболее своевременном и исчерпывающем предоставлении этой информации с наименьшими затратами, т.к. эти службы существуют за счет налогоплательщиков. Второй задачей названных подразделений является создание и поддержание определенного имиджа государства и власти как среди граждан, так и на международной арене.

Одно из первых подразделений, призванных выполнять вышеназванные функции, было сформировано еще в период Второй Мировой войны и называлось Министерством информации. Основной функцией данной структуры было информирование населения о ходе боевых действий, при этом с избираемой акцентировкой на те или иные события и предоставление информации в выгодном для правительства свете, особенно в периоды явных военных неудач. В 1949г. Министерство информации из имиджевых соображений было переименовано в Центральное бюро информации – ЦБИ (*Central Office of Information – COI*). ЦБИ структурно отличалось от Министерства информации (рис. 5). Так, в его состав вошли создаваемые при каждом министерстве и ведомстве пресс-службы. Эти службы в каждом министерстве и ведомстве одинаковы и включают 3 отдела:

Пресс-офис (*Press Office*) или информационная служба. Основная задача данного отдела – взаимодействие с центральными, региональными и местными СМИ.

Отдел по связям с общественностью. У данного отдела свои специфические функции и, как правило, отдельный бюджет, который расходуется на проведение специальных кампаний и проектов. Каждое министерство имеет свои кампании, например, Минздрав – кампанию против курения, Минтранспорта – против вождения в нетрезвом состоянии и т.д.

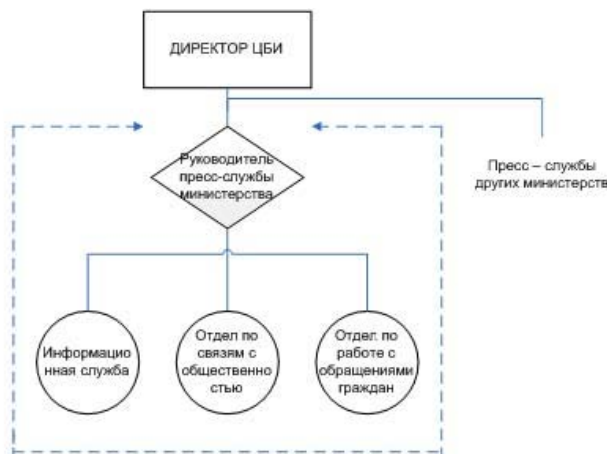
Отдел по работе с письмами и обращениями граждан (*Enquiry Office*). Занимается письмами и обращениями граждан.

Данная структура управления общественными коммуникациями существовала довольно долго, однако и у нее были существенные недостатки. Основными проблемами в эффективности функционирования системы были отсутствие у региональных отделений хорошо налаженных связей с

телевидением, газетами и другими СМИ, а также плохая скоординированность центрального и региональных офисов, вследствие чего региональные отделения зачастую работали вразнобой.

Рис. 5.

Структура Центрального бюро информации

Преобразование системы в 1997 году премьер Блэр начал с учреждения должности министра информации, в обязанности которого вошли координация и совершенствование деятельности работы пресс-служб в правительстве Великобритании. Следует заметить, что министр информации лишь координирует деятельность пресс-служб, а тактическое руководство системой осуществляет пресс-секретарь премьера. Блэр также переименовал ЦБИ в Агентство правительственной информации и коммуникации – АПИК (*Governmental Information and Communication Service – GICS*), в которое Центральное бюро информации вошло лишь в качестве одного из структурных подразделений.

Центральной структурой в АПИК является специальный отдел, созданный при Кабинете премьер-министра – Комитет стратегических коммуникаций – КСК (*Strategic Communication Unit – SCU*). В состав этого комитета входят директора всех 12 региональных отделов информации, пресс-секретари каждого министра и шесть представителей различных партий. Именно этот комитет определяет информационные приоритеты и решает, какую информацию правительство должно предоставить общественности.

В новую структуру АПИК входит подразделение, которое проводит соответствующую работу с фокус-группами и раз в неделю предоставляет данные на обсуждение в КСК. Еще одно исследовательское подразделение,

совместно с департаментами министерств, занимается поиском и обнародованием т.н. «фактов-убийц» (*«killer-facts»*). Исследовательская группа ищет факты по наиболее актуальным и востребованным со стороны общественности вопросам и по мере их нахождения посредством «сети знаний» (компьютерная сеть и программные продукты для информационного обмена, а также пейджеры, имеющиеся у каждого члена правительства) распространяет среди членов правительства и парламента.

Комитет стратегических коммуникаций выполняет также функцию согласования стиля и времени опубликования информации всех правительственных структур. Для этой цели существует специальный отдел и специальный компьютерный комплекс, называемый *«Agenda»* (повестка дня). Он устанавливает порядок и график обнародования правительственной информации. Данная система исключает перекрывание одних сообщений другими. К примеру, сообщение из области здравоохранения не должно перекрывать более значимую информацию из сферы внешней политики. Компьютерный комплекс *«Agenda»* также называют компьютером «быстрого реагирования», так как он содержит обширную базу данных всевозможных высказываний политиков на различные темы, а также материалы газет и телевидения, касающиеся политики. Данный компьютерный комплекс может в считанные минуты выдавать информацию о том кто, где, когда и как высказывался по тому или иному вопросу. Он связан со всеми правительственными департаментами в регионах, с Центральным бюро информации и его региональными отделениями.

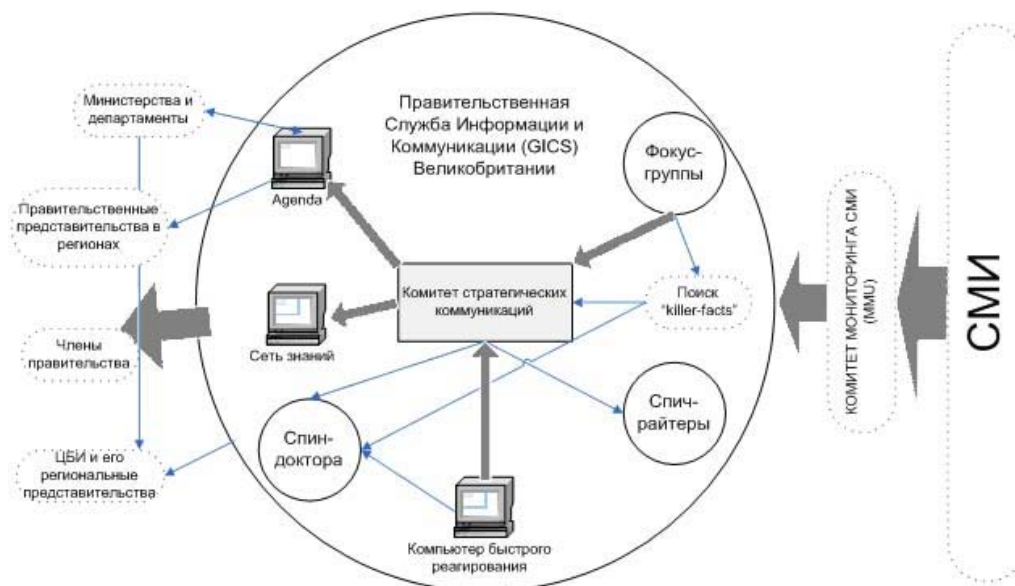
Все решения Комитета стратегических коммуникаций направляются в отдел спин-докторов, которые предоставляют информацию общественности под наиболее выгодным ключом. Есть также отдел спич-райтеров, которые готовят речи для министров и пишут материалы для прессы, публикуемые от имени правительства.

Естественно, что для обеспечения максимальной эффективности работы всей системы необходим постоянный мониторинг СМИ. Эта задача выполняется отдельным департаментом – Комитетом мониторинга СМИ (*Media Monitoring Unit – MMU*). Этот отдел проводит круглосуточный мониторинг СМИ с целью идентификации публикаций и сообщений, касающихся правительства, что обеспечивает возможность оперативной реакции со стороны последнего.

Структура Правительственной службы информации и коммуникации Великобритании включает перечень других департаментов и отделов, однако основные структурные компоненты системы можно представить следующей схемой (рис. 6) [5]:

Рис. 6.

Правительственная система связей с общественностью Великобритании

Проблема координации и повышения эффективности структур, ответственных за связи с общественностью, с целью увеличения присутствия государства в информационных потоках стала актуальной и для государств бывшего социалистического лагеря. Ряд проектов был направлен также на становление и продвижение имиджа государства на внутреннем и внешнем информационных пространствах. Отметим среди прочих проекты Эстонии, Польши, Украины [4]. Эстонский проект был призван сделать «более заметной» маленькую Эстонию, польский проект ставил задачу убрать с имиджа государства налет отсталой католической страны, украинский – подразумевал борьбу с имиджем коррумпированной страны, который наносил серьезный ущерб доверию к власти и привлечению инвестиций в страну. С 2001 года в Казахстане, согласно постановлению правительства республики, была реализована «Программа освещения деятельности государственных органов Республики Казахстан». Заявленными целями и задачами данной программы являлись: *укрепление позитивного имиджа государственных органов Республики Казахстан; совершенствование нормативной правовой базы деятельности пресс-служб и служб по связям с общественностью государственных органов Республики Казахстан; осуществление комплекса организационных и практических мероприятий, направленных на формирование позитивного имиджа государственных органов Республики Казахстан; создание единой*

системы информационно-пропагандистского обеспечения деятельности государственных органов Республики Казахстан; выработка механизмов эффективного взаимодействия и координации информационно-пропагандистской деятельности центральных и местных государственных органов Республики Казахстан [5].

3. Информационная политика в РА

В Армении первым и, пожалуй, единственным нормативным документом, регламентирующим деятельность структур, ответственных за информационную работу органов государственного управления, является принятое 6 мая 2004 года правительственное постановление *«О типовом уставе подразделений по связям с общественностью органов исполнительной власти, о функциях пресс-секретаря руководителя органа исполнительной власти»* [6]. Данное постановление, помимо общих положений, определяет основные задачи и функции департаментов по связям с общественностью исполнительных органов власти, а также обязанности и полномочия пресс-секретаря руководителя органа исполнительной власти. По сути, документ призван внести ясность в вопросы функций, полномочий и субординации департаментов по связям с общественностью и пресс-секретарей руководителей исполнительных органов власти. Кроме того, для обеспечения эффективности департаментов по связям с общественностью дается перечень минимально необходимых средств технического обеспечения: один телевизор, один видеомagnetофон, один компьютер, один принтер, один факс и один диктофон. Однако, несмотря на безусловную необходимость подобного документа, остается ряд нерешенных вопросов. Так, согласно исследованиям организации *PriceWaterHouseCoopers* и Армянской ассоциации по связям с общественностью, занятые в сфере связей с общественностью государственных учреждений и ведомств специалисты среди прочих проблем отмечают отсутствие финансирования на проведение конкретных мероприятий и программ, недостаточность технического обеспечения, в частности возможности использования Интернета и создания *Web*-сайтов, отсутствие согласовательных механизмов опубликования, отсутствие постоянных программ по повышению профессиональной квалификации, отсутствие учреждений, готовящих кадры по данной специальности (на данный момент при содействии Армянской ассоциации по связям с общественностью предметы данной области разработаны и преподаются в ряде вузов Армении лишь в качестве отдельных дисциплин).

Очевидно, что для реализации вышеназванных задач требуется пересмотреть основные положения и подходы реализации информационной по-

литики государства. Подобные преобразования возможны лишь при наличии выработанной концепции, в которой должны быть определены задачи и объекты информационной политики Армении, основные направления и механизмы ее реализации, а также результаты воздействия информационной политики на социально-экономическое, политическое и культурное развитие Армении в условиях нынешних реалий.

Одной из задач информационной политики является также повышение уровня доверия к государству и власти посредством постоянного и объективного информирования граждан страны и диаспоры относительно продвижения реформ и реальных достижений в общественно-политической и социально-экономической сферах. В рамках государственной информационной политики должны быть заложены основы для решения таких крупных задач, как формирование единого информационного пространства и вхождение Армении в мировое информационное пространство, обеспечение информационной безопасности общества и государства, формирование конструктивно ориентированного массового сознания.

Необходимость решения столь масштабных задач требует эффективного управления всеми видами кадровых и информационных ресурсов, элементами информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, регулирования деятельности существующих государственных электронных и печатных СМИ и создания новых.

Информационная политика Армении по своей сути должна отражать и учитывать множество интересов граждан, общественных организаций и движений, государственных органов власти и органов местного самоуправления, государственных организаций и коммерческих структур, организаций и объединений диаспоры.

Политика Армении в информационной сфере должна также принимать во внимание различные уровни социально-экономического, научно-технического и культурного развития областей Армении и диаспорских образований. Отсюда возникает необходимость активного участия всех заинтересованных граждан и структур в конкретизации, развитии и реализации положений информационной политики.

Очевидно, что для развития государства без социальных взрывов и потрясений необходимо, чтобы общество адекватно реагировало на действия власти, а формирование соответствующего морально-психологического состояния общества возможно в условиях дополнительного информационного взаимодействия всей системы органов власти с обществом, публичного разъяснения своих решений и действий.

Ноябрь, 2005г.

Источники и литература

1. Берн Э., Лидер и группа, Екатеринбург, 2001, с. 5.
2. Почепцов Г., Психологические войны, Ваклер, 2000, с. 45.
3. Кит Хэмпсон, Материалы лекции «Правительство Великобритании. Координация связей с общественностью», семинар новосибирской Школы Гражданского Общества, г. Новосибирск, май 2003.
4. Сагателян А., Проблемные аспекты государственной информационной политики стран переходного периода. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Киров, 2005, т. II, с. 181.
5. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 мая 2001 года № 712, <http://www.adilsoz.kz/old/l&l/2001/010/02/page04.htm>, 30.09.2005.
6. Հայաստանի Հանրապետության Կառավարության նիստի արձանագրությունից քաղվածք, 6 մայիսի, 2004թ., N17:

ON PROBLEMATIC ASPECTS OF THE STATE'S INFORMATIONAL POLICY

Arman Saghatelyan

Resume

One of the distinctive peculiarities of our reality is the fact that almost all geopolitical subjects are at war with one another, however in non-traditional understanding of this word and by means of new technologies, among which technologies aimed to forming and reforming (correcting) of social consciousness deserve a special attention. Although there is difference in modes of states functioning and structures, including their unions, transnational companies, international, social, religious and other organizations, there is a specific commonality among them – as a matter of fact, all they are groups. The most important trait of all the groups, including states, is fact of its existence. Therefore, the main task for the group is to survive as long as possible. At the same time, the critical factors are durability, effectiveness and its capacity to develop. Yet, the civilizational transformations that occurred in the XX century entailed another status of informational component for modern society. The dependence of society on information has radically changed making it more vulnerable.

In Armenia the first and perhaps the only normative document regulating the activity of structures, responsible for the informational activity of governmental bodies is the governmental resolution adopted on the 6th of May 2004 *“About the typical charter of divisions on public relations of executive power, about the head of executive power’s press secretary”*. However, taking into consideration the existing realities, it is obvious that for settling a number of problems, it is required to reconsider the main regulations and approaches of the state’s informational policy realization. Such transformations are possible only in the presence of worked out conceptions where the aims and objects of Armenia’s informational policy, the main directions and mechanisms of its realization as well as the results of informational policy’s influence on social-economic, political and cultural development of Armenia in today’s realities must be defined.

Памятка автору

Журнал «21 Дар» публикует статьи аналитического характера, в которых преобладают темы, затрагивающие актуальные проблемы Республики Армения. *Заказанные* редакционным советом журнала статьи и материалы являются собственностью Фонда «Нораванк».

Принимаемые редакцией статьи рецензируются. Публикации журнала выражают точку зрения их авторов.

Требования к представляемым материалам

1. Статьи должны быть представлены на армянском, русском или английском языках, печатно (в двух экземплярах) и на дискете, в компьютерном наборе (*MS WORD*) шрифтами «*Times New Roman*», «*Sylfaen*» (русский, английский) и «*Sylfaen*», «*Arial LatArm*» (армянский), размером 11.
2. Страница статьи должна соответствовать формату А4 и иметь поля: слева 1.0 см, справа 3.0 см, сверху и снизу 2.5 см. Межстрочный интервал – 1.5. Обязательно наличие аннотации и резюме. Резюме приводится на языке, отличном от языка самой статьи.
3. Ссылки на использованную литературу приводятся в квадратных скобках, в сквозной нумерации по порядку их следования в статье. При неоднократной ссылке на один и тот же источник в квадратных скобках после номера источника указывается номер страниц на языке оригинала («էջ» на армянском, с. на русском, р. на английском, французском и т.д.), например: [2, с. 11-12]. В конце статьи, в разделе «Источники и литература» приводится их список в сквозной нумерации по порядку их следования в статье на языке оригинала, шрифтом размером 10, например:
 1. Шарипова Р., Панисламизм сегодня: идеология и практика Лиги Исламского Мира, М., 1986.
 2. Մարգարյան Ա., Երկրի մրցակցային ռազմավարությունը տնտեսական անվտանգության համատեքստում, «21-րդ Դար», # 1, էջ 5, 2003:
 3. Yasha Lange, Media in the CIS, Center for Civil Society International, Amsterdam, 1997, from <http://www.internews.ras.ru/books/media>, Sept. 28, 1998.
 4. <http://www.oecd.org/dsti/sti>, March 1, 2001.
4. При языке источника, отличном от армянского, латинского алфавита и кириллицы, ссылки приводятся латинской транслитерацией. В скобках указывается перевод и язык, например: *AI-Arman fi Lubnan* (Հայերը Լիբանանում, արաբ.).

Редакционный совет